

84(2Рос=Манс) (2н)

К Ш51

СССР- БРАТСТВО НАРОДОВ

● Югра — древнее имя Ханты-Мансийского Севера. Новгородцы, пришедшие сюда еще в XI веке, писали: «Дивное чудо нашли, о котором мы не слышали раньше!»

● Мансийский поэт Юван Шесталов воспевает дружбу народов. Для него она началась еще в детстве — первой русской книгой, русской учительницей, интернациональным составом школьного класса.

● Ныне земля Югория прославилась нефтью и газом, лесами и рыбой, песнями и сказками. О том, как дружно трудятся здесь люди разных национальностей, как крепнет их содружество, повествует эта книга.

Юван Шесталов
Земля Югория

“СОВЕТСКАЯ РОССИЯ”

**СССР.
БРАТСТВО
НАРОДОВ**

**Юван Шесталов
Земля
Югория**

- 017002 -

Москва
«Советская Россия»
1985

Ханты-Мансийская

государственная библиотека

**1 Ханты-Мансийская
Тюменской области**

**Краеведческий
ФОНД**

32С1
Ш51

165.9(2Р55)
63.3(2Рое = 6Хан)

Рецензент — член Союза писателей СССР
Ю. В. Идашкин

Шесталов Ю. Н.

Ш51 Земля Югория.— М.: Сов. Россия, 1985.—
128 с.— (СССР — братство народов).

Книга известного мансийского писателя лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Ювана Шесталова посвящена Ханты-Мансийскому автономному округу, который прежде называли Югрой. Русские землепроходцы, открывшие сказочную Югру, писали, что там «белки идут дождем, а соболя скачут черной метелью...» Главная тема произведения — современность, люди — первые учителя, врачи, советские и партийные работники, нефтяники; дружба советских народов, их интернационализм.

Ш 4702010200—134 175—85
М-105(03)85

32С1

© Издательство «Советская Россия», 1985 г.

Когда в руках журавль

Вода и небо. Дерево не шелохнется, гладь воды не вздрогнет. Лишь комары жужжат. Будто я снова попал в сказку детства, когда в нашем северном краю стояла тишина. Большая тишина.

Слышу легкий шорох. Гляжу: лягушка смотрит из воды. Стрельнула в глубину. Вынырнув, запела: «Ква! Ква!» Плеснула рыба. Это рыба песня. Где-то кукушка пробует голос, пытается подсчитывать чьи-то годы. И кукушкина песня утонула в таежной тишине.

Тишина воды. Тишина неба. Тишина души.

Вдруг слышу что-то знакомое, близкое. Но никак не могу понять, чей это голос. Вижу, летят белые птицы. Лебеди? А может, журавли?

Журавлей-стерхов видел давно, в детстве. Рядом с нашей деревушкой было журавлиное озеро. На берегу озера, на небольшой лужайке однажды я увидел двух белых птиц и замер, завороженный их танцем. Высоко вскинул голову, белоснежный журавль кружил по лужайке, то ускоряя, то замедляя шаг. Он то вытягивал и отклонял шею, то кивал в такт головой. Журавлиха стояла не шевелясь, будто заснеженный идол. Она, наверное, была зачарована танцем. Журавль расправил могучие крылья и теперь уже не вышагивал, а летел, как олень, едва касаясь земли. Но это был не полет, а танец. Свадебный танец белого журавля перед белой журавлихой. Глаза мои росли. Мне хотелось подойти ближе, чтобы лучше разглядеть чудо, творимое птицами. Я шевельнулся. Танец оборвался. Две белые птицы рванулись в небо. Качнулись облака. Замерла земля. Все вокруг помертвело. Редко кому выпадает счастье услышать песню журавля. А видеть танец — тем более.

В журавлином озере золотая гладь.
Никогда нетуманится та золотая гладь.
На золотой глади не белые облака,
На золотой глади белые птицы
В белую ночь танцуют белый танец.
У журавля-стерха белая шуба.
У журавля-стерха граненый клюв.
У журавля-стерха красная кайма на глазах,
Золотая песня на устах.

Журавль птица редкая, как манси. И поет он редко, как манси. Говорят, лишь под конец жизни поет журавль. И кто услышит журавлиную песню, у того магический слух. В журавлиной песне — заповедь жизни. Услышавший журавлиную песню должен остановиться, замереть и в глубокой тишине поразмышлять о жизни.

В моих руках журавль. Не птицу держу я. В руках у меня многострунная мансийская арфа — торыг. Похожа она на журавля с гордо выгнутой шеей.

Я трогаю струны и вслушиваюсь. Но сегодня меня волнует не ритмичная мелодия, и древнюю мансийскую арфу беру не оттого, что просто захотелось попеть. Журавль-арфа для манси и ханты — священный инструмент. Не каждый мог дотрагиваться до его струн. Лишь по большим дням звенел его голос, лишь от большого горя стонали его струны-жилы¹, лишь от великого счастья мудрый журавль пел.

Я осмелился взять его в руки. Не оттого, что он запылится и некому больше играть. Я трогаю волшебные струны и думаю думу о земле, на которой родился и рос.

Земля моя! Ханты-Мансийский автономный округ... Трону первую струну волшебного журавля — и задумаюсь: почему нефтяным называют край наш? Что это такое?

Трону вторую струну — и опять задумаюсь: «кладовой голубого топлива» величают Север наш. Почему? Что это за кладовая?

Трону третью струну — третью думу думаю: «Край будущего», — пишут в газетах. А какое это будущее?

А коль тронул три струны — играй на журавле! Играй на всех струнах! Таков обычай.

А струн у арфы много — как чудес на моем Севере!

¹ Струны для торыга сделаны из жил лося или оленя.

Струн у арфы много, как в жизни историй, легенд. А у каждой струны свой голос. Тронешь струну и услышишь: «Дивное чудо нашли, о котором мы не слыхивали раньше!..»

Так воскликнул древнерусский летописец XI века, передавая рассказ новгородца, который побывал в «полуночных странах» — в нашей Сибири. Это первое известие русских летописей о Югорской земле — так тогда называли огромный край от Урала до Енисея.

Югра — древнее имя нашего Ханты-Мансийского Севера. Она казалась новгородцам сказочной, богатой страной, где происходят чудеса: «Вот старики наши ходили на Югру... Сами видели: в полуночных странах спадала туча, а в той туче спадала белка молодая, только что рожденная, вырастала и расходилась по земле; и бывает другая туча: спадают в ней олени маленькие, вырастают и расходятся...»

И в стране, где белки идут дождем, а соболя скачут черной метелью, где есть золото и драгоценные камни, смелые землепроходцы искали неведомые тропы.

Тронешь струну — и звенит глухарина песня, шелестит зелеными иголками пятисотлетний кедр, трубит лось.

Тронешь струну — и скрипят лыжи из лосиного камуса¹, и поет белый-белый снег.

Ты идешь по зимней тайге. Читаешь следы зверей и птиц на снегу — и вдруг встревожит тебя мысль: нынче людям снится космос. Но неужели человечество забудет земные сны? Неужели в наших потомках не шевельнется душа рыбака и охотника, знатока и ценителя природы?

Тронешь струну — и плещутся полноводные реки, и рыбы над струями пляшут, хватая бабочек. А небо, небо белой ночи, звенит от полета уток, гогота гусей, лепета журавлей... Живая музыка вечной белой ночи неужели вас не заморозит?

Тронешь струну — и задумываешься: «А как обо всем этом рассказать?»

Может, сказки помогут? Ведь в них глаза народа.

Может, песни помогут? В них душа народа.

¹ Камус — шкура с ног лося, которой обшивают охотничьи лыжи.

А может, обыкновенная быль ярче самой причудливой сказки?

А точные факты и цифры?

Трогаю струну волшебного журавля и решаю: «Сказка, пой о жизни! Цифры, говорите! Летопись, напоминай! Песня, лейся!»

Сначала была сказка

Сначала была сказка. Солнце — сказка. Вода — сказка. Мама — сказка. Дедушка — сказка. В дедушкиной сказке все просто. И журавль человек. И осетр человек. И медведь человек. Осетр — водяной человек. Медведь — лесной человек. И среди них главный — просто человек.

И мне в сказочном детстве казалось, что самые настоящие люди на земле — манси, так же как среди рек — Обь, среди рыб — осетр. Рядом с манси живут ханты. Слово «ханты» означает «человек». Есть на земле народ хатань. Это — татары. Есть еще ненцы, скачущие на оленях, зыряне, привозящие из-за Урала различные драгоценности и сукна, и где-то далеко-далеко тунгусы. И есть русские... Они учат манси различать «следы мыслей» на бумаге. И, говорят, они лучше шаманов умеют лечить больных. Дедушка мой этому не верил. Он сомневался: «Разве могут какие-то лекарства колдовать лучше шаманов?» Дедушка произносил это тихо, так, чтобы мой отец не слышал. Мой отец — большой человек. Он не только рыбак и охотник, но и председатель колхоза. Коммунистом называли моего отца, Атю.

Дедушка с бабушкой жили в деревне Квайк-я. Квайк-я стоит на берегу реки. Река тихая, как задушевная песня. У самой воды их избушка.

Я стою на Самаровской горе. Вдали Иртыш. Необозримая водная гладь. Кажется, вода сливается с небом. На светло-бирюзовом небе ни облачка. Беззвучна черная тайга. Лишь изредка где-то лает собака. И снова ти-

шина. Замерли деревья, река и небо. Белая ночь. В такую ночь природа таинственна.

Но вот помутился Иртыш. Проступили белесые пятна тумана. Он просочился из оврага, поросшего густым лесом. Наверное, снизу его что-то теснит. Тайга начинает проваливаться, тонуть. Еще немного, и высокий яр, на котором я стою, становится крошечным островком среди безбрежного моря облаков. Островок как будто плывет по большой воде. И мне хочется лечь, прикинуть к этому клочку суши, чтобы не сорваться в бездну.

Вода... Почему я отношусь к ней с неизъяснимым трепетом, словно передо мной живое существо, перед которым я благоговеею? Не от предков ли подобные ощущения? Предкам моим кормилица-река казалась волшебным духом, богом.

А чем еще могла казаться древнему человеку река, вечно куда-то стремящаяся, бегущая, сверкающая, способная разливаться, как море, и сузиться до небольшого потока, который можно перейти вброд, река, благосклонная к человеку, одаряющая его рыбой? Или в гневе поглощающая его вместе с лодкой в своих водоворотках и стремнинах?..

У каждой реки, у каждого водоема был свой водяной царь, своя водяная царица. Им приносились жертвы. Я помню, как мой дедушка, проезжая некоторые плесы, бросал в воду то монету, то колечко, то с головы волос, а то просто слово. Вода, как всякое живое существо, любит доброе слово...

— Жизнь — река, — говорил дедушка, — течет, не останавливаясь. За каждым плесом, за каждым поворотом река таит новую тайну, новую загадку. Жизнь — загадка.

Дедушка часто мне загадывал загадки.

— Голос хорошего журавля за семь рек слышать. Что это такое?

— Это слово. Слово-песня.

— Соболь и бобер одного роста. Что это такое?

— Небо и земля, — скажут манси.

— Что сильнее всего на Земле?

— Земля. Земля, родившая все земное...

Небо и земля. На земле снег. На небе луна, звезды, северное сияние. На земле морозно. Снег скрипит. Де-

ревья не шелохнутся. Реку сковал ледяной сон. А небо играет.

Величественная игра красок. Сполохи неистовствуют, как рыбы в миг нереста. На небе кипит сказочная жизнь. Кажется, цветные рыбы плывут то среди могучих зарослей, то в ущельях меж громадных вершин разноцветных и таинственных гор.

Кто зажег огонь чудесный?
Золотой костер небесный?
Не живет ли в вышине
Великан могучий?
Не печет ли на огне
Хлеб себе за тучей?

Не из подобных ли вопросов возникла сказка северного человека? Не здесь ли исток его длинной, как полярная ночь, думы?

Игра неба каждый раз вызывает во мне чувство вечной стужи и холода. Почему? Не знаю.

На небе пылает жаркий костер. Мне тоже хочется посидеть у огня. Мне тоже хочется жаркого лета. Но сколько помню себя, мы живем на берегу холодной реки. На земле — снег. И ничего, кроме снега. А небо играет.

...Я живу. Давно живу. Вечно живу. У меня есть мама. Мама моя сильная, румяная. А запоет она — даже вечный снег начинает таять. Зазвенят, зажурчат ручьи. Только мама моя почему-то редко поет. А все смотрит на меня печальными глазами. Потому, наверное, и весна так долго не идет. Все мороз, мороз...

У меня есть папа. Папа тоже сильный. Голова у него черная, кудрявая. Руки сильные. Ноги быстрые. Станет на лыжи — лося догоняет. Соболь от него не может уйти. Даже великий медведь складывает перед ним свои могучие лапы. А запоет — жаркий небесный костер спускается на землю. И само лето приходит в наш снежный край.

Только папа редко поет. Потому, что все время в тайге, на охоте. Потому, наверное, и лето короткое, как сладкий сон.

Лодка — моя колыбель — качается на воде.
Солнце — моя колыбель — качается в небе.
Вода живая, искрящаяся, поет, как мама.

У воды своя волшебная песня, своя непохожая жизнь.
Вот мелькнула стайка сосьвинской селедки.
За нею следом щука прорезала воду,
Пролетев стрелой над гладью реки.

И стая окуньков, сверкнув золотисто-бурундуковыми спинами, растаяла в темной глубине. Медленно шевеля плавниками, важно проплывает осетр. Его спина похожа на стену зубчатой тайги, подступающей к самому берегу. А стерлядки маленькие, юркие, быстрые. Язи, как непослушные мальчишки, прыгают, плещутся, ломают зеркало реки.

Над водой проносятся косяки уток, задевая ее острыми крыльями. Над зеленой поймой качаются тяжелые гуси. Кричат лебеди о чем-то сокровенном, всеобщем в этом мире. Кулички суетливо посвистывают, каждый о своем. Квакает лягушка. Выпь вопит зловеще. Гагара где-то голос подает. Только кедр молчит. Он стоит над крутым берегом, раскинув колючие ветви, глубоко задумавшись. Может, он думает: «Почему такое короткое лето? Почему его надо ждать долго-долго?..»

Небо и земля. На земле снег. На снегу я. Я не одинок. У меня есть друг — собака. Большая, как и я. Зря болтают, что щенок. Лает, а глазами улыбается. Никого зря не укусит. Она всюду со мной. Я хочу пойти далеко-далеко, где живет добрый огонь, — принести лето. Хочу, чтобы было тепло, светло, высоко!..

Мир холода, одиночества, отчужденности... Нет, это не философы придумали. На многоликой земле существует холод. Но есть на ней и огромное тепло. И его творят люди нашей страны. Они, по сути своей, огнедобытчики, теплотворцы. И даже в недрах земли, казавшейся мне когда-то ледяной, оказались неисчислимы запасы энергии. А сколько тепла, энергии заключено в душе человеческой! Я видел тепло человеческих отношений. Грелся у костра дружбы. Я — свидетель того, как человек советского Севера шагнул в эру космоса.

Некоторые утверждают, что время сказки прошло. Не стану спорить. Я буду петь о времени, о моем народе. Проза переходит в стихи, стихи врываются в сказку... Ведь все жанры условны. Их придумали люди, так же как и сказки, — в неумемной жажде познать себя и мир, разгадать извечные тайны жизни.

У огня хорошо. Особенно после мороза. Я сажусь у самого чувала. Чувал — полукостер, полупечь.

— Пора спать, — объявляет Асьойка.

— Нет, дедушка. Спать я еще не хочу. Давно ли месяц вышел караулить звезды? Недавно. Ты лучше расскажи сказку. Волшебную.

Дедушка Асьойка молчит. Он задумчиво глядит в дымовое отверстие, куда устремляются искры-звезды. Сразу не соглашается. Потом спрашивает:

— Дорос ли ты до сказки? Поймешь ли?

— Разве я маленький? — возмущаюсь. — А сколько ты мне уже сказывал? Разве это не сказки?

— То простые сказки. А я тебе хотел...

— Расскажи, Асьойка! Пожалуйста!

— Ну раз ты уже большой, давай поговорим.

— Когда все люди на одном языке говорят?

— Не знаю.

— В детстве, наверное, все люди на одном языке говорят, — тихо тянет бабушка Анеква в лад потрескиванию огня. — В детстве, когда плачут, в детстве, когда впервые видят мир, в детстве, когда задумываются над загадками не только северного сияния...

— Ай да бабушка! — восклицает дедушка. — Ай да бабушка!..

Асьойка вытащил из кармана расшитый кисет. Насыпал на ладонь пахучего табаку. Потер его кончиками пальцев, темными, как и сам табак. Понюхал. Крякнул. И снова заговорил:

Без ветра листья не колышутся.

Время — ветер.

Что ветром приносит, то ветром уносит.

Плохое от плохого ветра времени,

Хорошее — от хорошего.

Не познаешь бури —

Не полюбишь тишины.

Помню, отец сказал: «Дедушка твой шаман. Мы хотели разбить его бубен. Но он добровольно сдал в колхоз лошадь, корову, барана. Бубен его мы пока оставили в покое. Но ты его сказки не слушай. В нашей деревне школу открывают. Учителя хорошие. Книги у них умные».

Мама не согласилась: «Иди в школу, но знай: дедушка твой не злой. Он меня плохому не учил. Он для всех добра и разума хочет. Иди в школу. Слушайся учи-

тельницу. Сам теперь большой. Сам и решай. Живи. Учись. Думай».

У учительницы было много красивых вещей: книг с рисунками, тетрадей, карандашей. Тетради белые, точно сделаны из шкуры доброго зверя. Но самое интересное, конечно, карандаш, которым можно рисовать, выводить разные тамги — родовые, именные знаки. И как эта палочка не сгорела, когда ее прожгли насквозь и угли остались в середине? Я очень обрадовался, когда учительница подарила мне такую палочку и тетрадь.

А еще в школе был барабан. Он походил на бубен дедушки. И хотя по барабану били не лапками от священной птицы гагары, а обыкновенными палочками, он так же, как бубен, гремел и рокотал.

Дедушка сказал: «Видишь, и им не обойтись без бубна. Иди в школу. Посмотри их книги. Может, в них есть что-то стоящее для человека высокого леса и чистой воды».

Помню осень. Ту осень, когда из мира дедушкиных сказок я сделал шаг в иной мир.

Самый большой дом стоял на краю деревни. Там — школа. Книги с картинками. На них утки и рыбы нарисованы. И дома, и лодки, и мальчики такие же, как я. Мой дедушка так на дереве не вырезал бы. А кто-то смог...

Первая книга, с которой я познакомился, называлась «Букварь». Еще одно название было у нее — «Новый путь». Путь — это то же самое, что и дорога. К нашей деревне вела одна большая дорога. По ней приезжали знакомые и незнакомые, родные и гости. Зимой река замерзала. И тогда ездили на оленях да на лошадях по узкой санной дороге. О каком пути может поведать эта книга? Может, в ней начало и моей дороги?

Книги оказались интересными не только своими красочными рисунками. Буквы, собираясь в строчки, шли и шли, как стадо оленей по горной тропе, спускаясь с одной мысли, поднимаясь к другой. Прочтешь страницу — будто тропу пройдешь, вторую прочтешь — на незнакомую гору подымешься, а всю книгу прочтешь — в волшебной стране побываешь.

Белая лошадь — самая дорогая жертва языческим духам. Но не об этом у меня сегодня речь.

Белая лошадь — дорогой подарок. Белая лошадь — счастье и радость. На белой лошади самую добрую весть приносят...

На другой стороне реки белая лошадь стоит. На спине белой лошади человек стоит. В руках у него красный-красный флаг. На весеннем ветру в лучах майского солнца алое знамя полощется. Какая весть может быть самой драгоценной и долгожданной? Какую весть можно нести только на белой лошади? Конечно, о победе!

— Победа! Победа! — кричим мы, выбегая на берег журчащей реки.

«Победа! Победа!» — кажется, гогочут гуси, высвистывают летящие утки. И о том же где-то за озером лепечут лебеди. И вся оживающая природа лепечет, горланит, поет волшебную песню обновления, песню победы жизни!

Мы — красные. Поэтому и над белой лошастью развевается красное знамя.

Вынес народ наш войну стоя. Потому и принесший праздник стоит на спине белой лошади и крепко держит наше знамя. Один за всех, все за одного...

Хотя нас разделяет широкая весенняя река с рыхлым льдом на середине, с кипящими берегами, мы стоим словно рядом с ним и держим наше победное знамя.

И хотя наша деревушка Камрадка далеко-далеко от большой земли и отрезана от мира непроходимой тайгой, разливающимися реками, мы не чувствуем себя заброшенными.

Наше дело правое — мы победим!

Это мы знали раньше. Когда голодали — знали это, когда мерзли — знали это, когда добывали рыбу из-под льда — знали это, когда шли на бой — знали это.

И нужно ли разъяснять, почему человек на другой стороне реки стоит на белой лошади с красным флагом?

На песчаном берегу реки праздник. Мы пляшем танец Победы. Мамы наши целуются, смеются, плачут. Деды наши вдруг словно помолодели, приподняли головы, как лоси рога, и о чем-то важном рассуждают. Мы кидаем в голубое небо кепки, брызжемся водой ледянистой, как на медвежьем празднике, когда зверя убивали.

Нет больше зверя! Гитлера больше нет! И мы водой

хрустальной плещемся, дарим друг другу радость и о счастье мечтаем...

И в каждое девятое мая в памяти моей выплывает белая лошадь, человек, стоящий на белой спине, и высоко развевающееся знамя Победы. И думается мне: не высечь ли из камня такой памятник, не поставить ли его на берегу той неведомой миру таежной реки?

Войну мы выиграли. Победили. Но большой ценой. Послевоенная разруха, голод были не менее тяжкими, чем война. Каждая семья ее ощутила.

От голода умерли дедушка и бабушка. А за ними — моя мама. За мамой тетя — мамина сестра. У тети остались дочь и сын, такие же, как и я. У них больше родных не было. У меня где-то был отец.

Меня потрясла смерть мамы.

Маму похоронили. Приехал отец, сходил на могилу. Потом мы с ним и тетей Акулиной, которая когда-то нянчила меня, сели на катер и поплыли вниз по Оби далеко-далеко от родных мест. В новой, незнакомой деревне люди говорили на непонятном — хантыйском языке. Многие было непонятно мне. Почему здесь за столом хлеб, сметана, мясо? Почему в мамином доме всего этого не было? Почему мама с утра до ночи бывала с рыбаками на лове, а мачеха все время сидит дома? Другие женщины-колхозницы ловят рыбу, охотятся, корчуют лес, сажают картошку. Почему, в конце концов, у других ребят есть мамы, а у меня — мачеха?

И я заболел. Заболел какой-то странной болезнью. Меня не бросало в жар, не трясла лихорадка, меня пронизывал холод. Я дрожал. Все время дрожал, как маленький щенок, выброшенный на колючий снег из темной теплой конуры.

Мачеха была не злой. Никогда не била меня. Только иногда ворчала. И однажды пожаловалась на меня. Наговорила учительнице, будто я один съел всю выданную семье пайку хлеба и сахара.

Вызвали меня в кабинет. За большим казенным столом учительница. Напротив нее — мачеха. Когда я вошел, мачеха что-то торопливо объясняла ей, я разобрал только: «Вор! Вор!»

Я стоял перед ними, как потерянный. Последняя надежда: тянусь глазами к учительнице. Но она поверила

мачехе. Даже стала ругать меня. Та, у которой голос мамы, поверила не мне!

Слезы покатались из глаз. И я побежал. Побежал прочь от холода, от напраслины, от непонимания...

Самая большая дорога у нас — река. По реке привезли меня к мачехе. Теперь замерзла река, укрылась белым снегом. До деревни моего детства недалеко: каких-то сто километров. И я побежал по снежной реке. Колючий ветер жег лицо, пробирался под мех малицы. Наступавшая ночь показалась черной колдуньей Танварпеквой. «Защекочет меня ледяными пальцами Танварпеква, и никогда не увидет мне родную деревню, друзей и тетюшку, которая всегда найдет для меня кусочек сахара,— подумал я, остановившись на развилке двух дорог.— Может, на ночь вернуться обратно и выспаться, забравшись в сено?..»

Я так и сделал. Забрался на чей-то сеновал, на самый верх. Зарылся в сено. Внизу корова. Я слышу, как она жует. Веселее, когда не один. Засыпаю. И снится мне жаркое лето. Солнце в речке. Вода теплая. Я плыву. Плыву и почему-то смеюсь и плачу. Брызги радужной воды — соленые, как слезы. Они стынют ледяными сосульками у ресниц. И ноги почему-то тяжелые. Точно они тоже оледенели...

Проснулся я в интернате. У моей кровати стояла учительница. Она смотрела на меня не так, как вчера.

— Пойдем со мной! — сказала. Так участливо говорила только мама.

На уроках было хорошо. Я снова был счастлив, почти счастлив. Но дома... Там по-прежнему мачеха.

И меня больше и больше охватывала таинственная болезнь. Я на глазах у людей высыхал, как осенняя речка, с берегов которой уходила вода.

В деревне Теги, в центре большого объединенного колхоза, был медпункт. Хороший медпункт. Добрая там была «дохтурнай», как называли фельдшерицу. К ней, а не к шаману уже шли за помощью. Из района приезжали волшебники в белых шапках, «снежных платьях» — настоящие врачи. Лечили меня, стараясь вырвать из «цепких лап злых духов» — болезней. А я высыхал и высыхал.

Только когда меня привезли в родную деревню, я постепенно стал выздоравливать.

Мне мои учителя в школе-интернате казались всех умнее, всех мудрее. А русская учительница Ефросинья Ивановна Семенина и сегодня для мальчишек и девочек Севера такая. Она до сих пор учит детей в Заполярье.

Когда я первый решу задачу или прочитаю наизусть стихотворение, в глазах Ефросиньи Ивановны зажигается какой-то особый свет. И мне становится светло-светло. На перемене я бегаю, балуюсь с ребятами, словно я самый счастливый, словно у меня тоже, как у всех, есть мама...

И еще одна радость у меня. Особая радость. Тайная. Рядом со мной сидит Сказка. Большеглазая Сказка. Это хантыйка. Старшие зовут ее ласково Эви-лэнки. Эви по-хантыйски — девочка, девушка. Загадочно ведет она себя. Сидит рядом, а будто и не замечает меня. Лишь когда у нее по арифметике задача не получается, поглядывает в мою сторону. И я на нее смотрю.

Дергать Эви за косички — большое, единственное для меня удовольствие. Дерну ее за косички и жду, когда она запищит или пожалуется Ефросинье Ивановне. Но она, как назло, не пищит, не жалуется. Только взглянет на меня загадочно и снова смотрит в тетрадь или в книгу. Мне так и хочется разорвать, выбросить злополучную тетрадь, но я опасаюсь Ефросиньи Ивановны: вдруг ее брови нахмурятся, а в глазах погаснет тепло? В них, в глазах русской учительницы, мой свет, моя радость, моя надежда. Не будь их, я тут же замерз бы, как стекло на окне, как снег за окном, как река, закованная льдом.

Прочтет она стихотворение, по телу тепло пройдет, будто в моей душе, как в потушенном чувале, вдруг разожгли огонек. Огонек разгорался, рос. Меня бросало и в жар, и в дрожь. И я становился, словно заколдованный. И не смотрел больше на Эви, и не дергал ее косички, а вслушивался в шаманское слово Пушкина. И уносился в волшебный мир, где светло, тепло, высоко. Во мне росла надежда. Надежда была безымянной. На что надеялся — не знаю. Стихов я не писал.

Высоко, тепло, светло было мне и от встречи с Тарасом Шевченко, и Якубом Коласом, и Саломеей Нерис. Читал ее, и пели во мне соловьи. На Севере у нас нет соловьев, но я их уже слышал. Мелодичное соловьиное слово Саломеи Нерис познакомило меня не только с соловьями, но и со страной по имени Литва. Я до этого

не знал, что есть такой народ литовцы. Теперь мне хотелось побывать в соловьиной стране Литва. Во мне росла надежда на дальнюю дорогу. Позже надежда сбылась. Но это тоже было необычным. Сначала мой говоривший дух пришел в Литву, мое слово, моя книга, переведенная на литовский язык. Лишь потом вместе с ленинградскими поэтами я был приглашен в Литву на Весну поэзии. И на берегу озера, у дома Саломеи Нерис под пенье литовских соловьев я читал стихи на мансийском языке. То было мгновение, счастливое мгновение одной струны, исполненной надежды.

А пока в классе, в нашем холодном классе, сидя рядом с Эви, я слушал Тараса Шевченко, открывая солнечную Украину, Якуба Коласа, певшего о белой Белоруссии, видел бескрайние степи Казахстана, звавшие меня домброй Джамбула, слушал русских поэтов.

Теперь я был не одинок. Со мной была не загадочная Эви, не строго-приветливая учительница, а новая колдунья, самая волшебная волшебница — Книга.

Книга говорила со мной каждый день. Русская книга. Она уводила меня далеко-далеко от привычного завывания вьюги за окном, от морозного звона высоких сибирских звезд. Я душой уже жил в «чудесном чуме» — Институте народов Севера. Знал: лишь только там изучают мой родной мансийский язык, на котором говорят всего несколько тысяч человек. Неужели на этом языке нельзя сложить стихи так складно, как Пушкин — на русском, Тарас Шевченко — на украинском, Якуб Колас — на белорусском? Старик Джамбул из казахских степей своей гортанной домброй будто говорил мне: «Трость струны многострунного мансийского лебедя — может, они запоют песню седой тайги». Саломея Нерис певучей литовской лирой будила сердце юноши для вечной красоты. Байрон и Гете, Лонгфелло и Рабиндранат Тагор. Они придут потом, в институте. И путь в него шел из самого большого дома на краю нашей деревни — из школы.

Путь этот определялся постепенно. Изю дня в день, из класса в класс, из года в год. Определялся не сам собою, а благодаря огромному труду и вниманию со стороны многих учителей. Каждый из них внес в нас, школьников, что-то свое. И, слушая их, мы открывали новое не только в мире, но и в самих себе.

Особенно памятливы уроки литературы, которые вела

Зоя Семеновна Щиткова. Это было уже в средней школе, в Березове. Может, они в какой-то степени предопределили мою судьбу как литератора. Нет, никогда она не говорила мне, что чувствует во мне какие-то литературные способности. Но когда я прочитал вслух: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный», то она попросила меня прочитать еще раз не только перед классом, но и выступить с чтением горьковского «Буревестника» на общешкольном вечере. Зоя Семеновна говорила нам о чувстве слова, ритма, о способности вживаться в произведение писателя, так ощущать его, будто свое личное состояние.

Класс у нас был особый, интернациональный. В большом Березовском районе тогда была одна средняя школа. В нашем классе учились дети, которые приехали из небольших таежных селений, разбросанных по разным концам района. За одними партами сидели русские и ханты, украинец и манси, молдаванин и коми, немец и калмык... для всех нас здесь родным языком был русский. На нем мы постигали азы тайн науки и приобщались к сокровищнице духа человеческого — литературе. Если первые слова «мама» и «папа» все мы говорили на родных языках, то слово «Родина» мы с гордостью произносили на русском. Мы учились и готовились стать гражданами одной большой страны. И всем нам помогал в избрании жизненного пути могучий русский язык.

В разных концах страны работают мои одноклассники, в разных сферах жизни нашли они применение своим способностям и знаниям. Встречаясь, мы всегда вспоминаем наших учителей. И директора школы, комиссара наших душ Ивана Романовича Тарасенко и преподавателя истории Юлию Семеновну Попову, кудесника и мага физика Георгия Александровича Добровольского, нашу Полину Александровну Коган, которая не только преподавала математику, но и как классный руководитель являлась душой юношеского союза...

Весной 1954 года я окончил Березовскую среднюю школу. С аттестатом зрелости мне вручили премию по имени «Ленинград».

— Большая это премия! — сказал отец. — Бери. Тебе оказана большая честь.

Путевка в Ленинградский педагогический институт была единственной на всю школу.

017002

Когда-то в долгую зимнюю ночь дедушка любил мне загадывать загадки:

— Рядом с человеком идет, а его не видно. Что это такое?

— Не знаю,— отвечал я.

— Время,— тихо подсказывала бабушка, вышивая узоры на шубе из оленьего меха.

— Все оглядываются на время,— продолжал дедушка,— только время ни на кого не глядит. И все же снегу и дождю свое время. Придет время— и река оживает, и лед уйдет, эхо голосами птиц заголосит. Каждая птица своим клювом клюет. Каждый журавль свою подружку кличет. У каждого плеса реки свое эхо. У каждого времени— своя песня, свой шаг...

Особо остро ощутил я время, шаги времени на Ханты-Мансийском Севере. Они особые, эти шаги. Почти фантастические.

Время. Время расти. Время сопоставлять.

Сравнительно недавно я получил из Сибири письмо, взволновавшее меня:

«Ваня, это письмо тебе пишет Мария Михайловна Тищенко, первая учительница школы взрослых. Когда-то, в 1939—1940 годах, я работала в юртах Камрадки. Это значит, где ты родился. У тебя осталось в памяти что-нибудь о годах детства? Я уже сама точно не помню, сколько тебе было лет. То ли три, то ли четыре года. Твоя мама старалась одевать тебя по-русски. Брючки шила из зеленого материала, как галифе. А няры (сапожки мансийские) шила очень красивые, бисером разукрашивала. Все время ходил ты с букварем. Один карандаш за одним ухом, другой— за другим. Так делал твой отец Николай Тимофеевич...

У меня до сих пор хранится маленькое фото с Николаем Тимофеевичем. Твою маму научила я печь булочки. И сама пекла в вашей русской печке. Она одна была на всю деревню... Да, уже сорок лет как я уехала оттуда, но все до сих пор остается в памяти...»

Память детства. Память времени. И первая школа. И первый колхоз. Это время было уже на моих глазах. Помню первый новый дом не с мансийским очагом-чувалом, а с русской печью, первую борозду колхозного

огорода, первую мотолодку, на корме которой важно стоял мой отец, гордясь мощностью мотора. Помню, в осеннюю ночь 1953 года — тогда я учился в 10-м классе — наше Березово заговорило газовым фонтаном, известив мир, что в недрах Сибири таится огонь. Потом о тюменской нефти и газе услышат все, и мировая пресса назовет это замечательным открытием, а небывало быстрое освоение месторождений нарекут «сибирским ускорением».

Сегодня ханты-мансийскую землю с ее нефтяным Самотлором люди называют «осью промышленности».

Однако путь к сокровищам недр был сложным и трудным. И каждый шаг на этом пути звучал гимном советским людям, был подвигом и новаторским поиском. Потребовались огромные усилия большого коллектива геологов, сейсморазведчиков, нефтяников, строителей, чтобы преодолеть сплошное бездорожье, болота, топи, бурелом тайги и открыть новую страницу в истории Севера.

Это было жаркое, бурное тюменское время. Время беспокойное, без привалов на отдых. Время вдохновенной, целеустремленной перспективной работы. Жаркое время в ледяную стужу. Жаркое время в слякоть. Жаркое время большой работы.

Самотлор, жемчужину страны Югории, я впервые увидел летом 1964 года. Наш вертолет по пути из Сургута в Нижневартовск вдруг сменил маршрут. В иллюминаторе проплывали бескрайние ржавые болота, местами разделенные зелеными гривами осинника и березняка. Противоположного берега взгляд не достал. Он сливался с болотом и небом, таким же бескрайним, как эта топкая ширь северной земли... Мы опускаемся ниже. На крохотном травянистом островке — вертолет с накренившимся набок винтом. На кочках среди трав несколько человек в спецовках геологов. Они радостно машут руками, сквозь шум вертолета что-то пытаюсь нам объяснить. Один из них показывает щуку: мол, озеро не мертвое, в нем не только болотистая топь, но есть и рыба. Нашему вертолету некуда приземлиться. И пилот, повиснув над зеленью острова, опускает веревочную лесенку. Еще мгновение — и геологи, потерпевшие аварию

несколько дней назад над болотистым берегом Само-
тлора, уже в кабине нашего крылатого оленя.

Тогда, в 1964 году, Само-тлор не говорил нефтяными фонтанами. Но вера в нефть уже была у первооткрывателей. Запомнилась мне беседа с Леонидом Васильевичем Аксариним, бывшим тогда первым секретарем Нижневартковского райкома КПСС.

— Рыба, пушнина — наши главные отрасли хозяйства, — говорил Леонид Васильевич, — теперь нефтью начинаем заниматься. Первые тонны уже отправили на нефтепереработку. С 1 августа организовали Нижневартковское нефтепромысловое управление «Мегион-нефть». Прибывают в основном молодые люди в возрасте около тридцати лет. Эти люди, полные сил и энергии, энтузиасты своего дела, надеюсь, справятся с трудностями организационного периода. Живут они в палатках, вагончиках. Строим жилье ускоренными темпами, занимаемся благоустройством нефтепромысла.

Потом Аксарин, один из первых комиссаров Само-тлора, скажет:

— Мы работали здесь тогда, когда никаких открытий еще не было. Ни капли нефти, ни искры газа. Но мы верили в нефть. И всю партийную работу вели так, чтобы оказать максимальную помощь геологам. Ржавые топи болот, лютые морозы, гнус и комарье, большие расстояния, необжитость территории, масштабность задач требовали постоянного поиска, новых решений. И нефть Само-тлора вобрала в себя отвагу и мужество геологов, энергию и смекалку авиаторов, упорство речников, самоотверженность рыбаков, охотников, оленеводов, которые помогали первопроходцам всем, чем могли. Эти первые тонны нефти выковали характер первопроходца, в основе которого — готовность пожертвовать личным ради общего дела.

В Нижневартковске торжественно отмечалось пятидесятилетие района. К геологам, открывшим Само-тлор, и к добытчикам нефти, строителям приехали гости: участники гражданской войны, первые учителя, врачи, партийные и советские работники, те, кто принимал участие в повороте таежного края на стезю современности...

Смотрел я на них, слушал. За скупыми словами вставало время. Время первопроходцев. Время преобразователей.

Выступал Аркадий Николаевич Лоскутов. В 1928 году он открыл на реке Сосьве первую мансийскую школу. Мой магнитофон записал слова первого учителя-манси.

— Мне хотелось сегодня дать одну небольшую справку,— начал Аркадий Николаевич неторопливо.— В конце прошлого века профессор Казанского университета Якоби и профессор Петербургского университета Поляков пришли к выводу, что на Обском Севере жизнь угасает, и написали письмо царю Александру III. Необходимо детям манси и ханты учиться, писали ученые, хотя бы в объеме первых двух классов. Тогда их, мол, не смогут обманывать купцы и чиновники. Обратились ученые к царю также с предложением о необходимости вывезти эти народности в края потеплее. Суров климат, население на Севере вымирает.

Александр III, прочитав письмо, написал на нем размахисто: «Ну и пусть!»

Выразительнейший по своей циничности документ! На его фоне нам становится еще яснее то великое, что принес народам ленинизм.

Если бы не Великий Октябрь — то так бы и было! Ведь те ученые утверждали: пройдет пятьдесят, восемьдесят лет — и этих народностей не станет.

Но, как видите, народности эти не вымерли. Вы посмотрите, как люди сегодня живут! Сердце радуется, душа поет! Климат таким же суровым и остался. Манси, правда, шутят, что с юга и центра в тайгу приехало много народа — тепло привезли они с собой. Но дело, конечно, не в этом. В корне изменился социальный строй...

Много теплых слов сказал еще Аркадий Николаевич Лоскутов, обращаясь к сегодняшним творцам и преобразователям Севера, с удовлетворением отмечая, что он на каждом шагу встречает людей с теми же чертами характера, с той же целеустремленностью, что были у первых посланцев ленинской партии.

Но вот что примечательно. Рассказывал ли Аркадий Николаевич о своих встречах с Н. К. Крупской или вскользь говорил о своей работе, в его речи то и дело проскальзывало слово: «Будущее». Людями без будущего считали раньше коренных жителей Севера. Будущее, к которому всегда стремился Аркадий Николаевич, стало настоящим. Оно превзошло, по словам старого большевика, все ожидания.

Разве можно было в том далеком 1928 году мечтать

об этом, если, открыв школу в таежной деревушке Сортырье, учитель собрал лишь восемь мансийских мальчишек. Других не захотели отдавать родители, кивая на шамана.

— Учить надо оленя, учить надо собаку,— говорили они.— Зачем учить человека? У человека глаза. Глаза — великие учителя. Они научат его, как зверя промыслять, как рыбу добывать, как пасти оленей.

Но Аркадий Николаевич мечтал о светлом будущем. А через год Надежда Константиновна Крупская в своей долгой беседе с северным учителем назвала его достижения «победой, большой победой!». Напутствуя молодого педагога, она заметила:

— Человек, осмысливший свою роль на земле,— счастливый человек. Помогите северянам понять себя, почувствовать себя людьми, строителями нового мира.

Всю свою полувековую творческую жизнь Аркадий Николаевич с честью выполнял этот завет жены и друга Ильича.

Появление новых школ... Моя тетья, Акулина Тимофеевна, помнит то время очень хорошо. Молодые русские люди, учителя и учительницы, ездили по мансийским и хантыйским стойбищам и деревням, собирая детей в школы-интернаты. Она помнит, как эти ласковые, внимательные люди настойчиво беседовали с родителями. С неохотой согласились родители отдать ее в интернат. Школа Акулине очень понравилась. Там она и по палочкам считала, и узнала несколько букв. Чуть не разгадала тайну, как эти узорчатые крючки складываются в слова. Но родители тайком забрали маленькую Акулину из школы. Учителя снова приезжали в глухую таежную деревню, снова что-то доказывали, родители наконец согласились и отдали дочку. Однако через неделю опять втихомолку увезли ее.

— Тяжелых шаманских слов боялись,— говорит Акулина Тимофеевна.— А шаман большой человек тайги. Он с духами общается. Опасно с ним связываться,— так тогда думали люди... Да и надо было качать, нянчить тебя, плаксивого,— кивая на меня, с нежной грустью укоряла тетья Акулина.— Если бы не ты, я, наверно, была бы тоже другой. И не разговаривала бы только с одними кедрами да рыбами, с тобой умела бы спорить, и

других по книгам, может быть, учила, и не смотрели бы теперь грамотные на меня, как лоси, свысока, когда я не могу читать письмо, написанное тобой...

А вот еще один рассказ. Его ведет Нина Васильевна Попова, учительница моих младших братишек и сестренок, одна из тысячи комсомолок революции, которые несли в заснеженные чумы слово Ленина. Семнадцатилетней девушкой появилась Нина Васильевна в таежной деревушке, затерявшейся среди дремучих и диких лесов. Вековые кедры, молчаливый снег, река, закованная льдом. Точно все в этом краю оледенело, оцепенело.

Но нет! Глаза ребятишек так пытливы! Они, точно полноводные озера, искрятся, плещутся. В них столько удивления, вопросов! Но как донести до них самое сокровенное, самое заветное слово! Ведь по-русски они плохо понимают. А некоторые совсем... «Надо постичь их материнское слово!» — решает она. И, взяв школьную тетрадку, она идет по избам, записывает звучные таежные слова.

И она находит общий язык не только с шустрыми ребятишками, словоохотливыми женщинами, но и даже с язвительным и едким старичком, которого в деревушке называют шаманом.

...Однажды ночью интернат опустел. Точно вьюга белая, разыгравшаяся в ту ночь, подняла детей с теплых постелей и увела их в белизну снегов, заматавая за собой следы. Но как ни резвилась вьюга, а следы остались. Следы быстроногих оленей и легких, летящих нарт. На них и укатили дети. Родители, послушавшись шаманов, сговорились и увезли детей в тайгу, в тундру, в свои кочевья. А шаманы, подогреваемые недобитыми белогвардейцами, распространяли вздорные слухи: «Неспроста русские построили культбазы. Вдумайтесь, люди, в это название. Слово «куль» по-мансийски «черт», злой дух подземелья. «Чертовой грамоте» научат детей северян, злая сила вселится в них. И они навечно потеряют облик манси, облик настоящего лесного человека... Не теряйте, люди, человеческий облик, не отдавайте детей в чертову базу!..»

Одна метельная ночь — и школа пуста. Плодотворная и большая работа, проведенная еще первыми энтузиастами, казалось бы, начисто зачеркнута. Кто виноват? Какая вьюга разбушевалась в душах простых охотников, рыбаков, оленеводов? Может, надо бы поосто-

рожнее с верованиями лесных людей? Требовалось, наверно, противопоставить шаману что-то весомое. Но что?!

На каждом шагу — вопросы. Каждый человек — загадка.

Нина Васильевна решила с шаманом не ссориться. Оружием борьбы выбрала дружбу, добрую беседу, слово. Много ли достигнешь огульным охаиванием шаманских игрищ? Почувяв дружелюбие, таежники стали даже приглашать ее на свои лесные игрища, полные тайны и загадки.

С удивлением она смотрит «медвежий праздник», стараясь понять его сущность. Что это?! Шаманское действо или народное искусство?!

...Снег, снег, снег... Неужели разыгралась вьюга? Не может быть: ведь светит теплое весеннее солнышко. Снег, снег, снег. Малицы белые, щеки белые, ресницы белые. По щекам струями текут слезы. Нет, это не слезы — это на лицах тает снег. Снежинки над домом, снежинки на поляне. Играют в снежки олени, собаки, люди. Играют в снежки седые, как ягель, старики и озорные, вертлявые малыши. Снег, снег, снег. Смех, смех, смех. Начало «медвежьего праздника».

А вечером все соберутся в большом доме. Там вся деревня. Люди сидят на скамейках, расставленных вдоль стены, на деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол. В дальнем углу «священный стол». На красной скатерти, среди дорогого сукна и шелка, «сидит» медвежья голова. В ушах у нее — серьги с «драгоценными» камнями, на груди — бисер, на лбу — разноцветные ленты. Перед «древним посланником неба» стоит рюмка. Старинная она, позолоченная. И бутылка спирту.

С одной стороны стола сидит охотник, «приведший» «медведя», «лесного духа», на человеческий праздник. С другой стороны — знакомый учительнице старичок. Он то играет на санквалтапе¹, то о чем-то поет, то говорит какие-то складные и непонятные слова.

Ужаснулась вначале Нина Васильевна, что ее, учительницу, посадили рядом с этим стариком, которого называют страшным словом «шаман». Потом, увидев

¹ Санквалтап — пятиструнный музыкальный инструмент, напоминающий легкую лодочку-долбленку.

приветливые глаза людей, успокоилась. «Не признание ли это? — подумала она наконец.— Ведь рядом с самим шаманом посадили!..» Видно, не пропали даром ее беседы с женщинами на красных посиделках.

Красные посиделки... Было и такое. Соберутся вместе женщины. Сядут кружком. Каждая со своим делом. Кто мнет шкуру лосиных лап, кто выводит узоры по меху для легких и изящных кисов¹, кто бисером обшивает платье, кто плетет шерстяной поясок... Рукоделье у каждой свое, а беседа — общая. Зимний вечер-то длинный, слов много надо сказать. А в деревушке глухой какие новости! Вот и рады бывают женщины, когда сине-глазка, учитель-най² среди них появляется.

Всегда она скажет что-то такое, над чем женщины потом, оставшись наедине сами с собой, долго думают. И про Советскую власть, и про Ленина, и про колхоз, и про новое солнце, которое будто бы горит от обыкновенного железного провода.

Часами говорили женщины-манси и русская учительница.

На красных посиделках она знакомила их и с основами политграмоты, и с важнейшими навыками санитарии и гигиены, и с элементами нового быта...

А новый быт наступал. Строились для колхозников теплые рубленые дома, клубы, избы-читальни... Жители тайги и тундры видели, что жизнь меняется на их глазах. В школах-интернатах чисто и тепло. Детей хорошо кормят, одевают, обувают.

И положение в корне изменилось. Теперь они сами приводили детей в школу. И разговоры пошли совсем другие:

— Возьмешь ли нашего ребенка в интернат, а то как же он в темноте останется? Учень — свет, да?!

С экзотических «медвежьих праздников» люди скоро потянулись в клуб, где учитель-най вместе с молодым избачом, приемщиком рыбы и другими комсомольцами стала устраивать беседы, читки, веселые вечера, на которых не меньше веселья, чем на привычном «медвежьем празднике». Даже шаман захаживал в клуб. Видно, за опытом. Люди от него уходили. Но учитель-най и ви-

¹ Кисы — зимняя меховая нарядная обувь.

² Учитель-най — учительница-богиня, героиня, женщина (манси).

ду не подавала, что победа на ее стороне. Вела себя по-прежнему, скромно, приветливо, и это окончательно разоружило деревенского колдуна. На «медвежьем празднике» люди посадили их рядом.

Новое время — новые волшебники...

Много было на Крайнем Севере волшебников, но самым первым был русский учитель. Много было их, наших чудо-волшебниц, отдавших тепло души и лучшие годы своей жизни суровому Северу, его будущим певцам и строителям.

Что привело их в этот суровый и неустроенный край? Какая духовная сила давала им силу физическую, чтобы трудиться не год и не два в краю полярных ночей и вьюг? Ответ на этот вопрос можно найти в письме учительницы из Тюмени А. Белозеровой, опубликованном в «Правде» 14 декабря 1972 года.

«Люблю нашу Сибирь,— пишет она.— Наверное, потому пятнадцать счастливых и трудных лет я учительствовала в школах Ямало-Ненецкого национального округа...

В военном, сорок втором году приехала я в село Кушеват... Была тогда комсомолкой, преподавала в начальных классах. А вскоре в наше село привезли детей — круглых сирот. С Украины, из Молдавии и ряда автономных республик. Чтобы разместить этих малышей, мы подготовили единственное подходящее здание. Воспитанников село окружило заботой и лаской, люди с ними делились всем, что имели. Мы шили детям белье, ремонтировали спальни и школу, мыли, чинили, белили, дрова заготовляли,— летом, конечно, никаких отпусков.

Я работала с третьим и четвертым классами. Учились там вместе и приезжие, и местные ученики — ханты, ненцы, коми, русские. Жили, помогая друг другу, и никто сиротства не чувствовал. А учителям чего только не приходилось делать!

Летом я состояла в бригаде рыбаков ханты и коми, работала с ними до самого октября.

Но мы с честью выполнили свой долг перед страной, перед фронтом и детишек растили, учили, воспитывали.

Мои первые учащиеся давно вышли в люди.

В военные, послевоенные годы многие коренные жители Крайнего Севера нуждались в одежде, обуви. Сейчас совсем другое дело. Быт и культура малых народностей Севера шагнули далеко вперед. Ненцы и

ханты живут в благоустроенных домах, привыкли к электричеству, радио, газетам, журналам. Теперь родители сами привозят детей в школы-интернаты.

В 1970 году снова была в Салехарде, работала там в санаторно-лесной школе. И увидела детей развитых, активных, влюбленных в труд и спорт. Достаточно поработать с этими ребятами, чтобы убедиться в добрых переменах, которые произошли за минувшие годы. Скажу откровенно, мне полюбились юные ненцы своей непосредственностью, доверчивостью. Я получаю от них много писем...»

— Кто помог нам, людям из народности ханты, стать строителями нового мира?! А именно так я себя чувствую! — говорит Антонина Алексеевна Пухленкина, первая хантыйская учительница на реке Тольке, потом первый секретарь райкома комсомола в Ларьяке, секретарь райкома партии в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах. — Моя судьба и судьба моих сестер не похожа на судьбу наших матерей из «рода белки» — Пухленкиных.

Быстрее оленьей упряжки по снежной целине промчалась моя жизнь. И, оглядываясь назад, я заново чувствовала масштабы и сложность проделанной нами работы на Севере.

Чудные дороги открылись перед сестрами Пухленкиными. Одна из них, окончив Ленинградский пединститут, вот уже четверть века работает учительницей в родном Ларьяке. Пути Хиони Петровны Пухленкиной, школьной учительницы и партийного работника, доходили до самого Кремля: она трижды избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

Задуматься над прошлым — не значит ли это вернее увидеть настоящее, измерить наш общий вклад в будущее? Окинуть мысленным взглядом далекие годы, когда первые посланцы партии в снегах открывали школы, больницы, задуматься о сегодняшнем дне тайги и тундры, где рядом с оленьими стадами идет железное каслание — кочевье нефтяников и газовиков.

Увидеть все это — не значит ли это снова ощутить стремительность нашей жизни, убедиться, что новые планы непременно воплотятся в жизнь.

Русский ученый и путешественник К. Д. Носилов, по-

бывавший в краю манси в конце прошлого века, писал в своей книге «У вогулов»:

«Мне очень жаль было тогда вогулов. Бедные, в жалких одеждах, сквозь которые так и проглядывало на свет темное смуглое тело, с всклокоченными волосами, растрепанными косами, полуслепые от вечного дыма, истощенные от вечного голода и житья под открытым небом, с испугом, заботой на добром, открытом лице...

Эти дикари наших лесов поражали меня. Я каждый день, поднимаясь все выше по их лесной и многоводной реке, словно нарочно, встречал что-нибудь новое, поражающе действующее на мои нервы, и хотя бы что-нибудь отрадное, кроме видов природы, хотя бы что-нибудь веселое в этой бедной жизни дикаря. Даже музыка их, песни — и те нагоняли на меня тоску, пробуждая только одно участие к бедной участи дикого человека...»

Я вспомнил об этой книге при встрече с моими ровесниками, однокурсниками по институту. Они, потомки тех, кто «забился в глушь своей тайги», с гордостью рассказывали гостям о Самотлоре, о Нижневартовске, который при их непосредственном участии превратился из рыбацкой деревушки на берегу Оби в город.

Внимательно слушали моих земляков югославский писатель Чад Якимовский и поэт из ГДР Манфред Эндрешек. С любопытством спрашивал их поэт из Польши Александр Борщевский. Потом словацкий писатель Иван Изакович, суммируя свои впечатления, сказал:

— Мы немало слышали о Сибири, о Самотлоре, но никакая статья не может рассказать того, что увидишь и почувствуешь сам. А увидели и почувствовали мы много. Были в настоящей дремучей тайге. Там я понял, что стоит нефтяникам, лесникам и строителям освоение каждого километра. Наблюдая за размахом, темпами работ, весь мир только разводит руками в изумлении.

Сейчас о Тюмени, о нефтяном Самотлоре, газовом гиганте Уренгое много пишут в зарубежной прессе. Американский журнал «Ньюсуик» однажды отмечал:

«В Тюмени зима по своим природным условиям может показаться просто кошмарной. Но как бы ни была сурова и непривлекательна эта земля, она сделала Советский Союз крупнейшей державой в мире по добыче нефти. Русские покорили Тюмень за восемнадцать лет сверхчеловеческих усилий...

Памятником их усилий бесспорно является развитие самого Самотлора...» (Известия, 1978, 6 мая).

Самотлор... Мегион... Уренгой... По-новому звучат древние слова моего наречия. И ледяную землю с древним именем Югра сегодня называют то кладовой голубого огня, то жемчужиной, то другими поэтическими именами. Но славу и новое имя моей земле принес не только мужественный первопроходец-геолог, но и русский учитель.

Он зажег над Севером новый свет.

В 105-м номере тобольской газеты «Северянин» за 1924 год можно прочитать вот что:

«Этому никто не верил... Разве можно залить электрическим светом холодные тундры Дальнего Севера?

— Нет.

— Керосин горел. Керосина не было, жир горел и гореть будет. Много рыбы в старой Оби. Жирная рыба. Хватит жечь. И все-таки любопытно было: как это может быть огонь в холодной проволоке. Верить нельзя. Даже в Березове и то не верили.

...Мелькнул выключатель. Ярким светом залило зал. Все ахнули, зажмурились, зашумели. Подходили к проводам, осторожно трогали руками.

Каждый вечер зыряне и остяки¹ собираются в избушку и говорят, говорят по-своему. Повернут выключатель — темно. Сильнее заговорят, опять зажгут свет, улыбаются, как дети. Потом на собрание пришли.

— Этот свет послал большой человек — Ленин, — сказали им.

— А, а! Ленин...»

«Лампочка Ильича» осветила полярную ночь, произвела волшебное действие на умы и сердца людей. Она явилась прекрасным агитатором за Советскую власть.

Но если бы люди, пользуясь электричеством, не зажглись бы светом ленинских идей, то они остались бы в вечной темноте. Человек северного сияния подружился с книгой. Благодаря ей он в сказочно короткий срок освободил душу от языческих поверий каменного века и стал наполнять ее доброй культурой, накопленной человечеством.

А книгу в тайгу и тундру принес русский учитель.

Какими бы сказочными кладами ни поражала вооб-

¹ Зыряне и остяки — так до революции назывались коми и ханты.

ражение не раскрытая до конца земля Севера, чудо, сотворенное русским учителем, навсегда останется главным чудом.

От хорошего слова миру светло

Голос хорошего журавля
За семь рек слышать.
Что это такое?
— Это слово. Слово-песня.
Слово рождает слово.
Слово — плач. Слово — меч.
Слово — богатырь. Слово — герой.
Слово и в небо поднимет.
И на землю уронит.
Светлое слово
Станет мостом в завтра.

Евдокия Ивановна Ромбандеева шла по каменному городу. Каменный город, опоясанный цепью гор, густыми лесами, цветущими пологими холмами, будто улыбался ее легкой походке. Внизу катила волны большая голубая река с красивыми каменными берегами. Она не походила на реку ее предков. Но и в ней сегодня было что-то улыбочное, одобрительное. Над голубой рекой — ажурные мосты. Они как руки общительных людей, жаждущих тепла, света, тянутся друг к другу. И стеклянные глаза громадных каменных домов сверкали вечерней солнечной улыбкой.

Евдокия Ивановна шла по Будапешту. Она только что произнесла слово на международном конгрессе финно-угроведов. Доклад ее был небольшой, но вызвал интерес ученых разных стран. Долго аплодировали. Многие удивлялись тому, что она говорила на венгерском языке. Не удивился только академик Бела Кальман, преподаватель мансийского языка университета города Дебрецен. Не удивился бы этому и Антал Регули, первый ученый-венгр, побывавший в середине прошлого века на Обском Севере. Он не только доказал родство языков манси и ханты венгерскому, но и удивился одухотворенности, поэтичности, светлому уму жителей тайги и тундры.

В руках у Евдокии Ивановны газеты. В них — ее ин-

тервью. Какие только вопросы не задавали эти вездесущие корреспонденты! «Точно ли они напечатали ее ответы?» — волновалась она, всматриваясь то в одну газету, то в другую. Впрочем, все было нормально. В газетах были обычные вопросы и ответы.

— Прежде всего, Евдокия Ивановна, несколько слов о задачах вашей работы.

— Место моей работы — Московский институт языкознания Академии наук СССР, где в секторе финно-угорских языков являюсь научным сотрудником. Мы ведем научные исследования языков нашей группы. В частности, я занимаюсь своим мансийским языком, моя задача — ввести в научный оборот родной язык.

— Какие свои наиболее значимые труды вы можете назвать?

— Наиболее объемный труд — «Мансийско-русский словарь» Его объем — 42 печатных листа. Недавно вышли в свет научная грамматика мансийского языка — фонетика и морфология, а также учебники для мансийских школ.

— А над чем вы собираетесь работать в ближайшее время?

— Хочу написать очерки синтаксиса мансийского языка. Кроме того, планируется выпуск сборника «Введение в финно-угроведение». Над ним работает коллектив авторов. Одним из них являюсь я. В поездках по родному краю я всегда веду обычные этнографические наблюдения, а для этого сборника хочу собрать ряд статистических данных.

— Расскажите, пожалуйста, о самом значительном в вашей жизни в последнее время.

— Безусловно, самым значительным событием последнего времени не только для меня, но и для моих коллег стал Международный конгресс финно-угристов. В Будапеште собрались ученые с мировыми именами. На секции «Угорские языки» были заслушаны доклады по венгерскому, хантыйскому языкам. Доклад по мансийскому языку представила я. Волновалась сильно: я ведь впервые на трибуне Международного конгресса...

Над синим Дунаем летели гуси. Евдокия Ивановна встрепенулась, как птица. Будто крылья у нее выросли. Потянуло ее в полет, как в детстве. И вспомнила она отца, мать и полет гусей над родной таежной рекой, когда ее, девочку, называли Котильяги. Котильяги — не

имя. Котильяги — значит средняя дочь. Имя дают потом. Имя надо заработать. Имя растет вместе с человеком.

Стройными рядами стоят вокруг селения дремучие леса. Лес и еду дает, и одежду себе в лесу найдешь. В одну сторону пойдешь — ягоды: клюква, морошка, брусника. В другую сторону пойдешь — шишек кедровых наберешь видимо-невидимо. А дальше пойдешь — там и белка, и соболь черный, и злая росомаха. Там и лесного человека встретишь, хозяина тайги. Только нельзя произносить его имя вслух — услышит, тогда лучше не встречаться с ним в лесу.

Речка Ляпин тоже далеко в лес бежит. А потом соединяется с другой рекой — Сосьвой. А Сосьва куда бежит? Сосьва впадает в большую реку Обь. Обь большая-большая и начинается далеко-далеко. Туда летят осенью гуси. Хорошо гусям. Они видят с высоты и реку Ляпин, и маленький мансийский паул (аул) Хошлог, и девочку Котильяги.

Выходит девочка на самый высокий обрыв у берега, встает на цыпочки. Ляпин-река широкая и глубокая. Возле Хошлога течет спокойно. Только ветер рябит воды, гонит к берегу волны. А над рекой гуси летят на юг. Полетят гуси далеко и увидят много всего интересного, что не может увидеть Котильяги. Там, далеко, есть тоже такие же девочки, может, они играют в другие игры, и как было бы хорошо поиграть с ними и рассказать о маме, о папе, о старом дедушке, об оленях, о тайге, о зверях в лесу, обо всем, обо всем.

С грустью идет Котильяги назад к небольшому рубленому домику. Окно дома смотрит на реку, на опрокинутые лодки, на оструганные шесты, на олени нарты, готовые к зиме. Домик маленький, но там тепло. Там мама приготовит вкусную еду, а вечером за шитьем расскажет интересную сказку.

Тишина стоит. Кругом сказочная тишина. Медленно течет в Ляпине вода. Медленно ползут по серому небу темные облака. Ветер неслышно срывает листву с пожелтевших шапок берез. Заворожила эта тишина девочку. Села она на песок возле самой воды. Закрыла широким подолом колени и гладит шею и спину веселого щенка — любимого своего друга.

— Какая большая, большая земля. А никого на ней не видно...

Щенок виляет хвостом, крутится возле ног, стараясь угодить своей хозяйке.

— Когда вырасту, всю землю посмотрю там, за темным лесом,— говорит она щенку.

А щенок взвизгивает весело, ластится мордочкой к рукам Котильяги, прыгает, зовет играть в веселые игры. Любят они вдвоем бегать наперегонки вдоль песчаного берега. Но Котильяги сейчас не до игр. Грустно почему-то стало. Не первый раз уж вот так. Бегает, бегают она, веселится, смех ее как весенний ручеек журчит, и вдруг остановится, прислушается и загрустит.

Вот и сейчас сидит она, смотрит на острые верхушки елей. На верхушках елей сидит холодное осеннее солнце. Сидит, будто думает... А тени уже подкрадываются к воде, и дождь моросит, оставляя под ногами лужицы. Щенок жметя к ногам девочки и не зовет уже играть. Только где-то в лесу прокричит вечерняя птица — и снова тихо.

Но вот мама окликает ее. Котильяги бежит домой. Следом несется щенок с веселым лаем.

— Мама, а кто живет там, куда улетели гуси? — спрашивает девочка.

— Другие люди живут, дочка.

— А еще дальше?

— Там тоже живут люди,— говорит мать.

— И везде, везде живут люди?— не верит Котильяги.

— Да, везде живут люди, только мы их не знаем и они нас не знают.

Вот и уха готова. Но уха сегодня не вкусная. Все не вкусное сегодня, потому что грустно Котильяги. Даже любимый белый хлеб тоже почему-то сегодня не вкусный. И чай Котильяги пить не хочет, хотя родители еще долго будут сидеть за чаем. Они говорят о припасах на зиму, о промысловой охоте, о том, что надо поправить крышу, пока не наступили холода...

Котильяги идет в свой угол и достает берестяную коробку с рукодельем, раскладывает свои игрушки. Здесь и разноцветные лоскутки сатина, и разные красивые пуговицы, и маленькие стеклянные капельки — бисер, нанизанные на веревочку, и пучочки высушенных жил оленя — самые прочные нитки для обуви, обрезки меха и кожи. После чая мама сядет к огню перед чувалом за

шитье. Она будет шить для Котильяги сахи — зимнюю шубку. Ведь Котильяги выросла за лето. И еще мама будет рассказывать сказки, длинные, как ночь.

Опять Эквапыгрись помчится на быстроногом белом коне далеко-далеко, туда, где восходит солнце, потом вернется и победит злого Мэнква.

Опять женщина-богатырь будет сражаться с врагами людей и победит всех, а потом станет женой такого же сильного, как она сама, мансийского охотника.

И забудет девочка свою грусть. Помчится на быстром коне, как Эквапыгрись, в далекие края, увидит большой белый город. Встретит тех гусей, которых провожала сегодня на юг, и скажет им, что и она тоже много-много знает, потому что быстроногий конь может умчать ее в любой конец света. Так засыпает она и сквозь дрему слышит тягучий голос матери, которым она так хорошо умеет рассказывать сказки.

Проходит день за днем, как дождь и снег осени. Вечерами Котильяги слушает маму, а днем помогает старшим. Она ловко и быстро разделявает рыбу. Носит рыбу в амбар, который стоит на высоких сваях. Недалеко от дома стоит. Амбар хранит припасы на всю зиму. Она умеет без порезов разделать шкуру белки и соболя. Она хорошо, как мать, щиплет птичий пух. Из птичьего пуха большие мягкие подушки. Подушки лежат на нарах. Мать не наглядится на свою трудолюбивую помощницу. Она, о, знаете, она может починить даже сеть и запрячь оленя в нарты. Может управлять лодкой на реке. Может вырезать на бересте оленя. Даже плетет из ветвей тальника корзинки. Быстро и ладно идет у девочки любая работа.

А зимой они переедут в тайгу, в таежную деревню. Там можно будет отцу поохотиться. Котильяги тоже пойдет на охоту. У нее есть маленькие быстрые лыжи, подбитые камусом. Отец уже показывал ей, как нужно ставить петли на зайца. И на белку показывал.

Хорошо зимой в лесу. Каждое дерево рассказывает о себе и о том, кто живет в тайге. Вот на сучках аккуратная белка повесила сушиться шляпки грибов. Чуть подалее на снегу осыпалась шелуха еловых шишек: здесь где-то должно быть дупло. У опушки на снегу целые узоры следов. Внимательно примечает зоркий взгляд девочки замысловатые зигзаги петляющих прыжков косога. Вот будет хорошо сделать на коже ольхо-

вым отваром такой узор! Но это потом, когда женским делом заниматься станет Котильяги.

Котильяги дочь охотника. Только по одним следам узнает все о зайце. Выскочил на опушку чуть свет, наострил уши, постоял с минутку, прислушался и побежал в кусты тальника. А вот здесь, у корней тальника, обгрызена кора. И там подальше тоже остались свежие зеленые надкушенные прутики. И кто-то спугнул трусливого, не успел докончить свой завтрак. А вот след белки. Она прыгнула с дерева на снег. Рядом с кучей пожухлых листьев под белой снежной шапкой. И здесь следы. Куропатки. А вот там прошлась хищница россомаха. Она, наверно, и спугнула утром косога.

Так проходила у Котильяги зима. И на время забывала она о гусях, которые летают высоко. И видят сверху далеко-далеко, видят сверху много-много...

Но вот пришла весна. Опять прибежала девочка на крутой берег. Хорошо весной на реке. Широко разливается вешняя вода по луговинам. Затопляет и дальний сосновый бор, где водится редкий и ценный зверек бобр. По колена в воде стоят на том берегу редкие ножки березок. Стоят в белых чулочках с темными полосками, отражаясь в воде. Березки еще не завились в свои летние зеленые кудри, стоят голые. А на пригорках зеленеет уже травка, белая бабочка собирает нектар с желтеньких цветов мать-и-мачехи. А в лесу распустились ландыши. Там звенят весенние ручьи и несут талую воду в Ляпин. А Ляпин — река Котильяги. Река манси.

В верховье идет рыба. Нет-нет да и всплывет на середине реки зеленый бугор спины тайменя. Много рыбы в Ляпине. Много птицы в лесу и на реке. Не надо далеко ходить от дома, чтобы услышать, как токует терев. Непуганые утки совсем близко подплывают к крутому берегу и с любопытством рассматривают Котильяги.

Каждый день ходит девочка на реку. Она ждет, когда вернутся из дальних стран гуси. Очень хочется узнать ей, что гуси видели там, куда летели осенью. Ведь с высоты им была видна вся земля.

Вот прилетели гуси, прокричали над лесом, покружились над крутым берегом и улетели дальше на север. Ничего не узнала от них Котильяги, хоть и умела читать следы на снегу. Хоть и много знала о жизни белок, со-

болей, зайцев, но не знала о гусях, которые улетают далеко на юг и там живут зиму, в других, незнакомых девочке лесах, плавают в реке, где совсем другая вода и рыба водится совсем не такая, как здесь.

Но запомнила Котильяги, как радостно кричали гуси над берегом, узнав ее, Котильяги. Как они рады были и голым березкам, и журчащим в лесу ручейкам, и широко разлившейся реке. Догадалась тогда девочка, что гуси в жарких странах думают о своей родине, о глухих девственных лесах Севера, о реках, полных рыбой, о пустующих зимой гнездах, где они, прилетев, согревают своим теплом место для маленьких сереньких птенцов. Они думают о доме, об отчей земле.

Все лето слышен заливистый смех Котильяги. Как будто звенит в лесу серебряный колокольчик. За ней по пятам бегают любимая собака. Еще так недавно пес был совсем маленьким лупоглазым щенком, которого девочка носила на руках. Всего один раз земля надевала белую шубу, а щенок уже стал взрослой собакой, с крепкими, сильными лапами, с гладкой блестящей шерстью. Умная собака у Котильяги. Чует белку и соболя. Хорошо идет по следу зайца. Не боится девочка ходить далеко в лес со своим верным другом. Идут они через лесные завалы за кедровыми шишками. Или идут к болоту, где много птичьей ягоды — княженики. Весь день собирают ягоды в берестяной туесок. И только когда покраснеют верхушки елей перед заходом солнца да потянет сыростью с болота, идут они назад в деревню. До самого дома летят за ними комары. Но за лето загорела и огрубела кожа на руках и ногах Котильяги, не страшен ей кровожадный лесной гнус. Ломают она березовую ветку и гонит назойливых насекомых. У дома ее уже встречает мать и ласково гладит светло-смолистые волосы, перевитые красной тесемкой.

Утром они всей деревней пойдут на лодках вверх по реке. Туда, где в сорах (озерах) и речках стоят уже сделанные отцом запоры. Они достанут из ловушек вкусную рыбу. Повесят вялить ее на жердях там же у реки. Котильяги разведет костер, положит в большой медный чайник чаги — будет крепкий чай. Нацепит на колышки ехыл — сушеную рыбу. Рыба поджарится, прокоптится дымом смолистых сосновых полешков и будет очень вкусная.

Любит маленькая Котильяги ходить вместе со стар-

шими далеко в верховья Ляпина. Весело всей деревней добывать рыбу. Отец посадит ее в легкую лодку — маньхаи. На носу сядет верная собака, а Котильяги возьмет весло и вдоль берега, чтобы не сносило течением, поплывет позади отца.

Но вот опять пришла осень. Завыл над рекой мокрый ветер. Полетели в воду желтые листья берез и осин. Стали собираться в стаи перелетные птицы, показывая окрепшим птенцам, как надо лететь за вожаком стаи. Учиться и птицам надо. Чтобы умело расходовать свои силы, чтобы долететь в далекие теплые страны. Опять девочка увидела гусей, опять загрустила.

Как-то в такую ветреную погоду причалила к берегу лодка-калданка. Пес вскочил и залаял на двух незнакомых людей. Котильяги никогда не видела чужих людей. Долго рассматривала их, когда они говорили с отцом и с матерью. Потом перестала бояться, подошла, когда увидела добрые глаза. Человек со стеклянными глазами улыбнулся. Приветливая улыбка человека в очках сделала девочку опять смелой, как на охоте.

Человек заговорил на непонятном языке. А другой человек стал переключивать слова на понятные — мансийские. Удивилась девочка: говорят они по-разному, а понимают друг друга.

— В школу пойдешь? — спросил добрый человек в очках. Котильяги не знала, что такое школа. Но думала, удивлялась, почему слово звучит и по-русски и по-мансийски одинаково, а она такого слова не знает. Откуда было знать девочке это слово, когда никто в деревне никогда не слышал про школу.

Девочка посмотрела на маму, но и мама не знала про школу. А только погладила головку дочери и ничего не сказала. Тогда девочка еще раз посмотрела в глаза доброму человеку. Глаза его улыбались ласково-ласково за стеклышками очков.

— В школе я научу тебя читать и писать. А когда выучишься, то будешь все знать и будешь все видеть.

— Как птицы все видят, когда летят высоко над землей? — спросила удивленно Котильяги.

Другой человек перевел для Котильяги слова учителя, но девочка опять ничего не поняла. Она думала, что можно только читать следы зверей на снегу, а «писать» — это ставить тамгу на дереве в том месте, где охотник убьет оленя. Но подумала о птицах и вспомни-

ла гусей, которые пролетают на юг высоко над крутым берегом Ляпина, и подошла ближе к учителю. Она хотела сказать ему про гусей, но не знала, что другой человек может и ее слова переложить на русский язык, и чуть не заплакала. Очень ей хотелось все сказать русскому учителю, но он и так понял: наклонился, положил руки ей на плечики и сказал:

— Не плачь, Котильяги. Скоро ты пойдешь в школу и будешь жить вместе с другими ребятами в интернате. В большом чуме будешь жить.

Она не стала дожидаться, когда переведут слова учителя. Она и так поняла добрые слова. Кивнула ему, вырвалась и убежала к своему верному четвероногому другу. Она села на шкуру рядом с собакой и стала говорить, как поедет в школу, как научится чужому непонятному языку и все-все увидит. Увидит так, как птицы видят, когда летают высоко над землей. Пес почувствовал скорое расставание со своей доброй хозяйкой, положил ей морду на колени и печально смотрел ей в глаза.

Скоро все узнали, что Котильяги будет учиться грамоте. Старые охотники приходили узнать про школу, про интернат. Девочка отвечала, что когда человек умеет читать и писать, то становится и умным, и сильным, таким умным и сильным, что может даже летать и видеть жизнь вокруг далеко-далеко. Так сказали учитель и гуси, которые летят высоко. Но не все верили. Некоторые смеялись, говорили, что в школе учат плохой грамоте. Если охотник научится читать и писать, то потеряет ловкость и силу, говорили они. Тогда и медведь победит в лесу. И хитрая лиса обманет и уйдет от меткого выстрела. Котильяги слушала, думала. Ей казалось, что научится грамоте и сможет летать высоко в облаках, как быстрокрылые птицы,— так говорил Учитель. Птицам в небе не страшен никакой зверь. Даже россомаха. Ведь злая россомаха только маленьких птенцов таскает из гнезд, таких, как сейчас Котильяги.

Вскоре родители отвезли ее в интернат. Интернат был в деревне Щекурья, не так далеко от Хошлога. Ехали всего 44 километра. Это совсем недалеко. Только скучновато. Сначала девочка скучала по дому, по родителям, по любимой собаке. Но потом ее увлекли игры и учеба. Хорошо играть с ребятами, такими же, как она. Ребята манси, ребята коми, ребята русские. Русских

было трое. Но потом она стала подолгу просиживать над книгами. Странными и интересными были буквы в книгах. Одни буквы были похожи на чум в глухом лесу, другие на гусиную шею. А еще были буквы, похожие на жука, на ворота, на маленького человечка. Еще она заметила, что некоторые буквы похожи на следы зверей. И, если посмотреть с разных сторон, то можно найти на страницах и следы зайца и соболя, оленя и медведя. Ведь умеет же она читать следы, а тут прочитать не может, думала Котильяги. Потом, когда она догадалась, что «Г» похожа на шею гуся и начинается с этой буквы русское слово «гусь», а «Ж» похожа на жука — слово «жук», стали складываться у Котильяги из букв слова. Как следы на снегу, медленно и кропотливо изучала она каждую букву и складывала слово, потом прибавляла другое. «Дуся», — читала она и узнала, что это написано про нее, потому что ее так называют в школе, «ходит» — и буква «Х» как будто в самом деле умеет ходить, такие у нее широкие ножки, «в школу» — заканчивала она предложение. «Дуся ходит в школу», — повторяла она громко и смеялась.

Радовался ее успехам и добрый Учитель. Радовались ребята, потому что вслед за ней тоже начинали читать, а потом писать.

Быстро пролетало время в начальной школе, и не заметила она, как настала пора расставаться с ребятами, с Учителем. Ее направляли в семилетнюю школу, которая находилась уже за 95 километров от Хошлога, на реке Сосьве. Хотела спросить Котильяги перед расставанием Учителя, когда же она сможет летать, как гуси, и увидеть землю с неба, да опять постеснялась.

Ведь она тогда, осенью, когда впервые увидела Учителя, дословно поняла его слова, что сможет летать, как быстрокрылые гуси, и верила всегда, что научится летать. Ведь она была все еще маленькой. Школа та была особой. Она была в культбазе. Культбаза — культурная база Севера.

В школе Сосьвинской культбазы она прочитала много книг, услышала от учителей о жизни других народов, о больших городах, о революции, о Ленине.

Это были годы долгого и упорного труда. Вот где пригодилась Дуся любовь к труду с ранних лет. Ведь она в деревне вставала чуть свет и работала, стараясь ни в чем не уступать взрослым. Все схватывала на ле-

ту — и зверя выследить, и рыбу поймать, а потом поджарить на костре, и ягоды заготавливать на зиму, и сахи — шубу сшивать нитками из оленьих жил — все умела. Была хорошей помощницей матери и отцу, которые не могли нарадоваться ее сноровке и только удивлялись. Удивлялись и учителя в Сосьвинской школе. Быстро и ладно все получалось у Дуси. Она и сама не заметила, как и школа осталась позади.

Теперь Дуся полетит далеко от родных мест, в Ленинград, поступать в университет. Грустно расставаться с землей, где прошло детство, где все знакомо, все, до каждого дерева, до каждого следа на снегу зимой. Но самолет уже оторвался от взлетной полосы. Первый раз летит Дуся на самолете. Внизу остался лес, река, звери и птицы — все, что окружало с детства маленькую девочку. А впереди белели облака, много облаков, а над ними Котильяги, которая совсем забыла слова старого Учителя. Тут она вспомнила, как провожала гусей осенью в дальние края, как грустила и завидовала им. Им, умеющим летать.

Свет знаний помог ей взлететь над землей и увидеть сверху всю свою землю, но прежде всего помог маленькому народу манси научиться грамоте старший брат — русский народ.

Но это еще не все. Позже, за годы учебы в университете и аспирантуре Ленинградского педагогического института имени Герцена, она поймет, что можно летать выше птиц, выше самолетов и спутников и полет этот — полет мысли.

Она станет большим ученым, о ней узнают в других странах, осуществится ее мечта: она переложит мансийские слова на русский язык, и мансийские дети смогут рассказать всем народам о своей жизни то, чего не смогла сказать когда-то Котильяги своему первому Учителю.

Рожденное самым высоким огнем
Горячее слово и жаркое дело,
И честь, и любовь, закаленные в нем,
Все души и мир обновят без предела.
Я славлю твой подвиг в краю нелюдимом
И огненным сердцем, и огненным гимном.

На моем письменном столе лежит книга. Обыкновенная книга в обыкновенном переплете. Мансийско-русский словарь. Но для меня эта книга — как крылья для птицы. Открою страницу — и мысли летят. Летят в

глубину веков, в седую древность, где, оказывается, зрела мудрость человека, рождалось слово, полное поэзии и зоркого взгляда.

Разве не поэт древний манси, кто назвал луну звездным словом — этпос? Эт — ночь. Пос — свет. Этпос — свет ночи. Разве луна не свет ночи?

А кто впервые увидел росу и нарек ее ночной водой? Этвит — ночная вода. И назвал он каплю — глаз воды, а природу — земля — вода, Юг — блаженная земля, куда улетают птицы.

Рыбаками были манси. Охотниками славными слыли манси. Главными средствами передвижения у них до сих пор являются лодки и сани. Названия этих излюбленных предметов быта манси непременно фигурируют в неологизмах — словах, обозначающих понятия современной жизни. Эта сторона ярко отражена в словаре. Так, самолет — это товлынхап, то есть крылатая лодка. Пароход — наинхап — огненная лодка...

Моя загадка:

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

Это что за дикий звук.

Век такого не бывало,

Чтобы так в тайге стучало:

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

А копыта у него из железа.

А рога его блестят — из железа.

Грозен голос у него — из железа.

А глаза огнем горят — из-за леса.

Что это?

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

Утки стаей взмыли вдруг!

Дым клочками по тайге —

Мчится поезд вдалеке!

Да, это огненные сани — поезд!

А не утратили ли манси образность, называя предметы культуры и быта, с которыми познакомились недавно? Оказывается, нет. Образность, присущая манси, искрится, к примеру, в словах: клещи — это керкат (то есть железная рука), стекло — иснаскер (оконное железо), очки — самкер (глазное железо)...

И седая древность жила в мансийском языке: «махар» — «слон». Слонов на Севере нет. Но кости их находят в земле. Махар — земляной бык, мамонт.

В словаре много таких названий, которые иносказательно именуют диких животных. Особенно тех, на которых охотились. Древние думали, что и зверь слышит.

Чтобы звери не услышали, чтобы не убежали далеко, люди говорят о них иносказательно. Поэтому манси называют медведя описательно — «вортолнут», то есть некто, в лесу живущий.

Слово «тэнкве» обозначает «кушать, есть». Им пользуются в повседневной речи. Но когда надо сказать «есть медвежье мясо», говорят: «ватункве» — собирать. Этим словом обозначают и сбор ягод.

Высшим проявлением красоты была нравственная красота человека. Она намного превышала физическую красоту, красоту лица, тела. Об этом говорит словарь мансийского языка. К примеру, слово «нётункве» обозначает сразу два понятия: быть красивым и помогать. Пусть хоть внешний вид человека неказистый, если он чуткий и отзывчивый, если он всегда готов прийти на помощь другому, то он самый красивый.

Антонимом этому слову является другое слово — «нёттал». У него тоже два понятия: «нёттал» — значит не помогающий, некрасивый. Народная мудрость, высоко нравственный взгляд золотой жилой светятся в словарном составе древнего языка.

А взгляд у таежного народа, не отделявшего себя от природы, был зорок. В словаре приведено семь разных слов или обозначений болота. У болота, где растет клюква, — одно имя, с морошкой — другое имя, а голубикой — третье имя. Степень заболоченности тоже имеет свои названия.

Думаю, что словарь будет настольной книгой и для учителя школы, для историка и краеведа, для редактора газеты и книжного издательства «Просвещение», где издают красиво оформленные буквари, учебники, книги для чтения на языках малых народностей Крайнего Севера. Хочется отметить, что в этом словаре впервые закреплён новый, усовершенствованный алфавит мансийского языка из сорока четырех букв. Большую научную работу по его усовершенствованию провела Евдокия Ивановна Ромбандеева. Особыми знаками отмечена теперь, к примеру, долгота звуков, так же, как в венгерском и других угро-финских языках. И эта работа проведена научно, со знанием дела... Для меня, писателя, этот небольшой словарь, изданный издательством «Просвещение», как энциклопедия моего древнего народа, как источник мудрости предков, знавших гармонию природы и человека...

С нетерпением жду, когда появится наиболее объемный труд Ромбандеевой «Мансийско-русский словарь» в 42 печатных листа!

Хочется отметить еще вот что. Численность манси по последней переписи семь тысяч шестьсот человек. Большую работу провела Советская власть в области просвещения. Только одних кандидатов филологических наук семь человек.

На тысячу человек — один кандидат наук. Это ли не показатель великих возможностей социализма в области просвещения, науки. Работать с отдачей сил! Ведь в народе сказано: «Кедрю цена по орехам, человеку — по труду. Трудись на совесть — народ похвалит».

Хочется сказать благодарственное слово Евдокии Ивановне Ромбандеевой, вся жизнь которой до капли посвящена науке, родному слову, за честный, благородный, неистовый труд.

В народе сказано: «Оленя хватают за рога, человека ловят на слове». «Слово и в небо поднимет и на землю уронит». «Самое сладкое и горькое в мире — слово». «Видел — не скрывай, не видел — не болтай». «Раз скажи, два подумай». «Не кричи на ветер, голос зря не дери». «Знай, доброе слово и оленя на путь выводит».

Теперь я знаю: от большой работы Евдокии Ивановны Ромбандеевой, хранительницы жемчужного слова предков, их мудрости, будет светло не только манси.

Да, правильное слово все препятствия свалит. От хорошего слова миру светло.

Время доброго здоровья

На вершине кедра тревожно затрещали ронжи, откуда-то слетевшиеся к этому дереву, словно ощутили опасность, нависшую над кормильцем — вечнозеленым кедром.

Во мху рядом с Еленой Михайловной лежала большая шишка. Она подняла ее. Отщипнула смолистую кожуру, на нее взглянули крупные зрелые орехи. И ей показалось, будто они просили ее из своей колыбели:

«Щелкай нас, щелкай, только батюшку нашего не забывай, батюшку нашего выручай!..»

Кедр... Вечнозеленое дерево. В зеленой тени его ветвей — тяжелые шишки. В шишках — сочные орехи. «Шишки есть — белка есть, белка есть — соболь есть, соболь есть — жизнь есть» — так говорят в тайге. Кедр начало всех начал. Из кедра охотник может сделать широкие лыжи, и не страшны ему тогда глубокие снега. Выдолбит рыбак из цельного ствола лодочку — и покорны ему широкие плесы. Дерево это не коробится, не трескается, не гниет. Белое и легкое оно, крепкое и долговечное. «Стол из кедра всегда полон яствами» — так в народе говорят. На стуле, выструганном из кедра, просидишь долгую и счастливую жизнь. Хорошее дерево кедр. Потому и долго живет, как все здоровое.

«А как мы бережем здоровье людей? — бежали мысли Елены Михайловны. — Все ли мы делаем? Помним ли мы заветы учителей, да и наших предков?»

Елена Михайловна родилась в верховье таежной реки Ларьяка, впадающей в Обь недалеко от Самотлора. Кедр там были в великом почете. И голос ронжи знаком. Кажется, с колыбели. Это темно-бурая, с белыми крапинками птица, кедровка, как ее называют в народе. Размером немножко меньше голубя, клюв у нее довольно длинный, очень крепкий. Питается кедровка орехами. Под клювом у нее расположен мешочек-кладовка, куда птица складывает орехи, а затем переносит их в укромные местечки и прячет, готовя запасы на зиму.

И напомним эта птица Елене Михайловне Сагандуковой, главному врачу Ханты-Мансийского окружного противотуберкулезного детского санатория, что-то сокровенное, щемящее... Жизнь свою она вспомнила, свой необычный и обычный путь к диплому врача, к званию Человека и Гражданина.

Долгий путь — и в прямом и в переносном смысле — пришлось преодолеть дочери хантыйского рыбака и охотника из маленького селения Наунах Елене Сагандуковой, чтобы стать первым врачом ханты, одним из самых уважаемых людей Ханты-Мансийского автономного округа.

Сначала жила маленькая девочка в лесной стране. По утрам выходила она за порог юрты — и встречала ее бескрайняя тайга. Толпились вокруг причудливые деревья — толстые снизу, тонкие вверху. Сказочный лес, населенный духами живой природы, манил, завлекал ее

всеми своими звуками и красками. Неподвижным, точно вымершим кажется на рассвете это лесное царство. Но приглядишься внимательней — и многое откроется твоим глазам. Вот зеленоглазая росомаха подстерегает соболя. Вот на пеньке греется в лучах утреннего солнца бурундук. А вот мелькнула в озере серебристая шубка выдры, промышляющей рыбу. А далеко на пригорке стоит могучий красавец лось — солнце на рогах держит.

Так и жила девочка в этой лесной сказке, которая была ей родным домом. Отец — умелый охотник и рыбак — научил ее понимать язык природы и находить дорогу в тайге по солнцу и звездам.

Мать обшивала, кормила многочисленное семейство. Кстати, много лет спустя старую хантыйку наградили орденом «Материнская слава» второй степени.

Может, так и жили бы в Наунаке, тем более что пришла уже туда Советская власть. Но случилось что-то очень тяжелое. Мала была Елена, не помнит, не знает, что именно. Отец сказал только один раз: «Злые люди появились. Зверя губят, рыбу распугали. Нужно сменить место жизни».

Наверняка тех злых людей местные власти призвали к порядку, но восемьдесят хантыйских семей уехали из родных мест — кто куда.

Однажды утром отец сказал: «Видел я сон, будто кто-то зовет нас, приглашает Обь-реку поглядеть. Пора в путь собираться». Мать заохала, жаль родные места покидать. Но отец настоял: «Вот весной пойдет рыба вниз по реке — и мы тронемся вслед». Построил он большую лодку — каиком называется, — покрыл ее берестой. Посадил в нее всю свою горластую семью с нехитрым скарбом, дал каждому в руки весло — и долгий путь начался. Сначала плыли совсем медленно, а потом дети грести научились, дело лучше пошло... До чего могучая река Обь: кое-где в несколько верст шириною. Берега — низкие, пологие, поросшие кустарником, — перед глазами вдаль убегают, теряясь в смутном мареве, где небо с землей сливается.

«Останавливались мы в нескольких деревнях, — вспоминала потом Елена, — к голосам прислушивались: где же тот, который отцу приснился?»

Первая зима застала их в Лохтоткурте. Родители ушли в тайгу на промысел, дома — малышня. Соседские ребята бегут в школу. Подвязалась Елена платочком

и тоже пошла учиться. Очень нравилась ей учительница Анна Сергеевна: беленькая, синеглазая, все понятно рассказывала. Ребятишек читать научила.

Отец пришел из тайги и сказал: «Хватит. Ученая стала, и ладно». Обидно было, но перечить не смела. Так целый год и не училась.

И снова вся семья в лодке. Вновь проплывают мимо могучие кедры и маленькие поселки. В одной деревне, где Сагандуковы остановились, жили геологи, целая экспедиция. Уехали — книжку забыли, потрепанную, без обложки. Начала ее Елена читать и удивилась. Слово свою жизнь увидела в строчках, написанных о Гайавате:

Так построил он пирогу
Над рекою, средь долины,
В глубине лесов дремучих,
И вся жизнь лесов была в ней,
Все их тайны, все их чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крепость мощных сучьев кедра
И березы стройной легкость;
На воде она качалась,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка.

Так же, как Гайавата, плыла она в лодке по могучей реке. На долгие месяцы, годы растянулся этот путь...

В Батлыме (такая деревня на Севере) удалось закончить второй класс. И опять потянулась бесконечная голубая дорога. Зима, лето, зима, лето... Семейная лодка причалила к Шеркалам. Новая школа, новые друзья, третий класс. И, наконец, Полноват. Это был конец тысячекилометрового многолетнего пути.

Мудрено было девочке учиться в таких дорожных условиях. Но училась! В Полновате окончила четвертый класс, а потом Остяко-Вогульск (ныне Ханты-Мансийск), пятый класс. Из дома написали: «Семилетнюю школу в Полновате построили. Приезжай». Там и окончила семилетку Елена, девочка, которая пустилась в путешествие четырех лет от роду.

Сверстники спорили: кем быть? Елена хотела стать агрономом. Все планы перевернул случай. Очень болела нога, сказала все-таки многолетняя сырость в лодке. Из Казыма приехал в Полноват хирург Михаил Иванович Козин. Назначил лечение, несколько раз приезжал обследовать население, навещал Елену. И сказал

на прощание: «Больше моя помощь не нужна. Ты здорова». После этого Елена твердо решила поступить в Ханты-Мансийское медицинское училище на фельдшерское отделение.

Начался путь в медицину. Нелегкий, холодный, голодный. Не всякому взрослому человеку под силу. А тут маленькая росточком, хрупкая девочка, которая и здоровьем не могла похвастаться.

Запомнился экзамен по анатомии 22 июня 1941 года. Врач-преподаватель Анна Тимофеевна Непомнящих вошла в класс. Голоса ее не узнали: «На нашу страну напала фашистская Германия».

Через год — досрочный выпуск. Но знания у молодежи были прочные. Ведь учили врачи, вошедшие в историю округа как люди выдающиеся: Николай Александрович Потанин, Владимир Петрович Пантеровский (первый главный врач окружной больницы); Валентина Михайловна Соколова, Елизавета Герасимовна Субботина.

По окончании училища в 1942 году сразу пришлось применять свои знания на практике. Работала в национальных поселках, обслуживала население в мансийских юртах Проточных, Вежакар, Комудван. Работала не покладая рук, не считаясь со временем. Лучшее тому свидетельство — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

После войны — Омский медицинский институт. Елена Михайловна захотела стать детским хирургом, выбрала педиатрический факультет. Не забыла, как спас ей ногу хирург Козин.

Получив диплом, работала в Ханты-Мансийске терапевтом, потом ординатором хирургического отделения. Вскоре депутата окружного Совета, коммуниста Сагандукову утвердили заведующей окружным здравотделом. Училась: окончила годичные высшие курсы организаторов здравоохранения при Министерстве здравоохранения СССР. В 1958 году ее избрали депутатом Верховного Совета СССР. Пять раз она избиралась членом окружного и городского, трижды — членом областного комитетов партии, восемь созывов была депутатом окружного, два созыва — депутатом областного Совета народных депутатов, работала заместителем председателя исполкома окружного Совета.

Вот уже много лет Е. М. Сагандукова руководит

окружным противотуберкулезным детским санаторием, которому присвоено почетное звание «Коллектив высокой культуры», и ведет большую общественную работу, являясь штатным инструктором окружкома КПСС по работе среди женщин, пропагандистом теоретического семинара.

В кедровом лесу осенью можно наблюдать такую картину: десятки и сотни птиц суеются, прыгают с ветки на ветку, часто перелетают с дерева на дерево, и ни на минуту не замолкает их крик. На первый взгляд кажется, что они — легкомысленные, вздорные птицы и суеются бесцельно. Но это совсем не так, здесь идет целеустремленная коллективная работа: птицы стараются поскорее и побольше собрать орехов на суровую сибирскую зиму. Ведь охотников до этого лакомства много: приедут люди и соберут их; подует сильный ветер, собьет шишки на землю, и ими полакомятся лемминги — мыши, а то и сам хозяин тайги.

«Всегда ли по-хозяйски относимся мы к дарам тайги? — думала Елена Михайловна. — Кедровый орех, грибы, ягоды, лекарственные травы — это же целый клад, сокровище!..»

Удивительна и загадочна, например, ягода, которую манси называют сянси-пил, а русские — княженикой. Из дикорастущих ягод, произрастающих на территории нашей страны, княженика, может быть, самая вкусная, по аромату напоминающая ананас, обладает высокой сладостью, содержит до 6—7 процентов сахара, большое количество витамина С. В ста граммах черники содержится 6 миллиграммов витаминов, в морошке — 25, в бруснике — 8—15, а в княженике — 100—200 миллиграммов.

Ханты и манси используют молодые нежные листья этой ягоды, высушенные на солнце, для приготовления чая. Как народное средство княженика применяется при кашле и сердечных заболеваниях.

Множество лекарственных средств медицины взяли сегодня у природы. Наша промышленность освоила более двухсот новых лекарств, например, бессмертник, красавка, полынь, шиповник. Этими простыми вещами пользовались и старые ханты и манси.

И все-таки природных эликсиров здоровья исполь-

зуются пока в практической медицине мало. С улучшением медицинского обслуживания выявляются некоторые негативные стороны чрезмерного увлечения химическими лекарствами.

Елена Михайловна шла в раздумье по кедровому бору.

— Крэ-эк! Крэ-эк! — кричала ронжа.

Есть у нее странность: если птица пролетает вблизи, достаточно два-три раза хлопнуть в ладоши, как она садится на ближайшее дерево и начинает кричать: «крэ-эк, крэ-эк, кэдр». Кричит кедровка пронзительно, голос ее слышен на большом расстоянии.

«Кто из женщин не поспешит на крик, если это крик моды?» — смеются теперь в народе. Нет, и ронжа-кедровка и лекарственные травы — это не крик моды, а крик времени, жизни.

Много ли внимания, к примеру, уделяется в медицинских институтах, университетах лекарственным травам? Мало! Очень мало!

Очень робко включают в планы исследований разнообразные виды растений, получивших многолетнее признание в народном опыте, содержащих ценные, биологически активные соединения. Разве дело, что исследователи, занимающиеся этим нелегким, кропотливым трудом, порою держатся пока на личной инициативе и энтузиазме? А ведь речь идет о проблеме, решение которой может дать изобилие крайне необходимых природных лекарств, витаминных концентратов, пищевых приправ, от которых во многом зависят здоровье и бодрость, работоспособность людей.

На вершине кедра опять жалобно прокричала ронжа, добровольно занимающаяся разведением леса. Да! Да! Даже на горях, где нет ни единой травки, вдруг из-под серой золы пробиваются нежные кустики молодых побегов кедра. Это работа «пернатого лесовода». Вот почему кедровка является полезной птицей, и напрасно некоторые люди ошибочно думают, что раз она питается орехами, то приносит вред, и без всякой нужды ее уничтожают. Каждый человек должен твердо помнить, что птицу кедровку надо всемерно оберегать.

Помнится, в деревне моего детства жили кочующие ханты, останавливались на ночлег или просто погреться у чувала, дать отдых уставшим оленям и покормить их, а потом разъезжались в разные стороны. Там были и

«святые места», где ханты колдовали, молились идолам своей древней веры, шаманы «лечили» своих соплеменников, а те щедро одаривали их мехами за каждый удар бубна.

В сказке одной говорится, что когда-то давным-давно жили на Севере три охотника. Промышляли они в тайге дикого оленя, а мясо про запас вялили. Однажды они заметили, что кто-то ворует у них самые жирные куски оленины. Стали они подкарауливать вора и, наконец, поймали его на месте преступления. Им оказался Куль — дьявол, который крал мясо для бога воды, бога пурги и бога оспы... Разгневались боги на охотников и погубили их: один охотник утонул, второй замерз, а третий умер от оспы.

Это сказка, но какая страшная правда заключена в ней. Ни в одном языке северных народов не было слова «больница». Зато в языческой мифологии существовало множество персонажей, олицетворявших болезни: чуму, оспу, туберкулез. Ненцы, например, задабривали жертвоприношениями бога смерти и болезней Нга. У нганасан самым страшным считался бог чумы Сюдюнгуо, человекоподобное чудовище с огромным ртом вместо лица.

Да и не случайно это. Ведь единственными лекарями на Крайнем Севере испокон веков были только колдуны да шаманы, имевшие неограниченное влияние на коренное население.

Нелегкими были первые шаги Советской власти на Крайнем Севере. Но сразу одной из основных задач стало воспитание квалифицированных специалистов из числа коренных северян. Долгий путь предстояло преодолеть молодым ненцам, долганам, ханты, манси, эвенкам и другим представителям малых народностей от полной неграмотности до высот науки, пока не появились на Севере свои учителя и врачи, свои ученые и писатели.

«Важна не скорость, а выбранное направление», — говорят на Севере.

Дочь простого хантыйского охотника и рыбака Сандукова выбрала правильный путь. И это не случайно.

Мансийская сага «Янгал-Маа» начинается такими словами:

Кто откроет смысл великий,
Полный вещего значенья,

Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Кто спасет народ забитый,
Кто укажет путь широкий,
Как река весной в разливе?

Елена Михайловна Сагандукова, как и все северяне, твердо знает, как ответить на этот вопрос. Наше время открыло смысл жизни, полный вещего значения. Время добрых помыслов. Время светлых волшебников! Время доброго здоровья!

Первый киномеханик

Ночь в Березове белая. Пахнет цветущей черемухой и лиственницей, пылью немощеных улиц, ароматной прохладой дремлющей в белой дымке Сосьвы. А в белую ночь березяне, кажется, не спят: где-то тарахтят моторы — видно, рыба пошла, на лиственном мысу музыка — школьники окончили школу, студенты на каникулах, а на пристани — веселые гудки теплоходов.

В белую ночь Березово встречает... Мать ждет сына со службы, сестра — брата из института, муж — жену и детей, едущих к нему на новостройку.

В белую ночь все Березово, кажется, на пристани. А пристань здесь особенная, северная. Теплоход подходит не к набережной, одетой в гладкий камень, а к барже с высокими бортами — дебаркадеру. Он стоит рядом с другим, вросшим, кажется, в воду, пахнущим гнилой тайгой. К нему с далекого крутого берега, где голубеет деревянное здание вокзала, тянется дощатый настил. Длинным «мостом» возвышается он над залитым водой пологим берегом. Всю белую ночь с «моста» свисают тонкие удилища, а на темной воде плавают поплавки. Всю белую ночь под ногами встречающих и провожающих скрипят протертые каблуками доски, и кажется, «мост» поет. Здесь можно встретить друзей детства, старых знакомых, познакомиться с интересными людьми...

Неизгладимое впечатление оставит встреча с Павлом

Сергеевичем Баушкиным, интереснейшим человеком старожилом Березова, его живой историей.

Я знаю этого человека с того мгновения, когда в нашу небольшую таежную деревеньку Камрадку впервые привезли «говорящего чудо-шамана» — кино. В тот памятный вечер оно заколдовало не только нас, мальчишек, но и самого Няр-Мишку. До этого Няр-Мишка слыл самым большим шаманом в нашем крае. К удивлению жителей деревни, Няр-Мишка глазами ночной птицы филина смотрел на белое полотнище, где кипела сказочная жизнь... Мчались кони. Сверкали сабли. На звездном коне летел Чапаев. Нахмурится Чапаев — тучи плывут. Улыбнется Чапаев — солнце сверкает. Взглянет Чапаев вдаль — лица людей светлеют. Возьмет Чапаев картошку — слюнки потекут и кушать так захочется, будто картошка самая вкусная рыба — стерлядь... И все же глаза замороженные не хотят слушать своего голодного желудка, а с жадностью смотрят кино... А кино крутит Павел Баушкин. Все теперь смотрят на него, как на волшебника, шамана и колдуна. Ведь даже сам Няр-Мишка заколдован. А о других жителях деревни и говорить нечего. И сидим мы все как замороженные. И глядим на белое полотно, натянутое на большой задней стене избы-читальни. Наша изба-читальня небольшая. Она не смогла бы вместить всех желающих поглядеть на чудодействия «говорящего шамана». Поэтому «кинокамлание» устроили на улице. Мы сидели на мягкой траве. На небе сверкали звезды. А мы мчались на звездных конях Чапаева. Мне хотелось тогда стать Чапаевым. А многие наши мальчишки мечтали стать Павлом Баушкиным, механиком кинопередвижки...

И вот мы в уютном домике Павла Сергеевича. Небольшой этот домик — своеобразный музей-квартира. В нем можно увидеть историю не только кино, но и всей духовной жизни Севера, его живую историю...

Мы сидим в квартире Баушкина и смотрим кино. В подвале своего дома Павел Сергеевич оборудовал маленький уютный кинозал. Мы смотрим кино, ведем неторопливую беседу. С небольшого экрана встают картины Севера, история Березова, шаги северного ускорения новой жизни...

Давно это было. Еще до революции. Когда над Березовом зажигались яркие звезды, в доме Гурьянова «крутили кино».

Рыбопромышленник Гурьянов был человеком богатым, предприимчивым. Оборудовал он в своем доме несбычный «электротheater» на полсотни мест (так тогда называли кинотеатр), где играли не артисты, а тени. А «сценой» было белое полотнище. На нем кипела жизнь, кипели страсти...

Картины, судя по слухам, шли интересные, с загадочными названиями — «Отец Сергей», «Лия Лифшиц».

И маленький Павел Баушкин все время крутился у электротheaterа, мечтая попасть на сеанс хотя бы в роли крутильщика. Были в то время и такие. Киноаппараты снабжали ручным динамо-приводом — вот и весь секрет. Прогремела революция. Первый кинофильм Баушкин увидел после революции. Названия его не помнит. Вначале появился на экране бывший губернаторский дом в Тобольске. На балконе — семья свергнутого царя. Затем выплыла аллея, по которой шествовал сам Романов. Дошел до скамейки, опустил на нее тяжелое тело, стал вспоминать былое. Приемы, балы, роскошь...

Через несколько лет Павел Сергеевич сам начал «крутить» фильмы. Аппаратура в то время была не ахти какая. Да и электроэнергии не хватало.

В 1925 году, с пуском в Березове электростанции, появилась возможность осуществить полноценный кинопоказ. Попытки приспособить и пустить киноаппарат Гурьянова не дали результатов: он оказался и мало мощным и устаревшей конструкции. Поэтому в 1926 году был приобретен киноаппарат «Патэ-2» (французского производства) — один из тех, что были в кинематографах дореволюционной России. В качестве источника света в них использовалась вольтова дуга. Для создания хорошей освещенности экрана требовалась электроэнергия до 90 ампер. Когда шло кино, все Березово погружалось в темноту, электроосвещение выключалось. Это никого не возмущало: кино для жителей поселка было желанной новинкой.

Кинемеханика не было. Его функции выполняли электротехник, заведующий электростанцией и монтер. Монтером был Павел Баушкин.

В тридцатые годы в Березово стали поступать первые картины «Совкино». Зрители по нескольку раз

смотрели «Красных дьяволят», «Одного из двадцати».. И уже начало пробивать себе дорогу звуковое кино.. Павла Сергеевича вызвали в райисполком, предложили поехать на учебу в Воронеж на курсы механиков звукового кино.

— В Воронеже я учился год,— рассказывает Павел Сергеевич.— Тогда у меня уже были права киномеханика первой категории. Я привез в Березово первую звуковую аппаратуру «Рекорд». Она могла работать в условиях Березова даже при отсутствии электроэнергии, то есть и зимою и летом.

А в октябре 1938 года в Березове появилось звуковое кино. Как сейчас помню, первый звуковой фильм «Маска». Шел он уже десятый раз подряд, а зал все равно был переполнен. Еще бы! В Березове это была первая «говорящая» картина. С еще бóльшим успехом шли другие звуковые и немые кинофильмы отечественного производства: «Путевка в жизнь», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Ленин в Октябре», «Волга-Волга», «Трактористы».

Когда началась Великая Отечественная война, Павлу Сергеевичу вручили «бронь». Здесь, сказали, ты нужнее. И вполне понятно: единственный киномеханик на весь район!

1943 год. Зима была холодной. Отощавшая лошаденка еле-еле таскала его киноаппаратуру по заметным дорогам. Но к вечеру Баушкин обязательно успевал к огоньку таежного селения. И в тесных, не приспособленных для демонстрации кино помещениях он зажигал киноогонь. И на экране возникали кадры, отснятые на полях великой битвы. И прямо после просмотра все расходилось по своим рабочим местам.

За одним выездом в «глубинку» следовал другой. Помнит Баушкин хантыйское село Теги. Молчаливое, завьюженное. Ханты сидели на принесенных с собой скамейках, чурках. Шел документальный фильм «Концерт — фронту». Артисты выступали прямо на передовой. В зале — тишина.

На экране появилось слово «конец». Люди не уходили, глаза их просили повторить. И Баушкин повторно прокрутил фильм.

Примерно в это время я впервые и увидел Павла Сергеевича Баушкина. И мне захотелось быть Чапаевым...

А я ведь раньше видел другое «кино», не менее впечатляющее.

В лучах холодного зимнего солнца сверкало стальное лезвие ножа, кровь струилась, дымилось мясо, торжественны были лица людей... Принесли жертву духам оленя. Потом мы вошли в дом шамана Няр-Мишки. Все селение собралось туда, как в кино. В священном углу затлела чага. Наполнился дом волшебным воздухом, которым дышат только боги в небе.

Няр-Мишка же взял в руки топор и сел в переднем углу. Другой шаман, Потепка, потушил лампу. Стало в доме темно, так темно, точно не было никогда на небе луны, точно солнце само себя поглотило!

Было темно, было тихо, все боялись дышать. Знали: в эти минуты шаман собирался говорить с небом, подбирает слова, понятные только богам.

Вдруг услышал я дробные звуки: э-кэ-кэ-кэ! Э-кэ-кэ-кэ! Кэ! А потом донесся до меня то ли голос Потепки, то ли Няр-Мишки:

— Слышите? Это злой дух бросает в меня стрелы. Сердится, что долго слов небесных не нахожу!

И опять наступила тишина, такая тишина, точно не было на земле ни людей, ни птиц, ни ветра, ни волн, ни шума лесов.

А потом тихо, почти неуловимо, точно робкое токование тетерева, поплыла песня. Ее пел Потепка, это точно. Он певец отменный. Медленно, подобно каплям тающего снега, возникали непонятные слова. Постепенно слова становились громче, вот уже наполнили весь дом пронзительные, непонятные, таинственные слова.

Неожиданно песня разом оборвалась, и Няр-Мишка сказал:

— Недоволен небесный дух, недоволен! Маленького оленя принесли ему в жертву... Надо еще одного оленя принести ему в жертву. Ждите! Сейчас прилетят духи. Вы не увидите их, но вы услышите их! И первым прилетит дух Ялпус-ойка! Он единственный, кто может подниматься к богам в небеса и опускаться в подземное царство нечистоты. Вот он! Он близко! Он летит! Всесильный Ялпус-ойка превратился в железную птицу Гагару. Замрите! Он летит!

И я услышал, все услышали, как железные крылья Гагары рассекают со свистом воздух. Свист приближался, становился сильнее, потом вздрогнули стены дома и кто-

то ударился о священный стол в священном углу. Я услышал частое тяжелое дыхание. Так дышит человек после долгого бега с непосильной ношей на спине. То явился дух Ялпус-ойка.

Вслед за ним стали являться другие боги. По-разному являлись они. Кто приезжал на оленях — мы слышали скрип полозьев на мерзлом снегу, кто на конях — мы слышали грузные шаги под окнами дома. И каждый раз из темноты раздавался то ли голос Потепки, то ли Няр-Мишки. Они выкрикивали имена богов.

— Ялпус-ойка! Отец всех духов!

— Ась-Котиль-яныг-ойка. Повелитель Оби!

— Тагт-талих-отыр! Повелитель верховья Сосьвы!

Называли они и других богов, но я уже не помню сегодня их длинных и трудных имен. С каждым из них шаманы здоровались:

— Здравствуй, из дальних земель пришедший бог-богатырь!

И все мужчины повторяли в темноте:

— О, здравствуй, здравствуй, из дальних земель пришедший дух!

Когда собрались все духи, боги, шаманы начали шаманить. Снова затянули они песнь на небесном языке. Мы же все сидели в страхе, не понимая языка богов. Но потом появились в песне слова понятные, и я разобрал, о чем пели шаманы.

— Мало, мало приносите вы жертв богу! Гневаются на вас духи — сыновья небес!

Вдруг оборвалась песня, и Няр-Мишка сказал:

— Поведали нам боги: душу мальчика унесла в могилу мама.

А незадолго до этого умерла моя мама. Я усыхал на глазах. Отец решил испытать последнее средство — обратиться к шаманам. Шаманы устроили камлание, принеся в жертву оленя.

— Цепкими пальцами держит она душу парнишки и не хочет ее выпустить, — продолжал говорить Няр-Мишка. — Но говорящий дух Ялпус-ойка внял нашим просьбам. Он полетел в горестный уголок земли — на кладбище и поговорил с духами предков. Сказали мне боги: еще немного — и умер бы мальчишка. Потому что не может долго жить человек без души.

От этих слов пот начал струиться по моему лицу и волосы зашевелились на голове. Вдруг мама не выпустит

моей души? Тогда я умру сейчас же, здесь, в доме Няр-Мишки! В темноте мерещилось, как в гробу мамы извивалась голубовато-дымчатая душа моя.

Вещи, лица — все кружится
В зареве багряном...

Опять послышался где-то неясный далекий звон. Я понял, что Ялпус-ойка летит обратно. Снова железные крылья рассекали воздух, снова кто-то ударился о священный стол, и опять послышалось частое дыхание человека, бежавшего долго с тяжелой ношей на спине.

— Ему было нелегко! — воскликнул Потепка. — Ялпус-ойка долго бился за душу мальчика!

Я сидел, цепенея от страха, и мысли мои путались в голове.

Вдруг в священном углу — едва слышный писк.

— Спасенная душа пищит в руках сына бога, — пояснил шаман. — Подведите мальчика к священному столу.

В темноте меня подвели к столу. Я знал, что за столом сидят все духи. Сердце мое, подобно трепещущей рыбке, готово было выскочить из груди, но каждая жилка во мне ликовала: «Я не умру, снова душа живет в моем теле! Всесильные шаманы Няр-Мишка и Потепка вернули мне душу!»

Опять услышал я в темноте голос шамана.

— Рано ликуешь, сынок! — словно уловив мои мысли, заговорил-запел один из шаманов. — Нелегко было вырвать душу из рук предков. Особенно упорствовала твоя мама. Не хотела она, чтобы ты остался один на этой студеной и тревожной земле. Даже под ярким солнцем царствует мороз, голод, холод души. Кто согреет тебя малого и еще слабого? Каждый будет норовить если не пнуть, то задеть колючим словом. И душа твоя будет плакать, мучиться всеми муками, отпущенными самым несчастным из несчастного человеческого рода. Уж лучше пусть ты пойдешь со мною в нижний мир! Уж лучше бы тебе не видеть, не переживать того, что так терзает душу человека на земле! Таково было желание твоей мамы, и дедушки, и бабушки. Но теперь все зависит от нас, людей. Если мы захотим, чтобы мальчик жил, мы все должны будем поклясться, что будем достойны имени человека по отношению к нему.

— Клянемся! — раздались голоса.

— Да продолжит сын достойно жизнь мамы. То, что мать не успела сделать, сделает сын. То, что не успела пропеть мать — пропоет сын. И невыплаканные слезы матери прольет сын. И неотведенное счастье матери да отведает сын. Да исполнит сын все мечты-думы матери, дедушки, бабушки!

Да продолжит достойно сын жизнь своих предков! Клянемся, люди, что мы ему поможем!

— Клянемся! — раздались голоса.

— Э-кэ-кэ-кэ-кэ! Э-кэ-кэ-кэ-кэ! — продолжал кам-
лать шаман.

О предки наши!
Давно ушедшие в мир иной —
И вчера покинувшие нас предки!
Приветливые, верные,
Святые предки!
Вы слышали наше моление.
А теперь вкусите жертвенной крови!
Наслаждайтесь ею!
Будьте милостивы к нам!
Поймите наши живые души!
Даруйте сыну вашему,
Сыну нашему
Исцеление и неиссякаемые силы!
Да будет он жить за двоих!
За троих! Да исполнит он
Ваши самые заветные желания!

Еще три ночи мне снились боги. Еще три ночи меня трясло. Еще три ночи меня холодило. Еще три ночи меня бросало в жар. Потом перестало меня трясти. Холод ушел. Ко мне вернулись тепло, спокойствие.

Это было кино. Незримое, но яркое. Шаманское кино. Но когда я увидел живое, зримое, говорящее чудо-кино Баушкина, шаманское кино, кажется, не то что померкло, но как-то потускнело.

Мне захотелось быть не только Чапаевым, но стать сильным, как Максим. И я запел: «Крутится, вертится шар голубой»...

Мне казалось, что это моя песня... А по шару голубому уже крутились колеса войны. И я видел «Ленинград в борьбе». Я знал, что Ленинград — большой каменный чум — защищает мой родной дядя Сергей. Он в тайге был славным охотником. А теперь славный боец Красной Армии.

Он один простыми бутылками с горючей смесью

подбил шесть танков. Еще в первое лето войны. И на груди у него сияет медаль «За отвагу».

Об этом говорилось в бумажном «кино», которое называется «газета». Эту желтую киногазету все в нашей деревне просмотрели... И мне захотелось стать защитником Ленинграда...

Ленинград... Ленинград в борьбе.

Однажды Павел Сергеевич вновь показывал фильм «Ленинград в борьбе». Есть там момент. Партизаны выходят из леса. Навстречу им регулярные части Красной Армии. Здравуются, обнимают друг друга. Целуются. И в это время раздается в зале чей-то голос:

— Да это же Михаил!

Павел Сергеевич прокручивает ленту несколько раз. И люди узнают в одном из партизан Михаила Гавриловича Нечаева, инженера Березовской электростанции.

Песня старого ханты

Затаив дыхание, я слушаю Константина Васильевича Новьюхова, старого рыбака и охотника. Старый ханты рассказывает про Птицу-Легенду, поет песню-Жизнь.

В прошлом веке, точнее, с ноября 1843 года по 1845-й, в краю манси и ханты побывал венгерский ученый-лингвист Антал Регули. Героическое его путешествие продолжалось около полутора лет. Протяженность пути составила пять с половиной тысяч километров. В его книге «Вогульская страна и ее обитатели» (Будапешт, 1864), а также в материалах исследования, находящихся в рукописном фонде Венгерской Академии наук, есть удивительные свидетельства о нашем Севере.

Венгерский ученый установил не только родство языка манси, ханты и венгров, но удивился необычайной одухотворенности, песенности народов, живущих в краю вечной мерзлоты.

«У манси народная поэзия бесподобно богатая,— писал Регули.— Песни богаты чудодейственными поэтическими изображениями и свидетельствуют о богатой

фантазии этого народа, имеющего поэтический душевный склад. Одна из песен рассказывает об известном охотнике, который был настолько ловким стрелком, что летающую стрелу, пока она не упала на землю, три раза перестрелял. Этот охотник убил 99 медведей, а сотый убил его самого...»

«Я невыразимо наслаждаюсь пением... певца, когда он, тихо играя на журавле, исполняет старинные песни с монотонной мелодией и живой мимикой...» — писал Регули.

В руках старого ханты Константина Новьюхова звенит, правда, не мансийская арфа-журавль, а пятиструнный хантыйский нарсьюх — «поющее дерево», но я будто увидел того же самого певца с «живой мимикой и монотонной мелодией».

И еще мне показалась очень примечательной фамилия певца. Если перевести слово «новьюх» — «Новьюхов» на русский язык, то получится: «Белое дерево, светлое дерево, поющее дерево»... Этот человек с детства помнится мне светлым. Когда в хантыйской деревне Теги мой отец работал председателем колхоза, Константин Новьюхов был его заместителем. Потом Константина Васильевича избрали председателем объединенного мансийского колхоза, куда входили и жители деревни Камрадка, где родился я, где мой отец организовал когда-то первый мансийский колхоз.

Константин Новьюхов живет теперь в Тегах, в центре колхоза, в новом современном селении с электричеством, радио, газом. У него два больших светлых дома. Но мы его разыскали на «родовой речке», в старинной юрте, где предки его жили и промышляли зверя, рыбу...

— Это моя дача,— сказал важно Константин Новьюхов.— Но отдыхаю я в своем большом колхозном доме. А здесь я промышляю зверя, добываю рыбу, думаю. Думаю о воде, лесе, небе, земле. Вода рыбу дает. Лес зверя дает. Небо свет и птицу дает. Земля все дает, земля все забирает...

Песня старого ханты звучит в старой хантыйской юрте. Низенький потолок, бревенчатые стены, почерневшие от времени. Вдоль стены не кровати, а нары, отгороженные перегородками. За одной перегородкой спят дети, за другой — женщины, за третьей — мужчины. В перегородке мужчин — «священный угол», в нем —

старинный сундучок с памятными, «священными» вещами от предков.

Давно я такой старинной юрты не видел. Впрочем, я здесь уже бывал лет тридцать пять назад. Как и тогда, сегодня в этой юрте звучит песня.

Константин Новьюхов поет о большом своем доме, со жене, детях, внуках... Не забывает он и собаку, лодку, весло, ружье... Вдруг звенящие струны наполняются иными звуками, голос крепнет, будто наливается сталью. Идущий по земле таежник сменяет охотничье ружье на винтовку солдата. И стоит воин ледяной глыбой на пути коварного врага. Усмиряет воин злого зверя отвагой, храбростью таежного человека. Возвращается с войны домой Константин Васильевич Новьюхов, а на груди широкой сияют высокие награды Родины. Среди них одна особая — медаль «За отвагу».

И снова в его песне плещется великая Обь, и осетры-нельмы, и скачущие олени, и колхоз, и родное село с экзотическим именем Теги...

Я слушаю про Теги с особым трепетом. Может, потому, что здесь пробежало мое детство.

Теги... На невысоком хвойном берегу широкой, как море, Оби раскинулось оно. Рубленые сосновые дома ровными рядами потянулись вдоль широкой центральной улицы, словно стараясь подчеркнуть, что это новое современное село. И все же в нем нет той симметрии и строгости, что в русских селах. Рядом с каждым обыкновенным домом экзотически высятся островерхие «чумы». Нет, это не чумы, а конусообразные дровяники. Издревле ханты и манси перед жилищем так ставили дрова, чтобы они сохли стоя, поддерживая друг друга, и высушенные ветром грели щедрым пламенем людей в студеную зимнюю ночь.

И вытянувшиеся рядами дома, и хаотически возвышающиеся конусообразные дровяники, и огороды, и березовая роща посреди села производят своеобразное впечатление на приезжего.

На самом высоком месте стоит здание правления рыболовецкого колхоза имени XIX партсъезда. А в роще, на поляне, выше берез летает волейбольный мяч и не смолкает задорный смех молодежи. Вечером в клубе кино. Иногда лекция. И вечера отдыха бывают. И спор-

тивные праздники. И школа, и медпункт, и магазин, и детский сад, и отделение связи есть в Тегах. И все это выстроил колхоз. Создано руками колхозников.

Но в памяти у меня другие Теги. Это село было ниже километров на четыре-пять, в луговой стороне Оби. Это место теперь зовется Старые Теги. И стоит там всего одна-единственная избушка.

И мне снятся дома. Журчанье струй у крыльца. Плеск рыб и диких уток. Они где-то здесь, в траве, пахнувшей зеленой водой. И не раз с крыльца своего дома водят «бабахнешь» из детского 28-калиберного ружья. Из одного дома до другого добираться на лодке... Но это не всегда, а в половодье. Поэтому, наверное, колхозники решили перенести свое село на другой, более высокий берег.

В Теги приезжаю я с особым трепетом, может быть, еще и потому, что нам, сыновьям, не совсем безразлично то, что сделали наши отцы. Какой пласт жизни им удалось поднять!

Моего отца теперь уже нет. Но люди помнят доброе. И звучат песни. И живут уже легенды о недавнем прошлом. Голос Константина Васильевича Новьюхова уводит меня в то далекое теперь уже время.

Была война — мужчины на фронт ушли. Была война — немногие с боя вернулись. Была война — у нас нет председателя. Нет председателя — нам его прислали. Мы его выбирали, мы руки поднимали. Была война — а у нас в деревне тиф. Была война — а жить-то дальше хочется.

А новый председатель глаза сует всюду, руками смотрит, все переворачивает — почему мало ловится рыбы? Почему по домам гуляет болезнь, как паршивая собака? Настырный такой. Как молодой осенний лед: гнется, но не ломится, с каждым днем сильнее!

А на Оби уже шла большая рыба: муксун, сырок, нельма, осетр. Разделил он между колхозниками все сети, всю имеющуюся снасть и сказал: «А сейчас играть будем!»

И давай промышлять серебряную рыбу. И давай перегонять друг друга. Кто больше поймает — тем премию дают. На собраниях о них говорят. Победителям новые дома строят. В газету пишут, в округ, в район

ввозят их. О нашем колхозе заговорили большие начальники. Понравилась такая игра и нам. Все захотели быть первыми.

И председатель наш стал видным. И мы-то вроде стали другими. Все чаще и чаще держали наши руки переходящее Красное знамя. Колхоз стал набирать силу. И появилась у нас мотолодка. Первая в колхозе мотолодка. Пусть она была и тяжелой и дымной, и грязной, но люди восхищались ее способностью плавать без мозолистых рук...

Ах, лодки, наши легкие лодки, скачущие по седым волнам, мы сегодня не поем о вас песен.

Ах, лодки — наши быстрые рыбки, мы крылья песен подарили той, первой. Пусть она плавает медленно. Но для рыбака первый осетр дороже остальных. Ему и песни, и заклинанья, и молитвы.

А на дымной, прокопченной корме мотолодки важно стоял наш председатель. Он пел песню о колхозе-миллионере. А мы ему, наверное, уже подпевали. Долго подпевали — долго работал председатель.

Много раз с тех пор прилетали утки, неся на крыльях новую весну. Много раз улетали утки, унося с собой Время. Те далекие дни стали мутной памятью, те далекие люди — живой легендой стали. Может быть, что и не так, по-другому что-то было. Но Птица-Легенда летает. Что-то было, было!..

А теперь колхоз не узнать. Он ежегодно дает государству немало рыбы. Ханты успешно занимаются животноводством, пушным промыслом.

На вооружении рыбаков, кроме своих моторных лодок, колхозные мотобударки, тоневые боты, ледорубы, лебедка. Гордится колхоз своим катером «Ярославец». На тяжелых сельхозработах трудятся не лошади, а железные трактора. В руках колхозных лесозаготовителей поет мотопила «Дружба».

Для ремонта техники колхоз имеет свою мастерскую, которая располагает токарными и сверлильными станками. Здесь производится текущий ремонт дизелей, тракторов, гребного флота. И мастера свои...

Молодежь потянулась к технике. Электрики колхозной электростанции, механики ремонтной мастерской, трактористы, киномеханики. А сколько мотористов! Всех не перечить.

Отслужив в рядах Советской Армии, окончив школу, техникум, молодые ханты чаще всего в родное село возвращаются. И неспроста: работа есть!

С каждым годом растет и культура северного села. Охотники теперь листают не только хвойные страницы тайги, но и находят время посидеть за книгой. Многие колхозники являются активными читателями своей библиотеки. Библиотекарь Светлана Сергеевна Новьюхова не ограничивает свою деятельность выдачей книг, она проводит большую работу по пропаганде книги, стихов советских поэтов, читая их на литературных вечерах и со сцены клуба.

В быт древних хантов входят новые обычаи, обряды, советские праздники. Традиционными стали, кроме календарных праздников, вечера молодежи, праздники «Русской зимы», проводы колхозников на пенсию, День рыбака, молодежные свадьбы, спортивные дни...

Выросли люди. Гордятся Теги и своими лучшими производственниками — рыбаками, доярками. Коммунист Андрей Васильевич Неттин — заготовитель коопзверпрохоза. Олег Павлович Явров — бригадир Пугорского участка. Евдокия Дмитриевна Макарова, Юрий Михайлович Новьюхов...

Юрий Михайлович удивительный человек. Когда-то он отморозил ноги, стал инвалидом. Теперь может передвигаться только с помощью костылей и на коляске. На охоту и на рыбалку ездит на машине инвалида и на коляске с мотором, но всегда сдает рыбы и пушнины не меньше, чем иные здоровые.

В разных концах страны трудятся врачи, учителя, инженеры, которые первое слово произнесли по-хантйски, первый шаг сделали в Тегах. Земляки ими, конечно, гордятся. Но еще больше теми, кто вернулся в родное село: своя интеллигенция!

— Изменилось лицо северного села. Богатым стал колхоз! — воскликнул я, вспоминая Теги двадцатилетней давности.

Ну, а ведь жизнь-то не стоит на месте, возросли и потребности людей. Оказывается, сегодняшней «богатый» колхоз устраивает не всех.

— Рыбакам надо выдавать и спецовки, и палатки, и спальные мешки, и простыни, — говорит Никон Гындышев.

— Что ты, Никон, такой сердитый! Ты вот какого осетра поймал! И все недовольный. Мы вот муксунами довольствуемся! — кивая на меня, смеется Константин Васильевич. — Второй день закидываем плавные сети в Обь, а такой рыбины еще не посчастливилось поймать.

— Что же ты так разошелся, Никон? — смеются рыбаки. — Ведь тебя слушает твой осетр.

— Ну и что же, и осетр стал теперь грамотным. Поймет, что я не зря. Рыбы тоже, наверное, собираются на совещание. Обсуждают создавшееся положение, критикуют кого-то, что-то требуют, изменяют жизнь... Все сейчас грамотными стали — и рыбы, и люди...

— Вот возьмите хотя бы заготовительные цены. Что уж говорить! — и рыбаки свободно, как бухгалтерские работники, стали оперировать цифрами, спорить.

Я слушал рыбаков родного села и удивлялся. Другими они стали. И невозможно их вопросы, сомнения оставить без ответа.

По волнующим вопросам я обратился к Николаю Дмитриевичу Кузнецову. Вот что ответил первый секретарь Березовского райкома КПСС:

— В результате постоянной помощи государства рыболовецкие колхозы Западной Сибири за последние годы увеличивают добычу рыбы, наращивают доходы, укрепляют производственно-техническую базу, повышают благосостояние колхозников.

Однако работают колхозники в очень сложной обстановке. В результате гидростроительства на Оби и Иртыше, строительства газопроводов, добычи нефти и газа сокращаются запасы ценных рыб. Многие водоемы загрязнены. Поэтому колхозы вынуждены перестраивать промысел на освоение новых водоемов, новых видов орудий лова, новой техники, заново обучать людей, нести дополнительные расходы.

Пришла пора создавать в каждом колхозе базу для текущего ремонта техники. Наряду с хозяйственной пользой это будет способствовать повышению квалификации молодых механизаторских кадров, их закреплению в колхозах. К сожалению, Министерство рыбного хозяйства плохо снабжает нас металлорежущими станками.

Я слушал руководителя района, вспоминая нашу совместную поездку по родному Северу. Слушаю его и думаю: «Правительство вводит гарантированную оплату труда колхозников на уровне тарифных ставок совхозов, издало закон о пенсиях колхозникам, повышает заготовительные цены, берет на себя расходы по укреплению экономически слабых колхозов, улучшает материально-техническое снабжение. А количество рыболовецких колхозов сокращается.

Вместо них план добычи рыбы доводится теперь организованным на их базе совхозам, государственным и кооперативным промыслово-охотничьим хозяйствам и даже подсобным хозяйствам нефтяной, газовой и лесной промышленности, а они не всегда заинтересованы в увеличении добычи рыбы, так как эта отрасль хозяйства для них нерентабельна.

А ведь раньше они не только ловили рыбу,— была звероферма, олени, коровы, и за белкой ходили. Починяли старики колхозные хомуты, старухи мяли кожу... Было чем заняться всем. То же самое и в многих других селеньях Ханты-Мансийского Севера».

Свидетельства венгерского ученого Регули особенно ценны в наше быстротекущее время. Он как бы остановил мгновение, запечатлев в письме, слове путешественника увиденное. Это уникальное свидетельство особенно важно для меня в моих размышлениях о Севере.

«...Я уже довольно знаком с мансийским языком,— писал Регули.— Понимаю язык и кое-как начинаю говорить. Родство мансийского языка с венгерским настолько ясно, что у меня нет никаких сомнений в том, что манси — народ финно-угорского происхождения. Относительно словаря — в моей работе собрано уже свыше 2600 слов; относительно грамматики — я записал довольно богатый материал о каждой части речи»...

«Волосы у них черные,— пишет Регули о манси,— глаза карие, говорят, что все манси такие. Натура у них добрая, живая... Сообразительность у них быстрая, они отвечают на мои вопросы охотно и с большой легкостью. Могу сказать, что я чувствовал себя так хорошо у

них, как нигде, в течение моего пути хорошее настроение и веселость я нашел только у них».

«Некоторые рисуют страшную картину о манси. В них видят только внешние формы, чужие и неприятные для них, но они сущность глубокую не ищут. У них понятия нет, что в людях, кажущихся дикими на внешний вид, живет натура более человеческая, меньше испорченная, чем в самих описателях».

И я подумал о венграх, о манси, о судьбах народов, о сегодняшнем дне, о будущем...

Потревожь свою древнюю думу,
Вспомни брата.
Вспомни сказочный край свой угрюмый,
Как ты жил на Урале когда-то.
Не легенда все это,
Не сказ.
Мы одною душою дышали,
Одинаковым именем нас —
Вспомни! Вспомни! — тогда —
Называли.
Но на спину коня
Ты вскочил, он умчался, крылатый.
За оленем погнавшись, ты забыл про меня...
Вспомни, вспомни далекого брата!
Захватил ты с собою материнское слово
И растаял на западе в блеске восхода,
В золотом полыханье огня.
Вспомни край свой суровый:
Мы с тобою единого рода.
Неужели ты правду забыл про меня?
Говорят, что в скитаньях
Ты нашел благодатную землю,
Где высокое небо
И солнце как яркий костер...

Регули подметил необычайную одухотворенность, песенность жителей Обского Зауралья.

«Северные манси и ханты, которые еще ведут свою простую жизнь, на которых еще мало повлияла автократия или иной нажим, еще не ввела их в заблуждение, у них способности души развиваются в естественном порядке... Хотя это развитие не довело до блестящего богатства знаний, но зато обеспечивает им гармонию и равновесие души», — писал Регули, удивляясь тому, что «каждый охотник и рыбак манси чувствует себя личностью, каждый считает обязанностью рассказать о своих чувствах в песне...».

Регули сравнивал рыбаков и охотников манси и хан-

ты с венгерскими крестьянами и приходил к грустному выводу: у венгерского крестьянина не было своей песни, он не чувствовал себя личностью, он был крепостным, подданным хозяина. У венгров стихи и песни сочиняли поэты, выходцы из высшего сословия...

Рядом со мной сидит моя тетька Акулина. Она пробует голос, пытаюсь петь песни о том, как нелегко быть женой оленевода. А ее муж, Никита Рябчиков, бывший бригадир оленеводческой бригады, поет о годах счастья, когда он каслал — кочевал с оленями от Оби до Урала. Впрочем, об этом я рассказал в своей повести «Синий ветер каслания».

Вслушиваясь в живые голоса живых героев моих книг, я пристально всматриваюсь в новых жителей таежного села Теги, которое рядом.

Светлана Сергеевна Новьюхова, о которой я уже упоминал, белолицая сероглазая мансийка. У нее есть своя песня. А песня ее — книги, песня ее — читатели. Библиотека, которой она заведует, никогда не пустует. Леонтий Михайлович Новьюхов. Худощавый, стройный, подтянутый. На светло-смуглом мансийском лице с тонкими чертами светло и молодо поют глаза. О чем поют? О колхозе, в котором Леонтий Михайлович трудится председателем. А быть председателем, настоящим хозяином — большой труд, сложное искусство.

За последние пятнадцать лет менялись председатели колхоза, как олени на большой дороге. Долго не было в Тегах доброго председателя колхоза, хорошего хозяина. Известно:

Хорошему хозяину
Нет плохих времен года.
Хорошему хозяину —
Круглый год забота —
Славная работа
До седьмого пота.

Как говорит Николай Дмитриевич Кузнецов, такой хозяин теперь в Тегах появился. Леонтий Михайлович Новьюхов занимал раньше скромную должность секретаря сельсовета. Почему не замечали? Может, потому, что слишком спокойный, рассудительный, интеллигентный? Наверное, по внешним признакам не походил на прежних шумных председателей...

Вот уже несколько лет работает Леонтий Михайлович председателем колхоза. Хозяйство в гору пошло. Рыбы стали больше добывать. Надои коров увеличились. К лошадям, как и к тракторам, стало больше внимания. И задумываться стал председатель: не завести ли снова оленей? Нет на Севере более рентабельного хозяйства, рубль положил — одиннадцать получил. Да вот оленеводов мало...

Леонтия Михайловича помню маленьким мальчиком. Его отца помню славным охотником и рыбаком, большим мастером своего дела.

Был когда-то в Тегах и такой мастер. Константин Новьюхов поет песню о Большом Мастере, рачительном хозяине, добром председателе колхоза, который небольшое хозяйство сделал большим, доходным. И получил колхоз звание «миллионер». И что я слышу: да ведь это песня моего отца, Николая Тимофеевича Шесталова. Много лет он здесь работал. Здесь он заслужил доброе имя.

Доброе имя на базаре не продается,
Доброе имя надо заработать
Добрым трудом, славной работой.
Бывает, человек оленя не стоит.
Бывает, человек песни стоит.

Константин Новьюхов на мгновение замолкает. На лицо его опускается грусть молчаливая. Потом его рука снова тянется к нарсьюху пятиструнному. И снова в сумрачном свете юрты звенят струны. И на своих звонких крыльях поднимают Песню Времени. И я словно качаюсь на бурных волнах детства, слышу голос отца, его думу и песню:

Не все хотят жить колхозом... Об этом пелось в песне.
Не все хотят честно работать... Об этом пелось в песне.
Не все легко и просто в жизни... Об этом пелось в песне.
Но есть мечта у коммунистов:
Построить новую жизнь... Об этом пелось в песне.
О новой чести и достоинстве Человека
Пелось в песне моего отца.

И вот еще что я заметил. В песне моего отца говорилось не об охоте и рыбалке, не об осетре и медведе, а была в ней дума о новом человеке, коммунисте, решившем построить для сородичей новую жизнь, колхозную жизнь.

Олень после смерти оставляет шкуру.
Человек после смерти
Оставляет
Имя и Песню.

Тридцать лет назад я впервые слышал эту песню. Тогда ее пел отец на мансийском языке. Теперь я слышу песню отца на хантыйском языке.

Хорошая песня всегда найдет певца.
То, что сделает песня, не сделает меч.
Человек человеку радуется через песню.

Эта песня уводит меня в детство, воспоминания рожают думу.

Мы с Атей шли по большой траве. Большая трава высокая, чуть не выше меня. Но Атя выше. Трава шуршит: будто что-то говорит. И Атя мой говорит. Он говорит о необыкновенной большой траве, которую я вижу впервые.

— Это колос,— сорвав одну из травинок, говорит Атя.

— Но разве это мука?! — удивляюсь я.

Колос... Так называют у нас муку. И еще так называют мясной суп, приправленный мукой. А чтобы траву, растущую на лугу, так называли, я не знал.

— Это не луг, а поле,— продолжает объяснять Атя.— Луг дикий, а поле люди пахут, чтобы вырастить на нем хлеб.

— Разве это хлеб?! — опять удивляюсь я.— Трава же это!

Я знаю, как вкусен хлеб. Особенно горячий, который только что из печки. Ноздреватый, пышущий жаром белый хлеб — сказка. Но разве эта трава — хлеб?!

— Хлеб! — сказал твердо Атя. Сказал, как отрезал. Атя не любит, чтобы ему перечили.

Хлеб мне нравится. Даже тот, который ржаной. И я, пожалуй, люблю его больше. Особенно со строганиной из свежемороженой нельмы. Перламутровые стружки строганины вкусно тают во рту с теплым ржаным хлебом. Но никак не пойму, как из этой желтой золотистоголовой травы такой вкусный хлеб может получиться.

— О, это большой и долгий труд! Много поту надо пролить, чтобы из черной земли вырастить белый вкусный хлеб! О! Вырастешь, сынок,— узнаешь.

Подул ветерок. Золотистые волны поплыли по лугу, который называется хлебным полем. Хлебное поле небольшое. Не сравнишь его с широкой Обью, с большой тайгой, даже с небольшим озером, что у нашей деревни плещется. В озере больше воды, чем в этом поле. Да ведь я помню, как отвоевывали поля у тайги. Сначала рубили лес. Под звон топоров валялись на землю сосны, ели, даже кедры. Потом вырывали из земли корни деревьев. Корни таежных деревьев разлапистые, жилистые, крючковатые. Цепко держатся за землю. Земля черная не отдавала их без труда. Долго возились колхозники с ними. Пот лил с колхозников, комары кусали... И Атя махал топором, и с Ати лил пот. Но он подбадривал других словами: «Корчевать, корчевать, корчевать! Будет хлеб! Картошка — второй хлеб! Так сказала партия!»

Картошка выросла. Я уже не раз ее пробовал. Вкусно. Особенно вкусна та картошка, которую печешь на углях, на горячей золе костра. И зимой в интернате, когда слишком холодно и голодно было, нас спасали картошка и каша. И каша, оказывается, тоже из хлеба, из колосьев. Кашу варят из крупы, крупа из колосьев, колосья растут на поле.

— Только вот, думаю, выращивать хлеб и картошку, как русские, сможем ли мы, манси? — говорит Атя, глядя на поле, которое вспахали колхозники. — Русские люди хлебопашцы-мастера. А мы мастера ловить осетра, муксуна. Перед манси сложит свои могучие лапы медведь, и хитрущий соболь снимет с себя шкуру и охотнику ее подарит. Мы таежные люди, умелые ловцы зверя и рыбы. Мы — охотники. Мы — рыбаки. Мы мастера-ловцы, мы — следопыты. Мы мастера пасти оленей. Вот это мастерство не утратить бы нам! Вот о чем я думаю, сын мой! Рыба — тоже хлеб, вкусный хлеб, нежный хлеб. Плещется рыба — играет жизнь. Хлеб колосится — жизнь играет.

А в жизни главное — труд. Так я думаю. Запомни, сын мой. Пасешь ли оленей, корчуешь ли ты лес, пасешь ли ты поле, сеешь ли, поливаешь ли, с восторгом следишь за всходами — ты во всем этом увеличиваешь свою радость труда. В эту землю ты вложил свой

труд, свое время, свои заботы, свою душу и песню. И она, эта земля, ответит зрелым колосом, большим хлебом. И если ты рыбу ловишь, зверя добываешь, оленей пасешь, богатство людей умножаешь — это не только чистая радость, но и большой труд. А рыбу ловить, зверя добывать, оленей пасти тоже не просто. Надо быть умельцем, мастером надо быть!..

Перед нами золотыми волнами волновалось поле. Колхозное поле. Хлебное поле.

— Хлеб — всему голова, — сказал отец, сорвав колос. — Но и колосья бывают пустыми, как и головы некоторых людей. Вот этот, например, как он гордо стоял, покачивая головой. А вот посмотри: он пустой. Многие люди подобны ему, — продолжал Атя, о чем-то глубоко задумавшись. — Ты сам увидишь, когда вырастешь. Иной раз люди умышленно склоняются к земле, чтобы их принимали за полные колосья, но они самые легкие. Но помни то: не твое дело судить, к какому колосу принадлежит тот или другой человек. А подумай, к полному или пустому колосу принадлежишь ты.

«Хлеб — всему голова», — говорят русские люди. «Большую рыбу ловит лишь большой человек», — говорят манси. Размышляя о хлебе и большой рыбе — подумай, какой ты человек...

Мы вышли в гать. Здесь когда-то играл огонь. А теперь здесь иван-чай заливаet все своими красно-лиловыми цветами. Высокие стебли, похожие друг на друга, стоят прямо, как солдаты. Их много-много. Красно-лиловое море плещется и плещется, утомляя глаза...

А вокруг гари, у тайги, растут березки и рябины с подлеском из жимолости и кизельника. А между ними герань, козелец, тысячелистник. И много других растений, имен которых я не знаю.

— Эту гать надо распахать под поле, — говорит папа.

— А не жалко тебе этих растений?

— Среди всех растений главные — хлеб и человек. Хлеб — всему голова. Все для человека — и поле, и лес, и солнце...

С высоты крылатой лодки

В родной округ я не приезжаю, а прилетаю на вертолете.

Мечта была у манси — сверху увидеть землю. Не было у манси крыльев — просили белого ворона. Нечестным оказался он — почернел. Веками мечтали люди научиться летать.

И мечты сбываются. Вертолеты над тайгой летают. По-мансийски их крылатой лодкой называют.

А в вертолете и вправду нет ничего волшебного. Сидишь, как в лодке. Облака — волны. Небо — море. Качнется волна — и лодка качнется и дальше по небесной сини плывет.

Хорошая лодка! Хорошо лететь!..

Час летишь, два летишь, три летишь...

Смотришь вниз, и кажется, что одна и та же панорама на сотни километров: серебряными чашечками блестят на солнце небольшие озера, окаймленные зелеными кольцами леса, мшистые болота с карликовыми сосенками, кажущиеся с высоты лысыми, и темно-зеленый ковер тайги: это возвышенности с высокоствольными лесами. И снова болота и озера, холмы и увалы...

Со мной рядом сидит Михаил Николаевич Сафиуллин, заместитель начальника главка «Тюменьнефтегаз». Этого стройного, сухощавого, стремительного человека на Тюменском Севере называют «главным буровиком». Мы знакомы с ним с 1964 года, с самого начала промышленного освоения нефтяных залежей Севера. Помню, мы однажды так же вместе летели. Глядя в иллюминатор, Сафиуллин тогда расспрашивал меня, и я рассказывал Михаилу Николаевичу о нашем округе, сообщал факты.

Площадь Ханты-Мансийского автономного округа 523,1 тысячи квадратных километров, почти равна территории Франции.

Лесами занято 44 процента площади. По запасам строевого леса округ превосходит в два с лишним раза такую лесную страну, как Финляндия.

Под болотами находится 44,3 процента, под реками

и озерами — 6,6 процента, и только 3 процента округа занимают сельскохозяйственные угодья.

Почти неуловимы очертания равнины. Высоты отдельных холмов и водоразделов не превышают 200 метров над уровнем моря. И только в западной, Приуральской полосе, увалы достигают 300 метров.

На территории округа находится часть Северного и Приполярного Урала. Он состоит из нескольких параллельных кряжей. Ширина его колеблется в пределах 50—100 километров. На Приполярном Урале расположены самые высокие горы всего Урала: Народная — 1895 метров, Карпинского — 1878 метров.

— А это что за море? — спрашивает Михаил Николаевич.

— Это Обь, — отвечаю я.

Он удивленно смотрит на меня: точно я смеюсь над ним. И снова наклоняется к иллюминатору...

Я уже кое-что знал о Сафиуллине. Окончил нефтяной институт. Прошел все «классы» — ступени профессии буровика. Два года проработал на Кубе главным консультантом по бурению месторождений далекого острова. Потом — Тюмень...

А я опять привожу факты из географии.

Обь — великая сибирская река. На тысячу двести километров протянулась она в пределах Ханты-Мансийского автономного округа. И течет спокойно, со скоростью около одного метра в секунду. В половодье разливается как море. Пойма Оби — 30—40, а порой достигает и 60 километров. Весной и летом долго бывает залита водой.

Особенно величественна картина слияния Иртыша с Обью. Там и глаза тонут в воде, и синее небо тонет в воде, и солнце, как рыба, попавшая в сеть, плещется в синей воде. Море — и только! Порой не видно даже берегов.

Наш вертолет словно не летит, а плывет по сини: на небе ни облачка.

— Удивительно, сколько солнца! — восклицает Сафиуллин. — Север и солнце. Как-то не вяжется. Внизу, наверно, холодно.

Сосед в шерстяном свитере, пиджаке. Видно приготовился к встрече с суровым Севером.

— А там купаются? — вглядываясь вниз, спрашивает он.

— Да, — киваю я.

В ледяной воде?!

...Самая северная точка Ханты-Мансийского округа лежит на $65^{\circ}30'$ северной широты (севернее Архангельска на 100 километров), южная — на 58-й параллели (на 220 километров южнее Ленинграда). Относительно жаркое лето (до 35° в июле) и сильные морозы зимой (абсолютная минимальная температура минус 59° в Березове в 1893 году), поздние весенние и ранние осенние заморозки, быстрый переход от суровой зимы к лету — таковы характерные черты климата округа.

Средняя температура самого теплого месяца июля колеблется в пределах плюс $15,5^{\circ}$ — $18,7^{\circ}$, средняя температура января — минус 20° — 23° .

Обь и Иртыш, берущие начало далеко на юге, протекая под палящим степным солнцем, несут на север много тепла и повышают температуру воздушных масс в долинах рек. Теплая вода и 35° тепла... Разве это недостаточно для купания?

А Михаил Николаевич не отрывает взгляда с земли.

— А где же олени?

— Олени на Урале. К зиме спустятся с гор. Оленеводы каслают — кочуют значит.

...Олени, мои олени! Вы, как снежинки крылатые, летите. Но самолет — крылатый олень — быстрее вас мчится. Кони, мои кони! Вы как искры крылатые летите, и вас не догнать. Но самолет — крылатый конь — быстрее вас. Интересно, сколько нужно было лун, чтобы проехать край мой с юга на север? Ведь ни мало ни много, а с юга на север он протянулся на 820 километров. Интересно, сколько нужно было солнц, чтобы проехать край мой с запада на восток? Ни мало ни много, а с седого урала до Енисея протянулся округ наш на 1300 километров. Много лун надо было. Много солнц нужно было. А сегодня за несколько часов можно долететь до Москвы, хотя от Ханты-Мансийска — центра автономного округа — до Москвы 2758 километров. И порою бываем даже недовольны такой скоростью. Хочется быстрее...

С высоты птичьего полета смотрю на родную землю. Внизу зеленая тайга, речки, озера, пойма Сосьвы и Оби. Веселой рыбкой забьется сердце: внизу старая мансийская деревня. Сюда не раз приезжал на летние каникулы. Забыть ли мне этот теплый песчаный берег, смолистый запах кедров и серебряную гладь воды?

Выйдешь, бывало, утром, налево взглянешь: вода блестит — там озеро; направо взглянешь: опять вода — там Сосьва. На узкой песчаной косе выстроились дома. И кедры стоят. А шишки на кедрах с кулак. На берегу рыбаки тянут невода — в них нежная сосьвинская селедка...

Когда-то Михаил Николаевич расспрашивал меня. Теперь роли переменялись. За прошедшее с 1964 года время многое изменилось. Сафиуллин стал лауреатом Государственной премии СССР. Но для меня он, как и прежде, главный буровик Севера. Я обращаюсь к нему с традиционными вопросами, интересуюсь самочувствием, здоровьем, трудовыми успехами моих давних друзей-буровиков, многие из которых стали Героями Социалистического Труда.

На смуглом сухощавом лице Николая Михайловича прежняя теплота, мягкость. Веет обаянием и от его серых, широко раскрытых башкирских глаз. Мне каждый раз он кажется, внешне, конечно, больше похожим на спокойного, рассудительного сельского учителя, нежели на руководителя такого сложного и большого коллектива, как буровики Западной Сибири. Но именно в нем мне видится настоящий деловой человек нашего времени — внимательный, мыслящий широко, масштабно.

Вот он рассказывает:

— Выходим на Крайний Север. Коренным образом изменяется и технология производства. Появляются новые города и вахтенные поселки. Придется пересесть на вертолеты, на авиатранспорт. За первый год был добыт всего миллион тонн нефти с газовым конденсатом. Сейчас это добывается всего за день. По скоростям проходки не раз обгоняли американских буровиков. У них — 70 тысяч метров. А наши бригады довели и до 100 тысяч метров. Да по министерству средняя проходка 11 тысяч в год. Так что показатели у нас очень высокие. Почему? Во-первых, сибирские буровики накопили богатейший опыт. Здесь самые лучшие кадры буровиков страны. Обеспечение самое лучшее. Во-вторых, организация производства. Мы стараемся брать не числом, а умением. Вопросы качества работы — на переднем плане. Мастера выбираем такого, чтобы мог хорошо работать. Нужно было нам 100 буровых мастеров. А мы довольствовались семью десятками. Каждая бригада — своего рода производственная лаборатория, где ищут и нахо-

дят новые технические, технологические, организационные решения. И хорошо, что кто-то вырывается вперед. Это лишь стимулирует высокий темп бурения, темп жизни. Здесь, на Тюменском Севере, люди у нас трудятся по максимуму. Новый стиль работы, новая формация советских деловых людей-творцов.

Николай Михайлович с увлечением рассказывает о коллективах буровых мастеров. С ними я лично не знаком. Но когда я вспоминаю и думаю о давних моих друзьях, о первых буровиках, освоивших Шаим и Самотлор, то снова и снова прихожу к выводу, что самое главное богатство Сибири — это люди. Без них сокровища Севера были бы мертвыми...

Разведаны запасы нефти и газа Тюменского Севера. Это сделано советским человеком, обретающим счастье в постоянном созидании и борьбе с суровой природой. Много вдохновенных и прекрасных песен сложено о человеке-творце, герое нашего времени. А сколько еще впереди таких песен! Ведь именно трудом этих людей — будь то на Самотлоре, БАМе или на полях и в садах Казахстана, Нечерноземья, — создается наше настоящее, наше будущее.

— Что это там летит? Лебедь, что ли? — спрашивает меня старый манси, сидящий напротив.

Я взглянул в иллюминатор и увидел обыкновенный самолет. Он летел в сини белой ночи, оставляя за собой серебряный след.

Вглядываюсь в лица других моих попутчиков. Знакомлюсь. Учительница, врач, рабочие и служащие газопромыслового управления. Люди разных национальностей. Летим на одном вертолете — будто дружной семьей плывем в одной лодке.

Внизу — море тайги. Петляют речушки и ручьи, сверкая желто-белыми песчаными косами, простираются ржаво-бурые массивы болот со множеством водоемов и негустой порослью сосенок и карликовых березок.

Весьма своеобразен ландшафт Крайнего Севера. Общая площадь той части земного шара, природные условия которой можно отнести к северным, более 17 миллионов квадратных километров, а проживает на ней 8,9 миллиона человек, в том числе в Советском Союзе соответственно на 9,3 миллиона квадратных километров — 6,5 миллиона человек.

На долю Севера приходится почти 13 процентов суши земного шара и лишь 0,4 процента населения. Но на этой территории — крупные залежи ценных ископаемых, огромные запасы гидроэнергии.

Все это приобретает особое значение в условиях заметного уже на многих освоенных территориях дефицита природных ресурсов, быстро растущей заселенности обжитых районов Земли. Без богатств, взятых из северных кладовых, особенно без северной нефти и газа, уже нельзя выполнять и планы наших пятилеток. Освоение Севера — проблема перворазрядная...

Осваивают Север обыкновенные люди, такие, как мои спутники по полету.

Вот рядом со мною сидит совсем молодой человек, Шевцов Анатолий. Восемнадцать лет. Только что окончил Тюменское техническое училище, специальность — дизелист-моторист буровых установок. В нефтеразведочной экспедиции начал он трудовую деятельность. Сейчас летит в Березовскую нефтеразведочную экспедицию.

— Там, внизу, проходит газовая река. Будем бурить новые скважины,— говорит, сияя глазами, Толя Шевцов... — С Надыма, Уренгоя течет наша газовая река...

Внизу — газопровод. Его трасса больше похожа на тракт. Чернеют трубы. Болота. Лес.

— У стального коня два длинных хвоста. Что это такое? — лукаво спрашивает меня старый манси.

— Трубовоз,— отвечаю я.

По тракту ползут трубовозы и тягачи.

Волшебная вода бежит
в железных берегах.
Железные берега лежат
в зеленых мхах.
Бежит та вода,
Горит та вода...
Скажи-ка, дружок,
что за вода в железных берегах течет?
Почему ей такой
особый почет?..
Тюменской нефтью ее называют.

— Эту нефтяную стройку вот уже который год мы помогаем возводить,— включается в разговор Владимир Александрович Зайков, командир Березовского авиапредприятия, летчик.

Владимир Александрович давно живет на Севере. Годы работы здесь — своего рода аттестат, свидетельство того, что человек выдержал испытание на стойкость. И, пожалуй, прежде всего это относится к авиаторам Тюменской области. С севера на юг она протянулась на 2 тысячи, с запада на восток — на 1300 километров. Авиация — жизненная необходимость, единственный круглогодичный транспорт Севера. Сначала только на оленях шли по тайге и тундре геологи. Потом знаменитые Ан-2, потом вертолеты. Главными первооткрывателями Севера рядом с геологами были авиаторы. Авиатор сегодня — и каюр, и геологоразведчик, и добытчик огня.

Чем дальше глубокая разведка уходит от баз, тем большая часть работы приходится на долю вертолетов. Они доставляют буровые вахты, продукты, запасные части, горючее. Вертолеты трудятся и на прокладке магистральных трубопроводов, которые теперь здесь именуют уже трансконтинентальными, подающими газ и нефть не только в центр страны, но и за рубеж. «Летающие вагоны» — Ми-6 — доставляют трубы большого диаметра на самые труднодоступные участки. Сегодня, где не пройдет олень, там вертолет пролетит.

Владимир Александрович Зайков — мой земляк — много лет уже трудится в Березове. Березово когда-то было знаменито лишь легендами о князе Меншикове, который коротал здесь последние дни. Березово стало первым днем новой, нефтяной и газовой истории Севера. Здесь осенью 1953 года заговорил первый газовый фонтан Сибири. Потом Березову выпала роль главного перевалочного пункта на подступах к новым, более богатым промыслам Надыма и Уренгоя, от которых теперь тянутся нити газопроводов, и они проходят через березовскую землю. И потому Березовский аэропорт работает круглосуточно. Авиапредприятие выполняет и перевыполняет свои ежегодно возрастающие планы.

Авиаторы тушат пожары и летают на санзадания. Работают с лесниками, охотниками, рыбаками.

Беседую с Леонидом Яковлевичем Федотовым, заместителем председателя рыболовецкого колхоза. Естественно, мы говорим на хантыйском языке. Леонид Яковлевич для меня человек государственный. Бригадир рыбодобычи. Коммунист. И сегодня размышляет о настоящем и важном на его земле.

— Самолет хорошо, а олень все же лучше! — смеется он.

— Почему? — удивляюсь я.

— Очень дорогой самолет.

Глаза у Леонида Яковлевича чуть раскосые, с лукавинкой. Голос негромкий. В нем звучит ирония.

— Хорошо, что в наше село летает крылатый олень-самолет. Время значительно экономится. Раньше, чтобы проехать шестьдесят километров от Березова до Полновата на оленях, на лошадях, на лодочке, нужно было не меньше дня, а то и сутки ехать. А теперь — пятнадцать минут, и ты — дома. Только новый «олень» очень дорогой для колхоза. Особенно вертолет!

— Почему? — удивляюсь я.

— Мы бы рыбы вылавливали гораздо больше. Теперь ловим лишь на Оби да на притоках. А ведь могли бы организовать промысел и на таежных озерах. Рыбы там ой-ой! А они не тронуты. Почему? Нет транспорта. Вездеходов. А вертолет — дорогой. Посуди, друг, погосударственному. Ми-8, например, в час обходится 650 рублей. Даже если он привезет рыбу — и то какая цена той рыбе! А ведь совсем недавно здесь трудились работяги неба — Ан-2. Зимой на лыжах приземлится где угодно, летом на озеро приводнится. И стоил сравнительно дешево — 110—120 рублей в час. И бензину он сжигал в десятки раз меньше. Сняли дешевого, доброго трудягу Ан-2 с полетов, так надо было придумать что-то в замену — такое же недорогое.

Иногда спрашивают: кто мой герой? Реальные люди или плод художественного вымысла?

Скажу так: мой герой — это люди, с которыми я жил. Дышал тем же воздухом, что и они. Лакомился вместе с ними строганиной из нельмы и сырой оленьей печени. У одних имена те же, что и в жизни. Другим дал новые.

Жизнь не укладывается в рамки стихов и поэм, которые я пел. Мне всегда хочется вмешиваться словом в дело и по силе возможности помогать своим пером изменять действительность. Я писал скромные газетные и журнальные зарисовки, статьи, очерки. Однажды, кажется, я увидел в них мозаику жизни Севера, услышал таежный ритм. Мне захотелось уловить его главные зву-

ки и передать читателям. Эту книгу я писал двадцать лет.

Как бы ни бушевали ураганы научно-технической революции, с каким бы ускорением ни добывалась нефть и ни строились города в недавно безмолвной тайге, где протянется сегодня нитка БАМа, как бы ни менялся и сам человек, вчерашний охотник — сегодняшней высококвалифицированный рабочий газопромысла или железнодорожного строительства, как бы он ни был одухотворен книгой и современным искусством, ему никогда не уйти от памяти земной, от ее песен, сказок, от векового зова тайги, лесов или полей, где его предки находили счастье.

Строим наш дом

Строители, сварщики, шоферы, летчики, вертолетчики с земли и с неба возводят трансконтинентальные трубопроводы, ловят рыбу, добывают золотой мех.

Просятся в стихи, в поэмы такие славные люди, труженики неба и земли, как Владимир Александрович Зайков, как рыбак Леонид Яковлевич Федотов, с которыми я познакомил читателя. Уверен, это те советские люди, заповедью которых является: отдай все силы стране, людям, чтобы сделать жизнь красивее, благороднее.

Мы не можем представить наше общество без таких людей. Они — стержень его. Их, этих людей, много на нашей земле. Вот несколько имен. Более миллиона метров нефтяных скважин пробурила на месторождениях Западной Сибири бригада Героя Социалистического Труда мастера А. Шакшина. Этот высокий результат достигнут в сжатые сроки — за шестнадцать лет. Шакшина, его товарища, бурового мастера Героя Социалистического Труда Петрова и других я знаю с 1964 года, когда началась промышленная добыча нефти. Именно тогда, в те первые дни тюменской нефтяной одиссеи, выявились лучшие качества буровиков Сибири: способность брать на себя повышенные нагрузки, мириться с неудобствами на новых местах.

По сообщению печати, в соревновании нефтяников за успешное выполнение решений XXVI съезда КПСС выда-

ющихся успехов добились бригады буровых мастеров А. Кузьмина, Героя Социалистического Труда В. Агафонов, Ф. Габдуллина, В. Колесникова.

Эти люди учились у наших первопроходцев и огнедытчиков. И твердо уверен: такие заповеди первопроходцев, как работать по максимуму, брать не числом, а умением, наполняются сегодня новым содержанием.

Недавно я получил одно письмо. Строитель с Севера И. Тихонов пишет:

«Приветствую Вас, дорогой поэт!

Так уж получилось, что впервые в жизни мне посчастливилось побывать в Сибири тогда, когда годы мои уже покатались под гору. Но, как говорили старые россияне, лучше поздно, чем никогда...

Родиной своей считаю Вологду. Хотя я и там жил только наездами. Все время основное было отдано различным новостройкам, включая и восстановление Ташкента, на котором довелось поработать попеременно в одиннадцати бригадах за год и восемь месяцев.

Сейчас наше СМУ-5, вкуче с десятком других строительных организаций и управлений, строит в окрестностях станции Пятань, а еще точнее сказать, подготавливает плацдарм для строительства будущих предприятий. Бригада, которую я возглавляю, на днях завершила строительство овощехранилища, поставила стропила из леса, собственноручно заготовленного нами и притащенного с делянки на собственных плечах. В эти дни ни одна машина не могла пройти по разбульканным и расхристанным под непрерывными дождями дорогам. Теперь мы более или менее спокойно ведем к концу сооружение теплого склада. А работы впереди — море и еще целый Северный Ледовитый океан!

Занимаем всей бригадой (двое, правда, на днях закорились в поселке, ездят вечером под теплый бочок) один вагончик. Тут и сушимся, и греемся, тут и спим, тут и едим, тут и бреемся. Удобно — до стройплощадки плевков долететь может, когда опять необходимые материалы не привезли с утра.

А стихи, они ни в чем не виноваты. Они в любой обстановке просятся на бумагу. Да еще мало им этого, им еще знающего, настоящего солдата поэзии в слушатели подавай! Чтобы уж как он отрубил: «Не то!», так и не прыгали больше, сидели бы в блокноте и не попискивали.

И еще одно, в котором, как зубы у ребенка, прорезывается тема: комбинат, город — хорошо! А куда теперь деваться «боярам-глухарям», лопасторогим, серебрянобоким?

За рыбной речкой Нягань
поселок вырос Нях.
Бродила топь, как брага,
в брусничных топких мхах.
Под полог хвойной мари
укрылись до зари
пудовые бояре —
красавцы глухари.
И видишь метров за сто,
как прут к ключам, в лога,
размашисто, лопастро
лосиные рога.
На станции известной
стрела с недавних пор,
заводят свой железный
вагоны разговор.
Мы знаем все, что скоро
за Нягань и за Обь
большой нефтяный город
спихнет и марь и топь.
Расправит город плечи,
а птиц и обезьян
нам будет каждый вечер
показывать экран.

Поразила здешняя осень. Отлили свое надоедные, затяжные дожди, и установилось такое яркое и пламенно отчеканенное бабье лето, что, кажется, само небо рот разинуло — ни облачка пятый день. Хорошо Ханты-Мансийское Приобье! Написалось такое:

Силен муксун! До пуда весом
любимый выгулень Оби,
то стрежень режет ярким бесом,
то, как топляк, лежит в глуби.
А на сорах, по-над затиной,
в протоках тихих, как печаль,
сентябрь, поклонник тем старинных,
последней стаей лебединой
свою венчает пастораль.
Поводит в чаще ухом чутким
и стонет лось — начался гон.
Вот-вот с жировок сонных утки
сорвутся лебедям вдогон.
Гляжу на все — не наглядеться,
дышу в тайге — не надышусь.
Мой золотой подарок детства —
Бескрайне Северная Русь.

Любопытное дело! Я столько слышал о Приобье от своих однополчан (служил вместе с ними), что представляется, будто прибыл сюда в места, которые я давным-давно хорошо знаю».

Я думаю о личности северянина. Сегодняшнего северянина, моего современника. Север любит людей сильных духом, мастеров в истинном смысле слова. Первопроходцы — это не просто романтическое слово. За ним — тяжелейший труд. Прокладывать путь для других, строить города, добывать огонь земли в необжитом бездорожном крае непросто. Высокую заработную плату здесь действительно надо заработать. Не романтики — работники нужны Северу. Мастера, строители нужны Северу. Не безоглядные транжиры, а люди, умножающие богатства, нужны Северу. Кто умеет любить и ценить нетронутую природу, тот сегодня нужен Северу!

Не раз и не два приходилось видеть и тех, кто приходил сюда «за туманом и за запахом тайги». Они не задерживаются долго на Севере. Но они есть. Они, как самые зловредные туристы, не только оставляющие за собою в священных лесах ржавые банки, не только мутящие чистые реки, но и прививающие северянам, детям природы, более губительную ржавчину — ржавчину души.

Об этом беседую с Николаем Павловичем Барышниковым, заведующим отделом пропаганды и агитации Ханты-Мансийского окружкома партии. Он человек еще совсем молодой. Но я рад, что он все это понимает. На нашем Севере помимо хорошего немало теневого. Например, в последнее время недостаточно внимания уделялось вопросам культуры.

— Добыть огонь земли нелегко. Особенно трудно высекать его на Севере, — говорит он. — В свое время москвичи, ленинградцы, киевляне проявили инициативу помочь тюменцам в ускоренном сооружении городов, дорог, объектов культуры... Хорошо бы всенародному шефству дать новый импульс! Очень важно для нас, чтобы вовремя выполнялись заказы тюменцев и с высоким качеством...

Бывший учитель школы в национальном поселке, комсомольский работник, секретарь райкома партии Николай Павлович Барышников сердцем, словом, делом откликается на происходящее, чтобы открыть широкую дорогу трудовой инициативе, творческим поискам. В ней — твердое рабочее «нет!» потерям времени и простоям, не-

ритмичности и сбоям, низкой трудовой дисциплине, бесхозяйственности, безответственности, разгильдяйству!

Я думал о деловом человеке, о человеке, связанном всеми корнями с нашей кипучей жизнью, и как бы заново открывал землю, на которой родился и рос. Она для меня не только моя колыбель, не только очаг предков, но и что-то неизмеримо большее.

Самотлор, Уренгой, Ямбург... Здесь теперь решаются судьбы новой пятилетки. Прочными нитями дружбы связаны северные районы с городом Ленина. Сколько ленинградцев трудятся на важнейших стройках Западной Сибири и Севера! Сколько делается для этих промышленных и строительных объектов в городе на Неве!

На Тюменском Севере — на земле моих предков — работают газоперекачивающие агрегаты, компрессоры с маркой ленинградского производственного объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина. При активном содействии ленинградцев возводится Новый Уренгой. Строители города получили новое комфортабельное жилье, которое было спроектировано и создано в Ленинграде.

Беседую с Аркадием Шазновичем Тавьяном, архитектором. Тема нашей беседы — молодые города Тюменского Севера — Уренгой, Надым, Сургут. Как их застраивать, в каких квартирах будут жить добытчики «голубого топлива» и «черного золота»...

— Более пятнадцати лет прошло с начала возведения первых городов на севере Тюменской области, в Приобье. Накоплен некоторый опыт, он позволит не повторять ошибки первых лет, — говорит Аркадий Шазнович. — Наша задача: более точно учитывать в архитектуре новых городов специфические природно-климатические условия суровых земель Полярного круга. Надо создать человеку условия, при которых воздействие неблагоприятных факторов окружающей среды было бы минимальным.

Проекты застройки городов Тюменского Севера существенно изменились. Перенесен на новое место их общественный центр: если раньше, как в большинстве городов европейской части страны, он располагался вдоль главной улицы, то теперь это закрытый зданиями со всех сторон, плотно застроенный район, где примыкают друг к другу магазины и кинотеатры, клубы и спортивные залы, другие общественные объекты. Здания сложной кон-

фигурации расположены так, чтобы служить защитными экранами при господствующих ветрах. Проект одной из квартир крупнопанельного дома такой. Чтобы войти в подъезд, нужно открывать последовательно четыре двери — тройной тамбур обеспечивает надежную теплоизоляцию. С лестничной площадки попадаем не сразу домой, а в общую прихожую для двух квартир, где можем снять намокшую одежду и повесить в сушильный шкаф, переобуться. Дальше — своя прихожая. Она просторнее обычных, так же как и все другие подсобные помещения: площадь квартир по сравнению с нормами увеличена на десять процентов, выше стали потолки.

В квартирах северян появились балконы. До сих пор это считалось нерациональным — из-за постоянных снеговых заносов пользоваться ими можно примерно два месяца в году. Но проектировщики предусмотрели остекление — и жилье стало комфортабельнее. Для поддержания в новых зданиях нормальной температуры даже при пятидесятиградусных морозах расходуется столько же топлива, сколько и в обычных домах в европейской части страны. Это достигнуто благодаря применению трехслойных стеновых панелей, тройному остеклению окон, наличию теплого чердака: сюда, а не прямо в атмосферу поступает отработанный воздух из вентиляции.

Какими будут эти города на самом деле? Смогут строители претворить в жизнь добрые планы, проекты? Все зависит от нас, от людей, от отношения к делу.

И с особым чувством уверенности в добрые начала человек встречается с друзьями, людьми, творящими своими руками наше будущее. Мне хочется поговорить с ними о главном — о жизни, о мире, о земле.

Где у человека Родина? Говорят, на той земле, где родился, где сделал первый шаг, выпил первый глоток воды. Где у человека Родина? Говорят, на той земле, где получил человек свое имя. Об этом говорили с Евдокией Андреевной Шульгиной. Она жадно расспрашивала меня о Ленинграде, об Институте имени Герцена, о наших ученых-североведах. В ее вопросах было так много тепла и грусти, словно она родилась в Ленинграде, а не в маленькой хантыйской деревушке Полноват.

Как и у других из ее поколения, у Евдокии Андреевны было трудное военное детство. В числе первых встал на

защиту Родины председатель сельского Совета Андрей Васильевич Немысов, отец Дуси. После тяжелого ранения отец умер. Заботы о детях полностью легли на плечи матери. Дуся помогала ей на рыбном промысле, научилась ставить сети, править лодкой. Советская власть дала Дусе возможность окончить школу, поступить в педучилище. Особенно памятен ей выпускной вечер в Ханты-Мансийском национальном педучилище, когда она за успехи в учебе вместе с дипломом учителя начальной школы получила подарок — возможность учиться в Ленинграде.

— Цветы. Музыка. Один за другим мы выходили на сцену для вручения дипломов, — вспоминала Евдокия Андреевна. — «Вручается диплом и ценный подарок Немысовой Евдокии Андреевне. Она рекомендована педагогическим коллективом в ленинградский институт». Когда до моего слуха донеслись слова директора, сердце в то мгновение взлетело птицей. Хотела сказать слова благодарности и признательности, но слезы счастья душили...

После окончания института и аспирантуры при кафедре языков народностей Севера Евдокия Андреевна преподавала в школах родного округа, в педагогическом училище. Давно уже работает она над словарем хантыйского языка. Его записано более пяти тысяч слов.

А когда в округе создали институт усовершенствования учителей и потребовались опытные педагоги и методисты, пригласили и Евдокию Андреевну.

В Ханты-Мансийском автономном округе я встретился с другими питомцами Ленинграда. Ханты Георгий Лазарев работает инспектором окружного отдела народного образования. Эвен Владимир Хромов директором школы. Манси Леонид Костин — учитель...

Лет двадцать назад недалеко от деревни моего детства появился городок ленинградцев. Этот городок был необычным. Он состоял из вагончиков, снабженных газом, водой. Настоящие квартиры обитателей городка находились в Ленинграде. Там же было управление. А здесь, в тайге, — место их работы, творчества, вдохновения.

Перелистываю страницы записной книжки, где запечатлена моя беседа с Федором Васильевичем Тихим, начальником участка строительства газопровода, и словно слышу его голос:

— Трасса, конечно, нелегкая... Тут книжная романти-

ка меркнет! Здесь работают только сильные духом. Комары, бездорожье, болота... Но не так уж холоден Север, как расписывают некоторые. Север — это же кладовая тепла, энергии. Это тепло, энергию мы хотим сделать достоянием людей. Вот и строим газопроводы. Сварщики наши варят здорово! Спокойно, уверенно, красиво. Посмотрите, как работают Юрий Юданас, Николай Зайцев, Толя Калашников, Олег Овсеевич. Мастера!..

Федор Васильевич замолчал, посмотрел на меня, а потом обронил как бы между прочим:

— Жена моя Валентина и дочки Наташа и Нина едут ко мне.

Был этот разговор около двадцати лет назад. И вот я поднимаю телефонную трубку и по справочнику пытаюсь найти организацию, в которой могли эти люди работать. Мне дают номер.

Звоню. Отвечает секретарь начальника Лидия Васильевна Вартьянова. Услышав мое имя, обрадовалась. Она из деревни моего детства. Работала на почте. Потом районная комсомольская организация направила ее вместе с другими комсомольцами на трассу. Там встретилась со слесарем-монтажником Владимиром Ивановичем Вартьяновым. Вышла замуж. И все годы, пока ленинградцы строили на Севере газопроводы, разделяла вместе со всеми нелегкую жизнь на трассе. Теперь она стала ленинградкой. Муж строит газопроводы в Ленинградской области. Огнедобытчики и теплотворцы не могут усидеть на одном месте.

К телефону подходит Татьяна Стефановна Иванова, инженер. В шестидесятых годах она тоже строила самый северный тогда газопровод. Беседуем, как старые знакомые:

— Ребята по-прежнему на трассе. В разных местах, конечно. И Юрий Юданас и Толя Калашников... Работают... А Федор Васильевич Тихий за рубежом строит газопроводы.

Ленинградец... Он, по сути своей, первопроходец, творец, искатель. Он созидает не только в своем родном городе, свет его деяний освещает и дальние уголки нашей Родины, всей земли.

Большие дела творятся сегодня на Тюменском Севере. Над ним гирляндами огней сияют буровые вышки. Вдоль и поперек рассекли тайгу высоковольтные линии электропередачи, дороги, нефтепроводы, газопроводы.

В числе первопроходцев, разбудивших страну моих предков, немало ленинградцев. Еще в тридцатых годах группа ученых и специалистов высказывала предположения о нефтеносности Западной Сибири. Среди тех, кому принадлежит честь открытия тюменских месторождений, известные ленинградские геологи лауреаты Ленинской премии: член-корреспондент АН СССР В. Д. Наливкин и доктор геолого-минералогических наук Н. Н. Ростовцев.

Недавно у меня в гостях побывал геолог Рафхат Шакирьянович Мамлеев. Он один из тех, кто сегодня осваивает тюменские нефть и газ. Работая непосредственно на промыслах, он написал докторскую диссертацию.

— Ленинград для нас, сибиряков,— сказал он,— и храм новой научной мысли, и мастерская, и верный друг... Случилась у нас на Сургутской ГРЭС авария. Кто помог? Ленинград. Я приехал на «Электросилу». Электросиловцы, понимая важность нашей стройки, отгрузили в первую очередь все, что нужно было.

Не первый год знаю Владимира Васильевича Козловского. Токарь-карусельщик объединения «Невский завод», кавалер ордена Ленина, простой рабочий человек. В разное время из его уст я слышал о машинах с загадочными именами ГТН-10, ГТН-20, ГТН-25. ГТН — это газовая турбина, агрегат, предназначенный для перекачки газа по трассе газопровода. Машина эта большая, размером две-три квартиры. В ней есть и труд Владимира Васильевича Козловского. Многие детали для этой турбины, получившие Знак качества, сотворены руками, мастерством Козловского. У него свое клеймо.

— Теперь мы трудимся над еще более мощной машиной,— говорит Владимир Васильевич. — Работать на такой машине — красотища! Чем определяется труд человека? Я думаю так: чем сложнее машина, тем интереснее работать! А по сложности и точности детали этой газовой турбины, как у мотора самолета. Кроме того, она будет экономичнее прежней.

Козловский с женой недавно был в Польше, гостил у родственников. По происхождению он поляк, по душе — русский, по работе — ветеран Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина. Уже более тридцати лет трудится здесь токарем-карусельщиком.

В селе Ванзетуре, где живут мои братья и сестры, выросла новая школа. Красивая надпись у парадного входа гласит, что эту школу национальному поселку Ванзетуру подарили в честь 50-летия Ханты-Мансийского автономного округа шефы — трест «Приобьтрубопроводстрой».

Оставленные нетронутыми березки вокруг школы, современные интерьеры, элегантные, нарядных красок светильники — в коридорах и классах...

Заместитель управляющего трестом Виталий Яковлевич Салтыков, ленинградец по рождению, сибиряк по работе, говорит:

— Закончим строительство котельной, приступим к строительству теплицы, чтобы у детей были свои зелень, овощи... Затем построим дом для учителей.

В Надыме, в одном из центров газодобытчиков, встретил я Аркадия Ивановича Литвинова.

— Мать моя живет в Ленинграде на улице Некрасова, — отвечая на мой удивленный вопрос (я всегда считал его коренным северянином), говорит он, — а я вот уже три десятка лет на Севере, как дома. Прирос я здесь...

Первооткрыватель... Так говорят о Литвинове, судьба которого тесно связана с открытием месторождений газа на Севере. Литвинов начал рядовым рабочим в геологической партии, а теперь он руководит, как он сказал, речным флотом газовиков. Начальник управления. Управление перевели в Надым из Тюмени, ближе к месту работы. Вот и он снова из Тюмени переехал на Север.

Второго июня в Надыме было по-зимнему студено. Из Ленинграда я прилетел в легкой летней куртке. Хотя стояла белая ночь — было зябко, как зимой. Я буквально замерзал в этом новом каменном городе, выросшем у Полярного круга в последние годы.

Согрела меня случайная встреча.

— А, земляк! — вскрикнул Виктор Ансифорович, увидев меня.

Виктор Ансифорович Коркин. В Надыме он недавно. Работает заместителем начальника по строительству Надымгазпрома. Приехал сюда из Игрима, одного из пер-

взых центров газодобычи Севера. Впрочем, в Надыме и Уренгое теперь все игримские газовики.

— Газ уходит на Север. За ним мы, газовики,— говорил он, отвечая на мой вопрос, почему он оставил такой теперь обжитой, обустроенный Игрим.

Эта случайная встреча разбудила воспоминания.

Юхрим... Твое старое мансийское имя, Игрим. Почему ты сменил свое имя?

Юхрим... Где старая мансийская деревня?

На узкой полоске земли сидели дома, стаяй черных глухарей чернели они на песчаном берегу Сосьвы.

Тюр-тюр-тюр... — журчала вода. Почти у дверей плескались шипучие волны.

О, как пахло травами, мокрыми сетями, рыбой!.. Какой запах у тебя теперь? Ой, какой большой стал Юхрим!

Экспедиция пришла, железные деревья — буровые вышки — посадила, машины привела, землю сверлить стала... — так говорили манси.

В Игриме запахло железом. Не ржавым железом, а сияющим железом запахло в Игриме.

Разгружаются баржи, звенят топоры, рычат бульдозеры, урчат тракторы, лают машины, скользя по песчаным улицам, и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскаленным. Все движется, кружится, вьется... Жарко!

Игрим скоро стал рабочим поселком, раскинувшимся на правом берегу Сосьвы, в ста двадцати километрах выше Березова. В 1959 году здесь геологи открыли газ. Тогда и началась новая история Игрима.

С открытием Игримского месторождения разведанные запасы газа всего Тюменского Севера увеличились. Это сыграло несомненно положительную роль. Ведь тогда не все еще верили, что на Севере есть нефть и газ.

В 1964 году началось промышленное освоение Игримского месторождения. Пришли буровики-промысловики, строители, газовики. На полном ходу было уже строительство газопровода Игрим — Серов.

В палатках и вагончиках жили первые газовики. Ругали надоедливых комаров и мошек, песок, поднимаемый колесами машин. Удивлялись жаркому июльскому

солнцу, теплой сосьвинской воде, в которой можно было даже купаться после работы. Наслаждались душистой ухой. В Сосьве рыбы много! Но у людей было не дорожное настроение, хотя они жили в «городке на колесах» — в зеленых вагончиках, которые поставили среди зеленых сосенок на окраине Игрима.

В моей записной книжке имена первых промысловиков: Николай Бурбасов — оператор газопромысла, приехал из Казахстана, Николай Танцеров — тоже оператор, волгоградец, Алаберды Ишанкулиев — дизелист, посланец солнечной Туркмении, первый начальник Игримского газопромысла Владимир Немце-Петровский из Краснодарского края. Со всех концов страны приехали люди осваивать богатства Севера.

По завершеному в 1966 году газопроводу Игрим — Серов северный газ уже начал поступать к промышленному Уралу.

Урал стал ежегодно получать десятки миллиардов кубометров природного газа. Если представить, что десять миллиардов кубометров газа заменяют сто пятьдесят миллионов тонн угля и за счет этого можно получить двести двадцать пять тысяч тонн дополнительной продукции, то станет ясно, какое значение имеет для Урала северный газ. А Урал производит машины. Они на Севере тоже очень нужны!

Виктора Ансифоровича встречал я и в Светлом. Недалеко от Игрима, в глухой тайге, вырос этот новый городок с поэтическим названием. Как и многие стройки Севера, его строил комсомол для рабочих и служащих, которые трудятся на газопромысле. Теперь там компрессорная станция, качающая газ Заполярья. А называлось это место Пунгой. Помню... Летом — комары. И единственное средство связи — вертолет. Здесь вечно чего-то не хватало.

Весной — половодье. Цветущая черемуха в воде. И сосны в воде. И белые ночи, кажется, плывут по воде.

Зимой — белые деревья, и буровые вышки белые, и дома от мороза белые. А звезды большие, яркие. Вода, комары, бездорожье, мороз... А люди едут в Пунгу. Романтики? И так может быть. Но главное в другом!

С открытием Пунгинского месторождения, которое оказалось крупнее Игримского, к Пунге потянулись изыскатели будущей трассы газопровода. Они шли по тайге,

болотам, через таежные речки. Пятьсот километров трудного пути от самого северного уральского города Ивделя до Пунги, не встречая ни одного человека.

Пунга была путеводной звездой и для тех, кто рубил первую просеку, прокладывал первую лежневку, провел первую машину. А те, кто вырыл первую траншею, уложил первую трубу, разве они забудут ее?

Пунга останется вечной звездой для тех, кто построил первый газопровод, пройдя сто пятьдесят километров болот, девяносто километров скальных пород, преодолев двести двадцать таежных речек, остальные из пятисот двадцати пяти километров — дикая тайга. Памятна Пунга строителям. Им пришлось ощутить всю трудность и все то большое счастье, которое выпадает на долю первопроходцев. Никто в мире еще на болоте и вечной мерзлоте не строил газопровод. А советские люди построили. И газ по трубе идет!

Что я знал о Пунге?

Знал имена первых буровиков, строителей. Я их записал в свою записную книжку тогда, когда в Пунге еще жили в землянках и палатках, рубили первые срубы, строили первые дома, бурили первые скважины.

Геннадий Свечков, Анатолий Решетников... Строители... Помню, в срубе первого дома, который они клали, было всего еще несколько бревен. Когда я подошел, они присели отдохнуть, и я услышал оживленную беседу на тему «Кто как поступал в институт и почему не попал».

С думой об учебе жили они в глухой тайге и возводили новую стройку.

Запомнились имена первых буровиков: Строгальщиков Леонид, Назаргалиев Мухтар, Петров Николай...

Славился наш край сосвинской селедкой и муксуном, «мягким золотом» из собольего и беличьего меха, диким лесом, где медведь бродит да олень пасется. А теперь он раскрыл свое новое богатство — голубой огонь, «голубое золото», которое уже служит людям. А добывают его обыкновенные люди. О них с большой теплотой рассказывает Василь Абударович Фатихов — секретарь парткома «Игримгаза».

Он тоже вырос здесь, в новом Игриме.

В сентябре 1966 года при пуске газопромысла в промышленную эксплуатацию он работал оператором, был рабочим человеком и секретарем цеховой партийной

организации. Через год — старший инженер-диспетчер. Потом избрали секретарем парткома. А коллектив немалый — более тысячи человек!

— Плохие на Севере долго не задерживаются! — говорит Фатихов. — Хорошие люди у нас. Возьмите хотя бы Константина Ивановича Бабаева! Оператор по добыче газа. Работает с самого начала промысла, то есть с 1964 года. Безупречный человек! Не чурается любой работы. Хорошим организатором зарекомендовал себя и коммунист Бабаков Иван Иванович.

Не остаются в стороне и народы Севера. Молодые северяне присматриваются к удивительным машинам, стараются их освоить и понять. Многие уже работают. Фатихов называет имена:

— Посохов Виталий — слесарь-ремонтник, Пакин Василий — электромонтер, Новьюхова Елизавета — оператор, Анатолий Саратин и Дмитрий Нетти — машинисты дизельных электростанций.

Промысел растет — и молодые северяне растут. Молодые ханты и манси не только овладевают техникой, но и продолжают учебу. Комсомолка Гындыбина Мария, оператор газопромысла, окончила десятый класс вечерней школы.

Замечательные люди там жили! И трудились на Пунге, как нигде, — тайга! И любили на Пунге, только, может быть, сильнее — тайга! Знакомые на Пунге становились друзьями — тайга!

А потом рядом с Пунгой вырос Светлый. И Игрим стал другим.

В любое время года он стал принимать большие самолеты. А от здания аэропорта побежала железобетонная дорожка до самого нового Игрима, где выросли дома добытчиков газа. Кинотеатр, школа, комбинат бытового обслуживания, аптека, столовая выросли быстро, как в сказке. Помню, совсем недавно это было лишь на словах, столько разговоров было! Теперь газ Севера заработал. Рядом с молодым сосняком выросли двухэтажные жилые дома. Заурчали машины. В железобетон одевался Игрим. Шиферным орнаментом окаймлялся Игрим, крылатыми лодками окрылился Игрим, горючим газом славился Игрим.

Многие годы строил Игрим Виктор Ансифорович Коркин.

Я не раз бывал в поселке Светлом, построенном на

берегу таежного озера. По проекту рощу из вековых кедров и сосен должны были снести. Но комсомольцы отстояли деревья, не дали строителям их вырубить. И теперь поселок газовиков на севере Ханты-Мансийского округа, утопающий в неброской северной зелени, стал своеобразным эталоном умного строительства.

— И теперь мы стараемся использовать опыт первостроителей Светлого, чтобы вековым кедром, карликовым лиственницам стоять между домами, как полновластным хозяевам нового поселка. А как же иначе! Культурный очаг новой, индустриальной жизни Севера,— говорил Виктор Ансифорович, чеканя каждую фразу, артистически взмахивая руками.

Не однажды встречался я с Виктором Ансифоровичем. Он и теперь, как и прежде, разговорчив, чуть артистичен в движениях. О строителях у меня сложилось другое впечатление.

Впрочем, все наши представления о людях в какой-то мере односторонни. И хотя профессия наверняка накладывает какой-то отпечаток, все же главное в человеке определяется его характером, темпераментом, пристрастиями. Человек может быть артистом в любом деле,— к такому выводу я пришел потом, проведя с этим человеком не один час в беседах, дискуссиях, в дружеском застолье, в семейном кругу.

Что согрело меня? А простое слово «земляк!». Его так произнес Виктор Ансифорович, что стало мне тепло.

Коркин родился на берегу Обской губы. В этом смысле он мне действительно истинный земляк. Но мало родиться на земле, чтобы получить доброе имя. Надо это имя подтвердить. Делом, словом, песней, всей своей трудовой жизнью.

В краю моих предков выросли новые поселки, города, дороги, стальными ожерельями протянулись трассы газопроводов. Это работа не только тех, кто сегодня, непосредственно участвует в строительстве. В это вложен труд многих людей. И даже тех, которых уже нет среди нас, то есть первопроходцев этих мест, геологов, изыскателей первых послереволюционных лет, которые с неисчислимыми трудностями на вьючных лошадях, на оленях и пешком шаг за шагом обходили эти места, составляя карты. Так что наши сегодняшние успехи подготовлены работой многих поколений, которые отдали свою жизнь и труд пробуждению этой земли.

Виктор Ансифорович видел это своими глазами. Ведь он, рожденный обской водой человек, северянин по душе, строит, работает, смотрит на происходящее шире, глубже тех, кто пришел сюда «за запахом тайги...».

Мы порою говорим: как бы не утратить в этом газовом буме, шуме свое, северное...

— Народ везде, конечно, хороший,— говорит Коркин скороговоркой.— Но общение с северными народностями— это как прикосновение к первозданной, нетронутой природе.

У нас на Севере сердца открыты, как двери домов. Двери домов не знают замков. Слова «замок» у нас раньше не было. Наш дом на берегу Обской губы закрывался только небольшим поленом, чтобы не залезали собаки. Притом не взрослые собаки, а щенки. Потому что здесь даже собаки очень дисциплинированные. Ничего без спроса не тронут. Замков на всем Севере нет. Это общее свойство северных народов.

Геологов, строителей на Севере встречают с открытым сердцем, с открытой душой. Что греха таить, приезжие бывают разные. Но что я заметил? Среди такого населения и приезжие люди часто меняются. Человек так устроен, что один перенимает что-то от другого.

Необходимо приезжим строить свои отношения разумно, человечно, как положено советским людям, учитывая особые местные условия.

— Прикоснувшись к природе, в новых местах, может быть, многие обретут вновь дремлющее чувство первозданности,— продолжает Коркин.— Не убила бы окончательно это чувство наша летящая, стремительная цивилизация. Вот что я думаю в минуты самоуглубления и спокойствия.

Ну, что конкретно? Лет пятнадцать жил я среди манси. Манси, жители уральской реки Сосьвы, люди безотказные. Когда, например, нужно съездить, чтобы привезти людей, оборудование— попросишь их, никто не откажется. Ни лодок, ни моторов никто не пожалеет. Нет разговоров об оплате. Это все происходит потом. Люди сами не забывают, что местные жители потратили труд и время. Они без лишних слов всегда помогали приезжим. Всегда! Недостатки?.. Конечно же, они есть...

Растет новое поколение северян. Светлые, умные ребята. Был я свидетелем одной трогательной сцены,—

рассказывает Виктор Ансифорович.— Четверо мальчишек летели в Ханты-Мансийск учиться в ПТУ на трактористов. Перед отлетом они, чистенькие, одетые во все новенькое, были такие радостные оттого, что уезжают в город. Но никогда не забуду их лиц, когда вертолет сделал круг над их родной деревней.

Они смотрели вниз. Это было что-то незабываемое. Потому что родина остается родиной. Будь там две избышки на курьих ножках, будь три... У одного дергались губы, у второго вот-вот сорвутся слезы... Они так внимательно, пристально смотрели вниз на остающуюся там деревню, что не передать словами. Они почувствовали, что, с одной стороны, хорошо, что уходят в большой мир, а с другой стороны — здесь остается кровное, близкое, дорогое, ничем не заменимое.

Это не только место моей работы,— заключает Коркин,— но и тот уголок земли, где как-то особенно остро я почувствовал себя как человек, как строитель.

И я увидел сказку. На белом берегу три черных дыма. Дымки стоят хореями, не шелохнутся. Морозно, но ветра нет. Три чума стоят, белые, как снег.

Как море снег. Сугробов гребни
лежат загадками вдали.
А чум — как бы старик волшебник
в оленьей шкуре до земли.

Снег большой. До неба уходит снег. В небе белые облака. На снегу — олени. Оленей много. Рога их как лес. Колышутся. А леса нет. Тундра. Большая ровная земля. Земля уходит в небо. Небо сливается с землей.

— Как в космосе! — вздыхает Вячеслав Дмитриевич.

Вячеслав Дмитриевич Зудов — космонавт. Мы с ним прилетели на самолете. Он впервые видит оленей. Смотрит. Молчит. Вижу, глаза его удивляются. И остроконечному чуму, похожему на космический корабль, и собакам-лайкам, которые вьются у ног, радуясь встрече, и людям в малицах из оленьего меха... Люди крепко жмут руку космонавту. Молча, горящим взглядом приглашают гостей в чум. В тундре только глаза говорят, руки говорят, ноги говорят... А язык молчит. Молвят слово лишь в миг большой надобности.

Истинный северянин помнит полярную притчу:

Пока не спрашивают — молчи.
Засвистел рябчик — выдал себя.
Язык — твое оружие
И начало твоих бед.
Рана от ножа заживет,
А от слова — нет.
Кого не слушают —
Тому лучше молчать...

С огромным трудом удастся мне узнать, что первым встретил нас Алексей Иванович Терентьев. Он бригадир третьего стада Салехардского совхоза.

Рядом были его сыновья Василий и Прокопий. Сыновьям недавно перевалило за двадцать лет. Но они уже давно оленеводы, с пеленок, можно сказать. Старший сын Прокопий отслужил в армии. После службы вернулся в тундру. Женился. Жена зоотехник. Окончила Ямало-Ненецкий зооветеринарный техникум. Работает тут же в бригаде вместе с ним. В самом светлом углу, устланном шкурами с причудливыми узорами, раздаётся детский плач.

— Это наш сын, — с еле скрываемой гордостью сказала молодая, устремившаяся к колыбели, как птица к гнезду.

— Кем он будет? — спросил я полушутя. — Может, космонавтом?

— Может, и космонавтом! — с улыбкой сказала довольная мама. — А лучше оленеводом!

В углу стоял маленький транзисторный приемник, магнитофончик, небольшой телевизор.

— А не скучаете ли вы по городу? Ведь вы там учились... Привыкли...

— А мы привыкли к тундре. С детства. Здесь нам лучше...

Кому как, а мне этот ответ показался естественным. И этот мальчик тоже может быть оленеводом, как и шестилетний розовощекий малыш, одетый в пушистую малицу, который вместе со взрослыми принимал участие в ловле оленей.

Ему помогала собака. Я долго смотрел на него, вспоминая свои детские годы. Разбрелись олени по сторонам, маленький пастушок прибег к помощи друга — собаки-лайки. Стоило ему поднять руку и дать направление, как собака вихрем понеслась к голове стада загнала оленей в загон. Я знаю по опыту, что такие мальчики умеют обращаться с оленями, запрягают их.

распрягают... Из такого мальчика, конечно же, легче всего получится оленевод.

А нашему Северу и оленевод нужен. Ой как нужен!

— У нас здесь свой космос,— сказал Анатолий Озялов, молодой ханты, работающий здесь же в Ямальской тундре. Он тоже оленевод. Но новый оленевод. Ученый-олeneвод. Зоотехник.

В Сочи, на курорте, мне довелось встретить его дядю, Озялова Степана Петровича. Озялов-старший тоже оленевод. Бригадир оленеводческой бригады совхоза «Мужевский». Он на меня произвел другое впечатление, привычное впечатление. Еле уговорил остаться на курорте до окончания срока путевки. Соскучился, говорит, по оленям, по строганине из нежной оленьей печени.

На нашем низеньком столе дымились нежные оленьи языки, краснела оленья печень, светились перламутром стружки строганины из нельмы...

— Да, после космоса тундра, просторы Заполярья, которые мы увидели в нашем полете по Полярному кругу,— самое яркое мое впечатление,— с задумчивостью сказал Вячеслав Зудов.— Есть в тундре что-то космическое...

Земли и неба звездный праздник
искрится шубою бобра.
Звезда Полярная не гаснет —
сиять ей в небе до утра!
Но свет небесный греть не может —
вернусь я в круг друзей своих,
где правда ценится дороже
всего — дороже оленях!
Олень в упряжке познается,
а человек — в пути, в пургу...
Как учащенно сердце бьется:
я — у себя, я — на снегу!

Слово рабочего человека

Цех электростанции, в котором Саратин работает, это огромное сооружение. Это гигантский станок, закрытый, как кабина космического корабля. Внутри происходит таинственное дей-

ство, невидимое глазу. Там газ — голубой дух земли — превращается в электричество.

Не так уж трудно было поначалу с освоением техники. Саратин достиг определенных успехов, научился постепенно разбираться во многих механизмах. А вот с людьми было посложнее. То ли чрезмерно увлекся машинами, то ли энтузиазм, вызванный открытием тюменской нефти и газа, так захватил и его, что вырвал, казалось, навсегда из привычного круга вещей. Как бы то ни было, он теперь смотрел на жизнь своих сородичей вроде со стороны, узнавая и не узнавая...

Да, жизнь его стала другой. Не в избушке живет семья Саратина, в большой квартире из четырех комнат. В квартире паровое отопление, газ, ванна, электричество... Тот чувал, оригинальнейшее изобретение манси, полукостер, полупечь, слепленная из глины, тот очаг с открытым огнем, который согревал избушку дедушки, сегодня Саратину кажется давней сказкой.

Кинематографисты снимают фильм у капища.

Кинооператор припал к дверце капища. Кинокамера стрекотала веселым кузнечиком. Что выхватил любопытный взор кинообъектива из хаоса допотопных, странных вещей? Сломанные ножи, которые валялись в углу, стрелы, наконечники которых съедены ржавчиной, так же как и ножи? Или черные, гладкие деревянные сабли, которыми бьются на игрищах, изображая борьбу великанов-богатырей из далекой сказочной жизни манси?

Или жадный взор кинообъектива скользит по стенкам амбарчика, где развешаны шкурки бобров, соболей, лисиц, белок, росомах? Или запечатлевает шерсть, которая летит с этих шкурок при первом прикосновении, как моль, как пыль веков? Кто-то уже успел вытащить из амбарчика берестяные маски. Кто-то напялил на свою маленькую головку высокие шапки великанов. Развевались конские хвосты, задевая высокие ветви священных деревьев.

Толпа загикала, заухала, пустилась в дикий пляс. Тайга кричала раздирающим душу голосом. Каждый старался перекричать, переплясать другого. Каждый лез в объектив...

— Блестяще! Неповторимо! Гениально! — продолжал восхищаться режиссер.

— Саратин, вы тоже, пожалуйста, наденьте шапку великана, попляшите! — бросил он торопливо, будто боялся что-то упустить, не взять, не успеть...

Саратин не пошевелился. Он будто остолбенел, стоял, как идол. Холодным, непонимающим взглядом смотрел он в упор на режиссера.

— Вот это поза! Скорей, скорей снимайте! — крикнул режиссер.

Оператор был уже тут. Кинокамера жужжала...

Саратин чуть не выругался. Да сдержался. Хотелось плюнуть, да все же рядом капище, святое место предков. Сказал в сердцах:

— Вы уж лучше бы снимали в цехе. У нас ребята в счет новой пятилетки работают.

— И в цехе снимем, — не понимая его обиды, отвечал ему режиссер. — И ребят ваших. А пока надо здесь потрудиться. Экзотика! Неподражаемо! Блестяще!..

Режиссер явно чувствовал себя если не создателем произведения искусства, то, во всяком случае, бережным собирателем остатков языческой древности, маггом, который мог остановить мгновение, само быстро текущее время, запечатлев его на пленку, вновь подарить людям.

Время, вперед! Оно неуловимо и неудержимо мчится, производя доброе, злое, вечное, мгновенное. Режиссер пытается его остановить хотя бы на миг. Но удастся это ли ему?

Саратин присел к спасительному огню. Здесь тишина. Лес молчал. Огонь говорил. Саратин думал о времени, о людях, о завтрашнем дне.

Добыча нефти и газа внесла в жизнь таежника много нового, неожиданного. Необычно широким оказался рабочий шаг нефтяного края. Бурное, штормовое тюменское время. Время беспокойное, без долгих привалов на отдых. Для Саратина оно было годами вдохновенной целеустремленной работы.

И все же этот необыкновенный для северян рывок кое-кого выбивал из колеи.

Может, северянину не под силу господствовать над техникой? Может, он психологически не успевает за стремительным движением техники? Его организм, нервы не готовы еще вынести то, что создано мыслью?

Много Саратин думал о воспитании любви к родным местам. Проблема ли это для северянина? Саратин ви-

дел, что многие его сверстники, которые вместе с геологами принимали участие в открытии месторождений, строили города, нефтепромыслы и трубопроводы, рано или поздно бросали эту работу и возвращались в родные места, начинали вновь заниматься «делом предков» — становились рыбаками и охотниками, хотя заработки здесь были во много раз меньше. Что это? Неспособность приспособиться к условиям промышленного производства? Или что-то другое?

Рабочий на Севере — человек денежный. Получает немалую зарплату. Но для северян рубль не играет главной роли, когда заходит речь о том, хочет он работать на газопромысле или на строительстве трубопровода. Интерес, содержательность труда и его обязательная связь с природой — вот, наверное, самое важное для северянина.

Волнует Саратина и судьба старинных красивых деревушек, расположенных в уютных живописных местах, где рыба плещется, и глухари токуют по весне, и лось выходит к воде, и медведь собирает черемуху. А какие там луга, покосы!

В таких живописных местах можно организовать не только бригады рыбаков и охотников, но и зоны отдыха, профилактории, пионерские лагеря...

И еще подумалось Саратину: никогда не надо спешить ломать традиционную жизнь, сложившуюся веками. А то получается, что от жизни предков ушел и новую жизнь понял как кино, как камлание киномеханика. Сломать легко, построить трудно, вернуть невозможно...

Да, хорошо, что в поселке, в котором живет Саратин, немало городских удобств: водопровод, газ, паровое отопление, телевизор, музыкальная школа, детские комбинаты.

И у Саратина была квартира в большом двухэтажном доме. Казалось, было уютно, свежо. И детям места хватало. И жена была довольна. Иногда Васильевна, его, Саратина, жена и друг, выросшая тоже в обыкновенном мансийском доме, разоткровенничавшись, радовалась удобствам современной квартиры.

И все же это был не мансийский дом — на втором этаже, высоко над землей. А манси — человек земной. К земле его тянет. На земле он чувствует трепет жизни, как дерево, как трава. Вот и отец Васильевны не хотел ехать из деревни в поселок к дочери, к внукам.

«Высоко,— говорит,— живете... а я человек земной». А сыновьям нужен был дедушка. Саратин видел, как они преображаются, когда запоет дедушка свои любимые мансийские песни, порой сложенные им же самим, как сразу наполняется квартира мансийским миром.

Саратин смотрит на деда, на детей и думает, какие все-таки огромные перемены произошли за последние десятилетия на его родине. Под высоким кедром, священным деревом предков, на священном кострище горел голубой огонь. Теперь голубой огонь горит в топках рыбоконсервного комбината, горит в огромных печах кирпичного завода, в пекарнях, в столовых, в квартирах рабочих поселков, в избах рыбаков и охотников в самых дальних деревнях. Голубой огонь горит и на мощных электростанциях, где работает Саратин старшим дизелистом, где рождается новый свет — электричество. Да, сегодня его поселок весь залит электрическим светом. Сплошное море огней над большой рекой, над тайгой. В его лучах померк звездный огонь неба. Голубой огонь Севера мчится по трубопроводам на Урал, в Центр, даже за рубеж, отсюда, от поселка, где живет Саратин, чтобы согреть, осветить жизнь людей других краев, нуждающихся в животворном тепле. Творцом того тепла, огнедобытчиком чувствует сегодня себя Саратин.

Сидя под высоким кедром, глядя на огонь, весело играющий на заброшенном священном кострище предков, Саратин думал о сегодняшнем дне. Да, он обязательно должен сказать свое слово. Мансийское слово. Рабочее слово. Веское слово огнедобытчика, гражданина.

Крылатый строитель

Ты — северянин, коль полон отваги
в злую метель и в морозную дрожь
и — не печешься о собственном благе
в миг, когда сердце сквозь вьюгу несешь.
Знай, что природа Полярного круга —
ради других и страданья и жизнь.

Слово за друга и сердце за друга —
истины этой как солнца держись.

Сначала была сказка. На крылатом олене летел Мирсуснэхум, строитель и творец Земли. Такое высокое имя он получил не сразу. Сначала его просто звали Эквапыгрись — Сын Женщины. Но когда он сотворил Землю, с ее горами, лесами, реками, озерами, ему дали имя Мирсуснэхум — Всестроящий, Всевидящий.

Летел Мирсуснэхум на крылатом олене и смотрел на Землю. Земля смотрела на крылатого строителя глазами озер и рек и будто спрашивала: «Сотворил ты озера и реки, а оживишь ли ты их, сможешь ли ты развести веселых и вкусных рыб?»

Зеленые леса махали зелеными ушами, вслушиваясь, что ответит крылатый строитель на их мольбу развести в лесах зверей с пушистым мягким мехом. Или лесам навсегда остаться глухими, пустыми, дремучими?

Мшистые болота с белым сочным ягелем тяжело вздыхали об оленях, которых обещал Сын Женщины, когда получил звонкое имя Крылатого Строителя. Имя строителя и творца получить нелегко. Еще труднее оживить все созданное, одухотворить и лес, и реку, и человека.

Крылатый Строитель летел на сказочном олене и думал о Земле, о Жизни, о Человеке.

Вертолет, крылатый олень, незаменимый вездеход неба, летит над Севером. Внизу — моя малая родина.

Осенняя солнечность. Синяя тень крылатого оленя скачет над просторами Обской поймы. Весной здесь играла вода. А теперь Обь сияет золотистыми косами, искрится лентами проток и речек, сверкает драгоценными слитками соров, в которых белеют лебеди.

Вот и Обь осталась позади. Внизу тайга. Впрочем, тайга вдоль речек узкими полосками тянулась далеко на Север. Но под нами уже простиралось лоскутное покрывало тундры с бесчисленными прорехами озер, речек, которые серебряным орнаментом красуются на покрывале тундры.

Прильнув к иллюминаторам, с удивлением смотрят вниз мои товарищи, спутники по полету: ленинградский поэт Олег Цакунов и киевский писатель Виталий Коваль. Я вижу, с каким жадным интересом мои товарищи

задают вопросы Николаю Дмитриевичу Кузнецову, первому секретарю Березовского райкома КПСС, о котором я уже рассказывал. Сквозь железный гул я слышу голос Николая Дмитриевича. Он рассказывает о Березове, о тюменских первопроходцах, о нефти и газе.

Я всматриваюсь в лицо первого секретаря. Слушаю его. Сравниваю. Думаю.

Вот уже более четверти века я общаюсь с руководителями этого района. Смотрю на них, слушаю. Много было настоящих руководителей. Болели за дело. Не щадили себя, свое время. Это были люди штормового тюменского времени. Времени первопроходцев! Времени первооткрывателей!

Николая Дмитриевича Кузнецова впервые я увидел на юбилее округа. В праздничном гуле мое внимание привлек еще совсем молодой человек, манерами и всем поведением не похожий на веселых, степенных, огрузневших именитых юбиляров, руководителей, первооткрывателей, покорителей нефтяного края.

Высокий, как Ермак. Стройный. Весело-спокойный. Темнорусый. Русский.

— Кто это? — поинтересовался я.

— Председатель Березовского райисполкома...

Руководителей района я наблюдал с самого детства. Некоторые из них были друзьями моего отца. Иногда приходилось их видеть совсем рядом, в домашней обстановке.

Я смотрел на них глазами ребенка, юноши, писателя. Мне кажется, что я создал в своем воображении определенное, устойчивое представление о руководителе района.

Каков же он? Это хозяин. Глава. Степенный. Мудрый наставник.

Кузнецов на них не походил. Слишком молод, еще нет и тридцати пяти лет. Во всем его облике было что-то юношеское, светлое, комсомольское. Что это? Нет, не задор комсомольский. А что-то другое. Сила, освещенная внутренним светом. Порядочность уверенного в себе человека...

Тот, кто твои соблюдает законы,
круг мой Полярный, и в этом упряма
и бережет, как охотник патроны,
то, что завещано предками нам,—
тот избежит слепоты и болезни,

холода, подлости злого врага
и удостоится круг его жизни
славы, как будто тепла очага.

Внизу опять замелькали серебряные цилиндры нефтехранилищ, разноцветная россыпь вагонов-домиков и трубы, трубы, трубы... И снова зеленая тундра с белым ягелем, желтыми песчаными проплешинами.

— В одиннадцатой пятилетке нам необходимо завершить строительство шести сверхдальних газовых магистралей, проходящих по территории района.

Говорит Кузнецов спокойно, основательно, подбирая слова. В железном шуме вертолета они приобретают особую значимость. Не для красного словца сказаны. В слове — дело.

— Вот и трасса газопровода Уренгой — Ужгород. Я не раз встречался со строителями газопроводов. Коллектив дружный, сплоченный, сознательный... Есть чему поучиться труженикам других отраслей хозяйства района. А вот по Продовольственной программе предстоит большая работа. Некоторые отрасли хозяйства оказались подзапущенными... Рыболовство, охота, оленеводство...

— Почему?

— Вот над этим надо думать. Причин много. Объективных, субъективных. Моральных. Нравственных...

Вертолет наш летел над трассой газопровода. Вокруг трассы болото, жиденький лес. Знаю, в стороне от дороги вязнут не только машины, но и люди, не знакомые с этими условиями. Лишь олени да оленеводы веками обживали этот край.

— Для оленей этот ягельный край — рай, — слышу спокойный голос Кузнецова. — Но в свое время руководители района допустили, мягко говоря, ошибку. Ликвидировали в колхозах оленей. Создали два специализированных оленеводческих совхоза. Специализация — хорошо. Но сегодня видим и недостатки. В этих двух совхозах на сегодня 44 тысячи оленей. Многовато. Ягель вытаптывают. Олень выкапывает его из-под снега, роя довольно глубокие «копанки». Благодаря этой своей удивительной, уникальной способности олени могли жить в просторах заснеженной тундры, кажущейся на первый взгляд безжизненной. Кусты ягеля зимой не отмирают, не увядают и не теряют своих питательных ка-

честв. Ткань их сочна, мягка, питательна. Они образуют сплошные ковры, что позволяет довольно большому числу оленей питаться на небольшой площади. И все же вот что говорят ученые.

Ягель растет медленно. За год куст отрастает всего на 4,8 миллиметра. Продуктивность ягельников мала — в год около 7 центнеров на гектар. Скусывая лишайник, олень уничтожает ту часть, которая нарастала десять лет. Поэтому в местах интенсивного зимнего выпаса ягельники выбиваются в течение 3—4 лет. На их месте вырастают другие растения. Лишь на шестой год передышки ягельник снова начинает оживать. Для полного же восстановления ягельника, выбитого зимней пастбой, необходимо не менее 15—20 лет. И на тех местах, где летом порезвился пожар, ягель может восстановиться лишь через 70 лет.

Если подумать, сколько же лет нужно, чтобы восстановить ягельники там, где прошли геологи, нефтяники, газовики, их могучая техника? А сколько тундры, лесотундры, тайги заняли и продолжают занимать газопроводы, вся могучая индустрия строителей. Много!..

Ясно одно: пастбища сокращаются. Ясно и другое: многие пастбища не используются в результате многочисленных реорганизаций колхозов, совхозов... Есть над чем подумать хозяйственникам Севера.

Все большее значение приобретает сейчас проблема рекультивации земель на Крайнем Севере, — говорит Н. Д. Кузнецов. — Например, восстановление сильно поврежденных и выбитых оленьих пастбищ, почвенного покрова на местахстроек, промышленных комплексов, добывающих предприятий. Для этого потребуются детальное изучение закономерностей экономических процессов. Как быть дальше? Ликвидировать оленей? Или вернуться (частично!) к их разведению в колхозах, в мелких стадах по две тысяч голов? Там пастбища вот уже десяток лет не используются, пустуют. Но возродить это трудно. Люди не хотят возиться с этой трудоемкой отраслью хозяйства. Помогите, писатели, возродить оленеводство и оленеводов!

Кузнецов кивнул в мою сторону! Мы не раз беседовали на эту тему. Видно, читал мои книги, статьи об оленях, оленеводах, о которых я пишу вот уже двадцать с лишним лет. Было время, меня ругали руководители

района, что пишу об «оленьей старине», а не о нефти и газе, дескать, поднимаю ненужный, даже вредный шум о бесперспективной отрасли хозяйства...

Под крылом вертолета проплывали просторы уже знакомого нам колхоза Теги. Пойма Оби, со множеством протоков, речек, соров, в которых играла летом вода, а теперь трава, море травы,— это источник для развития крупного рогатого скота, ощутимый источник решения Продовольственной программы. А за поймой Оби, вплоть до Урала, бескрайняя тундра с полосками тайги... Бескрайний простор для оленьих пастбищ, которые теперь уже (вот сколько лет!) не используются...

— Оленей так и так придется завести. Трудно будет, но надо. Дерзнем, а? — обращаясь ко мне, произнес Николай Дмитриевич, будто дальнейшая судьба оленеводства в этом колхозе, районе зависит и от меня, писателя.

И я принимаю вызов, готов помочь и словом. Знаю, слово имеет немалое значение в деле...

В устах первого секретаря я не услышал пустого суесловия. В слове «дерзнем» прозвучала нацеленность на большую работу, на истинное дерзание, свойственное настоящим людям.

Большое дело добыча нефти, газа, строительство трубопроводов. Большое дело и организация подсобных хозяйств на предприятиях. И хотя на стройках Березовского района Тюменской области они могут пока обеспечивать продуктами только на 15 процентов, и это дело немалое, оно требовало именно дерзания.

Кузнецов мечтает снова в колхозах возродить оленеводство. Не рискованно ли это? Ведь люди почти разучились пасти оленей.

Слова «дерзание» и «риск» — братья-близнецы. Не было и никогда не будет большого человеческого дела без дерзания, без риска.

Дерзание — это свойство человека беспокойного, творческого, способ его существования, дарящий ему высшую радость ощущения себя человеком — строителем, созидателем, а не только потребителем.

Дерзающий должен быть ответственным за направление дерзания, за его экономическую, общественную необходимость. Дерзать — значит одновременно пред-

видеть, верить в свое предвидение, уметь отвечать за допущенные ошибки.

Мы летим вдоль восточного склона Приполярного Урала. Внизу поблескивают речки, берущие начало с гор и питающие рыбистую Сосьву.

— А здесь была красивая речка Ярто-Шар,— говорит Николай Дмитриевич.

Внизу проплывал типичный «лунный пейзаж».

— Почему была? — спрашиваю я.

— Была. В прошлом году здесь все перерыли горнодобытчики из Свердловска. В речке не стало ни ям, ни перекатов. В договоре, в проектах на добычу есть пункт рекультивации земель, но ничего уже не восстановить, так как на месте отстойников ничего не осталось, все смылось паводками — и в реку. Нужны века, чтобы восстановить.

Огонь хрустальный струится в недрах черных.
И рада рать разведчиков упорных.

Была суббота. Другие северяне, как и все труженики, законно в этот день отдыхали на берегу реки, озера, в лесу, с ружьем, с рыбацкой снастью, а первый секретарь летел на вертолете с писателями, стараясь привлечь общественность к проблемам, которыми живет край, страна. И одна из них — дума о будущем природы, о реальных мерах, которые должны принимать люди сегодня...

— Это река Манья.

И я вспоминаю сказку бабушки. Она родом отсюда. Мы, все манси, живущие на берегу Оби, родом из верховьев речек, берущих начало на Урале. Рыба нас увела к большой воде от Урала — нашего Олимпа.

— Реке Манье надо дать отдыха на три-пять лет. За это время следует изучить тот ущерб, который нанесли горнодобытчики рыбным запасам и всей природе.

Река Манья в самый плохой год дает выход больше 6 миллиардов икринок. Это равняется продукции 37 рыбобоводных заводов. Ну, а Сосьва с ее притоками дает ежегодно от 25—30 тысяч центнеров сиговых рыб, всем известно. Охрана реки для нас — это один из источников решения Продовольственной программы.

Кузнецов возглавлял строительное управление, строил компрессорные станции. Легко ли было в болотистых местах, среди комарья, гнуса, топи, морозов строить?

Нелегко! Но надо. Значит, построили компрессорную станцию.

Кузнецов два года был председателем исполкома Березовского райсовета. Легко ли молодому, малоопытному? Нелегко. Но рядом была первый секретарь райкома КПСС Валентина Павловна Теленкова, настоящий комиссар 80-х годов, для которой в понятие «дерзание» входит одновременно понятие «деловитость». Для нее (как и для Кузнецова) делать дело — значит искать в нем новые грани, пробовать, а значит, и рисковать.

Когда Теленкову выдвинули на должность председателя исполкома Ханты-Мансийского автономного округа, лучшей кандидатуры на пост первого секретаря Березовского райкома, чем Кузнецов, не было. Знали: в нем, строителе, есть большое чувство ответственности за порученное дело.

Знать северянин мороза не хочет,
не замечает в бушующей тьме
колющей зрение северной ночи —
лишь у дурного дурное в уме.
Только хорошее видит сквозь вьюгу
каждый себя уважающий тут.
А вдоль Полярного нашего круга
только хорошие люди живут.

Прокладывая трубопроводы через Сосьву по дну реки, думали ли газовики и нефтяники, как это скажется на рыбных делах? Оказалось, что из-за этих труб сосвинская селедка не поднимается больше в верховья Северной Сосьвы, где у нее были свои зимовальные ямы, идет в приток — Ляпин, где искони зимовали другие рыбы, которым теперь приходится потесниться.

Подлинного комплексного подхода к охране природы нам подчас и поныне недостает. И не об одной рыбе тут речь: богаты земли Севера и зверем, и птицей, и другими благами.

Как наилучшим образом с этими богатствами обойтись, чтобы они и людям служили и не скудели, — так сегодня стоит вопрос.

Северянин не может жить без реки. Река для него и кормилица, и место, где он смог проявить свои лучшие человеческие качества — трудолюбие, упорство, стойкость.

Если когда-то мой отец был по-настоящему счастлив, то это на реке. Помню, на реке он всегда преображался, точно цвел, становился сосредоточенным. На реке плескалась не только большая рыба, но и слава отца. Помню трудные послевоенные годы. Два-три плана выполнял наш колхоз по сдаче рыбы. И сегодня, я вижу, мои братья не могут жить без реки. Хотя все они получили специальности, связанные с техникой, в конце концов вернулись к реке, к лесу, став профессиональными рыбаками, охотниками.

Лишь один братишка, самый младший, ушел в слесари на газопромисел... Но надолго ли?

Помню... Пока мы плыли плавной сетью вдоль пологой песчаной косы, по крутобережью реки прошел белый теплоход с туристами на борту, черная самоходка с железными трубами для строящегося газопровода, громадный сухогруз, везущий продукты питания для северян.

На широком плесе не только моторные лодки рыбаков, но и нет-нет да раздадутся настойчивые, требовательные гудки буксиров, перетаскивающих баржи и плашкоуты, плавучие краны с протянутыми к небу стальными руками.

На смену исконным речным посудинам — кочам, ладьям, баркасам, калданкам, саранхапам, паузкам, насадам — пришли современные большегрузные и быстроходные суда, суда-труженики, везущие все необходимое для северян на долгую зиму.

В короткое северное лето река, не зная ни дня, ни ни ночи, работает.

Как в таком шуме она еще смогла в своих струях сохранить рыбу, прекрасную речную рыбу?!

И опять я думаю. Некоторые защитники природы винят во всех бедах развитие техники. Какой позиции придерживаюсь я? Думаю, что возврата к идиллическому прошлому нет. Все, что происходит на реке, — это веление времени, жестокая необходимость, от которой зависит жизнь тех же северян. Однако правда есть и в том, что мы не найдем подлинного решения проблемы в непрерывном расширении промышленности на берегах рек. Наверное, надо контролировать технический прогресс таким образом, чтобы увеличить наши возможности, но не наносить непоправимый вред окружающей среде. Теперь человек вооружен техникой до

зубов. И если он не пересмотрит свое отношение к природе, то погубит ее. Природа должна рассматриваться как подлинный и равноправный партнер человека.

В общем-то мои предки совсем недавно так и относились к природе...

Человек хотя и могуч, но он же часть природы. В отличие от других существ он умеет познавать ее законы. И поэтому только он, человек, может обратить эти законы во благо всего живого.

В Сосьве плещется и самое крупное в нашей стране стадо речной пеляди, которую называют здесь по-местному сырком. В Сосьву на нерест заходит более 70 процентов щёкура. Сюда стали заходить стаи муксуна, нельма, даже стерлядь. Так что Сосьва имеет большое значение для рыбного хозяйства не только Сибири, но и всей страны.

Живая вода дает жизнь не только рыбе, но и лесу, и зверью. В лесах бассейна Сосьвы обитает немало интересных и редких видов животных и птиц. Речной бобр и соболь, выдра и ондатра. На просторах Сосьвы можно встретить краснозобую казарку и тундрового лебедя. Эти виды птиц занесены в международную «Красную книгу». По сообщениям печати, в бассейне Оби журавля-стерха видели в 1956 году. И не где-нибудь, а в озерах близ Камрадки — деревни моего детства. Теперь их осталось лишь несколько пар на севере Якутии. Государственные организации принимают всевозможные меры, чтобы спасти этих последних чудо-птиц. Правда, охотники говорят, что журавли-стерхи все же не покинули наш край. Этим птиц изредка видят на глухих таежных озерах.

В тайге и теперь можно послушать то бормотание глухаря, то писк рябчика, а в водоемах увидеть гусей, лебедей, стаи уток.

Большую роль в восстановлении бобра и соболя в лесах Обского Севера сыграл Кондо-Сосьвинский заповедник, организованный еще в трудные двадцатые годы. Но в 1951 году заповедник был закрыт. На всей площади его развернулись хозяйственные работы. Однако опыт снова подтвердил, что нужно бережно охранять природу этого края.

В феврале 1976 года был организован заповедник «Малая Сосьва».

Девяносто три тысячи гектаров находится под контролем немногочисленного коллектива лесничества. Но достаточна ли эта работа? Да и площадь заповедника мизерна.

Как спасти животный мир, уникальные рыбные запасы Сосьвы, уникальной реки Обского бассейна?

Единственный путь, считают специалисты,— это объявить реку Сосьву заповедником. В этом сходятся все ученые. Экспедиция ВНИИ охраны природы и заповедного дела Министерства сельского хозяйства СССР, которая побывала в верховьях Сосьвы, изучала возможности организации здесь природного национального парка.

Человек и природа

Люди жаждут общения. Особенно это чувствуется на Севере, где в глаза людей всю ночь, равную зиме, сыплет метель, где царствует белое безмолвие, где голос мерзнет на ветру и песня стынет на зубах, где к любому огню, будь то костер, чум или костер людской души, питаешь особое уважение. Прекрасная поэтесса Севера Антонина Кымытваль, поющая на чукотском языке с великой искренностью, присущей людям края хрустального льда, пишет:

Тундра, позови меня!
Где-то в отдалении
Назови по имени
Голосом оленьим,
Песней, полной удали...
Помнишь ту полянку:
Оленята спутали
С матерью — кухлянку...

Поэтесса, мечтающая о таинственном и странном родстве стран и народов, великих и малых, говорит о мудрых связях в природе, когда в поиске тепла оленята принимают за мать теплую кухлянку и люди ищут теплоты и взаимопонимания.

Никто, кроме жителя Севера, не может острее почувствовать, что значит для человека холод и одиночество. Когда услышишь с радостью в белом безмолвии даже голос оленя.

Страх, холод и одиночество испытал я однажды в детстве. Помню: небо и земля. На земле — снег. Ничего, кроме снега и льда. На небе — и луна, и звезды, и северное сияние. Небо играет всеми красками, а на земле мороз. Охваченное стужей, потрескивает карликовое деревце. Рядом с деревом стою я, вглядываясь в бесконечное белое безмолвие. Мне холодно. Каждой веткой звенит лунный лес. Звон все ближе, стужа злее. Тянется к сердцу острый, как нож, луч луны. Кажется, еще миг — и мое сердце навеки превратится в застывший, заледенелый цветок.

Я оглядываюсь. Далеко-далеко, точно оленин глаз, светится огонек. Это мой дом.

Но и тогда, когда стоял посреди снежной пустыни, во мне тлела надежда: рядом люди, рядом тепло родного очага. Надо собрать все силы, дойти до дома, и там отец, мать, мои родичи обогреют меня. Ведь они сильные люди: во тьме полярной ночи смогли сохранить огонь. И, наверное, если очень захотеть, то они могут обогреть всю нашу землю, и станет светло, солнечно, как летом...

Да, на Севере, в стране белых ночей, природные условия особые...

Зимой тундра и тайга превращаются в сплошное море снега. И тогда земля становится еще более безграничной, сливаясь с белыми просторами Ледовитого океана.

Белое небо, белая земля. Белый медведь, белый песец, белый горноста́й, белый заяц. Белое зверье бродит по белому Северу. Белая сова, белая куропатка. Белые птицы летают по белому Северу. И человек надевает белую шубу из белого оленьего меха.

Разыгрывается вьюга. Бешено мчится леденящий северный ветер и гонит по земле тучи сухого колючего снега. Все живое спешит укрыться. Звери зарываются в снег.

Каким мужественным, человеческим должен быть человек, приспособившийся к этим условиям, труднее которых человеку невозможно что-либо представить. Полярная ночь, мрак, мороз — зимой. Летом — болота,

комары... Уже сама жизнь здесь — подвиг. Севернее северных народов никто на планете не жил. От сопек Кольского полуострова до льдов Чукотки, от самых древних времен жили саами, ненцы, манси, ханты, эвенки, юкагиры, чукчи, эскимосы. Двадцать шесть малых народов не только выжили, но и создали свою самобытную духовную культуру, искусство. Неоценим вклад народностей Севера в цивилизацию человечества.

Известно, что Владимир Ильич Ленин с первых дней Октября много внимания уделял Северу. Ведь именно тогда планировалось строительство железнодорожной магистрали Обь — Котлас — Сорока — Мурманск. Эта дорога должна была дать выход богатствам природы бассейна реки Оби. Многие другие исследовательские экспедиции были организованы по указанию Владимира Ильича. Пристальное внимание Ленина диктовалось не только насущными хозяйственными заботами молодой республики, но и необходимостью освоения и развития богатейших пространств Севера.

Сегодня Западная Сибирь — один из бурно развивающихся районов страны. Моя земля рождает героев, которыми можно гордиться. Идет новый этап освоения края, связанный с широкой индустриализацией, созданием хороших бытовых и культурных условий людям, осваивающим Север. Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский и другие автономные округа сделали гигантский шаг в современность. И все это фактически при жизни одного поколения.

— Такой подъем на новые вершины не означает ли потери своеобразия, выработанного веками? — спрашивают некоторые.

Но национальную самобытность нельзя превращать в позу, кичиться ею.

Мой отец, приезжая ко мне в Ленинград, говорил: пусть чужая земля станет твоей, тогда и наша будет больше. Неси свой дух дальше, его будет больше.

Есть у нас люди, которые любят плакать о потере самобытности. Но разве можно остановить жизнь моих соплеменников на той языческой стадии, о которой я знал из сказок деда?

Я стремлюсь в своих книгах передать лучшие стороны народного характера, но не культивировать искусственно обособляющие черты. Надо знать свое прошлое,

оно всегда присутствует в современности. Но нельзя прятаться в нем намеренно.

Вспоминаю свой разговор с Аркадием Николаевичем Лоскутовым, о котором уже писал,— первым учителем манси на реке Сосьве. Он больше полувека проработал на Ханты-Мансийском Севере. Был председателем окрисполкома, директором музея. Своими глазами видел он, как менялась за годы Советской власти жизнь в этих местах, как преобразовался духовно человек. Его самосознание от простейших ощущений близости с природой доросло до высокого гражданского чувства.

Я — человек. Перед именем этим
Быть мне пожизненно в строгом ответе.

— Надо сохранить незримые, но прочные связи человека с природой,— утверждал Аркадий Николаевич.— А когда они устанавливаются? В детстве.

Бывало, мансийские дети еле-еле ходят, а родители уже их берут с собой. А как только начинают подрастать, для них делают маленькие весла, обучают управлять лодкой, приучают к жизни реки. Дети, достигшие девяти-десятилетнего возраста, помогают ставить сети, а подростки уже наравне со взрослыми тянут невод. Мансийские дети всегда отлично знали, когда поднимается вверх рыба, в какие сроки ее ловить, когда рыбе нужно дать покой для воспроизводства потомства. Это священный момент в жизни реки, и люди становились как-то тише, спокойнее. Прививаются ли сегодня ханты-мансийским детям эти способности и навыки, как дела с воспитанием подрастающего поколения у других народностей? На Урале не раз Лоскутову приходилось видеть других детей школьников, вместе со взрослыми пасущих оленей. С ними обязательно собака.

Сохранили ли сегодняшние северные дети прежнее свое умение управлять оленем и собакой? Играют ли они в оленеводов, а может, они только оленьееды? Разумеется, интересы северных детей не должны исчерпываться северными промыслами и его многовековыми традициями. Нефть, газ, современная техника, новое стремительно врывается в жизнь северян.

Многолетний опыт подсказывает русскому учителю, что детей Севера нельзя отрывать от природы. Дети Севера — страстные охотники, у них меткий глаз, прекрасно развито умение читать лес, по лесу идут и все

время к чему-то присматриваются, запахи ловят. И столько они видят, столько узнают по следам, что учителю они кажутся ясновидцами. Лишь потом, через много лет, он понял, как важно было охранять эту способность северян в новых поколениях.

Потеряв связь с природой, человек теряет и ценные нравственные качества, отличавшие его самобытность, — доверчивость, чистосердечие, естественность. Таежные жители особенно ценят тепло взаимного понимания, общения. И слово, как средство такого общения, почитают талисманом. Оно весомое, зримое, не разжиженное многократным повторением, не подменяющее собой дела.

Издавна старейшие открывают перед молодежью мудрость прожитого, делятся радостью познания, сказом, былиной, просто песней. Не прервется ли этот процесс с бурным развитием научно-технической революции, не заменит ли радость живых человеческих связей «телефонное общение», увлечение телевизором?

Опасения старого учителя мне понятны. И все-таки я верю в силы сибирского характера. Должно быть, всегда с чувством восхищения буду рассказывать о северянах, ведь то, что творят они своими загрубевшими от стужи и ветра руками, согрето теплом честных, открытых добрых сердец.

Знатный рыбак Ханты-Мансийского автономного округа, кавалер ордена Ленина Федор Сергеевич Терешкин ежегодно выполняет два-три годовых плана. В богатом рыбой озере Таптым Терешкин вылавливает по 700—800 центнеров рыбы ежегодно.

«Мы со старым Таптымом живем в большой дружбе, — и в шутку говорит Федор Сергеевич. — Он отдает лишнюю рыбу мне, а я — людям. Так будет всегда!»

«Я — людям!» — жизненное кредо сегодняшних северян, чьи деды еще по законам рода добывали ровно столько продуктов, сколько требовалось для этого рода на год.

Человек славен своим трудом. В мифологии моего маленького, но древнего народа манси человек не умирает совсем. Он превращается в кого-то другого. Если были в его жизни нравственные падения, если он совершал плохие дела, он может превратиться в червяка. Но если человек был строителем, созидателем, если

возвышенные у него были цели, то он может стать даже Мирсуснэхумом.

Как говорит легенда, Мирсуснэхум — творец. Он весь мир просматривает насквозь, он — словно ясновидящий ум. Человек, все тебе подвластно, если ты — Мирсуснэхум... Можешь горы воздвигать, большие дела вершить, песни складывать...

Очень важно, чтобы каждому хотелось стать Мирсуснэхумом — Строителем, Созидателем, Волшебником. Но ведь встречаются и такие: дай им тряпок, вещей модных — ничего больше не надо. Люди потребительского склада — это всегда люди духовно бедные. Когда же человек стремится к высокому творческому труду, лучшие черты его души получают развитие, растет человек. Он ведь по натуре — строитель, ему всегда хочется создавать прекрасное.

Я снова и снова думаю о том, как это важно понять, увидеть новое в человеке нашего сегодня в связи с его прошлым, конечно, с тем добрым, что идет от прошлого. Надо слушать человека, запечатлевать его сознание, опирающееся на память и опыт прошлого, а также новые мысли и чувства, рожденные от соприкосновения с современностью.

На солнечных ветрах

В долгие зимние ночи дедушка сказывал мне сказки и мифы. А иногда под удары бубна говорил:

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Ой! Вот вырастешь, поднимешься на высокую гору и, взирая на мир, слишком не ликуй от открывшейся твоему взору красоты. Но и не омрачайся, если не сразу будет открываться твоему разуму сущее этого мира. А в этом мире — борьба. Мороз воюет с теплом, жизнь со смертью. Вдумываясь в смысл символов жизни, ты увидишь, как белые духи добра борются с темными духами зла, а человек — между ними мечется от надежды к отчаянию. Любовь и ненависть играют в сердце человека... Человек... Ох,

это и медведь дремучий, и ящерица, отрубаящая себе хвост, и строитель. И увидишь, как некоторые человечки насмеются над высокими устремлениями. Как бедные на морозе добывают рыбу и зверя, а богатые сидят за осетровым столом наряженные в соболя-лисицы, как незваный к столу мудрости требует слова и признания, а настоящий мудрец скромно молчит.

— О, неужели все это так?! — восклицал я. — Боюсь человека и духов!.. Страшно мне...

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! — продолжал дедушка. — Не бойся! Есть одно волшебное лекарство от всех болезней и печалей — дорога! Откроется перед тобою дорога — иди! Увидят глаза красоту — не мешкай, езжай и размышляй.

Не могу сказать, что видел всю землю. Но главная дорога моей страны — дорога созидания и труда не раз открывалась перед моим взором. И я шел по ней не как праздный путник. Я побывал у рабочих и хлеборобов Николаевской области Украинской ССР, встречался с первостроителями Комсомольска-на-Амуре, с портовиками Ванино и Советской Гавани, с шахтерами Сахалина, с рыбаками далеких Курильских островов, с лесниками Коми-Пермяцкого автономного округа, с учеными Академгородка в Новосибирске. Поднимался на горы Кавказа, опускался на равнинную степь Казахстана, прикоснулся к земле и водам Ханты-Мансийского автономного округа, земле моих предков. И увидел я великую Страну Труда. Люди разных языков и рас живут в одной семье, работают. Они строители, созидатели.

Широкая асфальтированная дорога стелется под колесами. Добродушный русский парень уверенно ведет машину. Внизу — Кубань. Справа — обрываются ее берега. Слева — тянутся желтые поля и холмы, поднимающиеся все выше и выше...

— Обрати внимание на этот курган, — говорит мне Осман Хубиев, ответственный секретарь писательской организации Карачаево-Черкесии, указывая на могучего великана с крутыми скатами, покрытого выгоревшей травой. — Вряд ли он насыпан ради рядового воина-кочевника. Скорее всего — усыпальница безвестного вождя племени давних времен.

— Да, когда-то по этим холмам и скалам стояли

кордоны и крепости, кровь людская лилась,— задумчиво произносит сидящий рядом со мной абазинский поэт Джемуладин Лагучев.

— Стоит ли в прошлом копаться? — весело включается в разговор Бемурза Тхайцухов, абазинский поэт и прозаик. — Сегодня время дружбы народов, время труда и созидания.

Мы едем, спорим о древностях, размышляем о жизни, о сегодняшнем дне. А день — яркий и крылатый — перед глазами. Над полем летит самолет. Летит низко, старательно рассыпая минеральные удобрения. А на дальнем конце поля ходят тракторы.

Кто пашет на тракторе, водит самолет, кто сеятель и кормилец полей? Если бы подобный вопрос был задан, ответ был бы такой: и абазин, и черкес, и карачаевец, и русский — представители всех национальностей Карачаево-Черкесской автономной области, входящей в состав Ставропольского края. Они обрабатывают землю, строят гидростанции и жилые дома, роют каналы, работают на заводах и фабриках. О созидательном труде и дружбе людей, говорящих на разных языках, написал мой друг поэт Бемурза Тхайцухов:

Пусть будет малая крупица —
С друзьями счастье разделю.
Пусть это счастье повторится
В сердцах, которые люблю.

Мы шли с известным эстонским писателем Леннартом Мери по утреннему Таллину. Синий ветерок играл между узкими каменными улочками, неся с собою, казалось бы, запах времени. Задрвав голову, я любовался и жеманницей-башней, и драконами-водостоками на ратуше, над шпилем которой стоял «Старый Тоомас» — флюгер в виде воина.

Идешь по улице и словно ощущаешь подошвами плоские и твердые спины камней далеких времен. Но, поднявшись на Вышгород по самой древней и когда-то единственной дороге с причудливым названием «Длинная нога», я увидел вдали и новый, социалистический Таллин, привольно раскинувшийся у Финского залива.

Мне приятно шагать рядом с Леннартом Мери, замечательным писателем и путешественником. Вслед за великими мореплавателями прошлых веков он проплыл

по Северному Ледовитому океану, прошелся по Полярному кругу. Своей новой книгой «Мост в белое безмолвие» он как бы наново открыл мой Север.

Я иду рядом с ним под впечатлением только что просмотренных документальных фильмов, которые Леннарт Мери снимал сам на Севере. Мне посчастливилось увидеть хантыйский «Медвежий праздник» — редкое теперь экзотическое народное игрище, уходящее в прошлое. Особенно поразила меня лента «Ветры Млечного Пути». В этой кинопесне Леннарт Мери ищет то общее, что когда-то связывало угро-финские народы и что еще осталось у них, живущих от Закарпатья до берегов Ледовитого океана в Сибири.

Я вспоминаю встречу в Ленинградском музее этнографии — выступление Петра Ивановича Карелькина. Родом он с Алтая. По национальности — кумандинец. Небольшая по численности народность. Он рассказывал о 30-х годах, об Институте народов Севера, о первых студентах-северянах. После окончания института работал на своей родине инструктором крайисполкома, долгое время был научным сотрудником, а затем — заведующим сектором Сибири Музея этнографии народов СССР. На ту встречу Петр Иванович принес старые книги и журналы. В одном из журналов читаю: «12 февраля 1932 года в 14 часов из Ленинграда выехало семь собачьих упряжек. Восьмая упряжка шла из Мурманска, девятая — из Череповца. В сводном пробеге участвовало 14 человек. Лучшими были студенты ИНСа (Института народов Севера)». А цель этого пробега — «проверить применение ездовых собак как на время войны, так и в обстановке мирного строительства...».

Нельзя без улыбки читать эти строки. Но это было! На памяти фактически одного-двух поколений мы были свидетелями и «сводного пробега на собаках» и полета кораблей в космос. Сегодня же сводный звездный полет наших космических кораблей мы воспринимаем как должное.

Слушая Карелькина, я думал о времени, о гигантских шагах нашей страны, о современнике. На том же вечере выступил другой кумандинец — Леонид Демьянович Суртаев. Он читал свои стихи. Это действительно крылатый человек. Бывший военный летчик. Майор за-

паса. Летал он на современных сверхзвуковых самолетах. Сейчас работает в Ленинградском политехническом институте...

Да, изменяется экономика Севера. Развивается и совершенствуется его культура. Читая книгу доктора исторических наук Василия Николаевича Увачана «Путь народов Севера к социализму», чувствуешь, какая гигантская работа проделана Коммунистической партией, всем нашим обществом, если за какие-то десятилетия народности Севера из «каменного века» шагнули в социализм и стали с «веком наравне». Поучительна и сама жизнь автора исследования. Сын эвенкийского охотника стал крупным ученым, первым доктором наук Севера, государственным и общественным деятелем.

В новой книге В. Н. Увачана «Народы Севера в условиях развитого социализма», насыщенной яркими цифрами и фактами достижений трудящихся автономных округов Севера, есть такие строки: «Они (народы Севера.— Ю. Ш.) обогатили культуру человечества, одомашнив северного оленя, изобрели несложные, но талантливо сделанные орудия труда — охотничье и рыболовное снаряжение, оленеводческий инвентарь. Эти народы всегда и постоянно находились в тесной и непосредственной связи с естественной природной средой. Неоценим их вклад в цивилизацию человечества. И он должен непременно участвовать в современных планах и методах освоения Севера».

Это — голос человека, который многие годы непосредственно принимал участие в преобразовании Севера как первый секретарь Эвенкийского автономного округа. Думая о Василии Николаевиче Увачане, невольно представляешь себе человека Севера, поднимающего солнце над землей, которая была скована вековой тьмой.

История нашего братства народов — это прежде всего удивительная история преобразования человека!

Сначала была песня. Песня под северным небом. Оно прозрачное и звонкое. Лишь на берегу реки полоска тумана. Закованная в лед река дышит, но не поет. Звери, птицы тоже не поют. Все живое спряталось в норы и берлоги. Лишь какая-то смелая птица отважи-

лась покружиться в воздухе слабым и медленным полетом, оставляя за собой белую легкую полоску. Орел кружится в небе. И в звонкой тишине я вдруг слышу: «Ревет и стонет Днепр широкий...»

— Неужели птица поет? — удивился я.

— Не птица поет. Соседи наши, украинцы, наверное, поют, — сказала мама.

— Так их деревня ведь далеко от нас. Восемь, а может, целых десять километров... Знаю, целый день надо идти, когда пешком, — говорю я маме.

Морозное небо звонкое. Далеко слышно. И песни украинцев звонкие, крылатые. А крылатой песне мороз не помеха. На звонком морозе песня еще звонче...

И ревет, и стонет Днепр широкий, даже когда трещат морозы, когда закована Обь в лед... Но мне это понятно. Я видел великие волны Оби. Сам на них качался... Весной, когда трубили журавли.

Так я впервые услышал украинскую песню. Давно это было. В детстве. Под северным сиянием на берегу Оби.

И вот я в Киеве. Сюда меня привела песня великого Кобзаря. Вместе с братьями по перу, приехавшими на дни Тараса Шевченко, я слушаю певучую украинскую мову и думаю Думу о Времени. У каждого времени — своя песня.

В нашей стране складывается социалистический образ жизни с его принципиально новым, высоким типом жизнедеятельности людей, для которых делом чести стал творческий труд на благо всего общества, всей страны. Люди у нас оцениваются по труду, по отношению к своему делу, а не по национальному признаку.

Я впервые в Киеве. А вот слово мое, повести, стихи, как добрые духи Севера, как посланники дружбы уже появились здесь — в журнале «Днипро», в киевском издательстве «Веселка», потом издательство «Молодь» выпустило мою новую повесть. Издание книг писателей малых народностей Севера в разных республиках, на языках больших и малых — разве это не реальное проявление нашего советского образа жизни? Процессы взаимообогащения культур, глубокий творческий интерес народов друг к другу, взаимообмен достижениями...

Вспоминаю встречу в хантыйской деревне Теги. Песню моего отца в исполнении Константина Новьюхова с удивлением слушали мои спутники, друзья: ленинградский поэт Олег Цакунов и писатель из Киева Виталий Коваль. Виталий Коваль перевел на украинский язык мою повесть «Когда качало меня солнце», а Олег Цакунов, как и многие ленинградские поэты, давно переводит мои стихи на русский язык — язык дружбы и братства, согласия и взаимопонимания народов нашей Родины. Я им благодарен так же, как чукотской поэтессе Кымытваль, тувинскому писателю Тамбе, эстонцу Акселю Ораву, литовцу Карчаускасу, украинцу Тарану и многим другим собратьям по перу, которые перевели мои повести и поэмы на свои языки... С большинством из них я лично не знаком. И не был я еще на Чукотке, в Туве, Якутии, Латвии и других землях, где вышли мои книги. Но знаю — мы будем друзьями.

Человек человеку радуется через песню.
От сердца к сердцу летит дорожка через песню.
Сдружились — сравнялись — через песню.

...Мы летим над Курильскими островами. Рядом со мной — литовский писатель Альбертас Лауринчюкас.

— А знаешь, я чувствую себя как дома, — говорит он по-русски с едва заметным приятным акцентом. — Это я особенно сильно почувствовал во время встречи с рыбаками острова Кунашир. Какая же великая она, наша Советская Родина!

Мы сначала, естественно, восхищаемся чисто пространственным ее величием, а затем находим то духовное величие, что и связывает нас...

Мы с Альбертасом, два нерусских человека, беседуем по-русски. Русское слово для нас — посредник, помогающий понимать друг друга. И, разговаривая с Альбертасом, я, манси, чувствовал, что больше и больше начинаю понимать литовское сердце. И литовское сердце, наверное, больше понимает не только лично меня, но и манси вообще. На литовском языке издана еще лет десять назад моя первая повесть «Синий ветер каслания». Я написал ее по-русски не случайно: велико было желание рассказать о моем народе. Ведь в стихах, которые я писал по-мансийски, не все скажешь. Русский язык мне помог. Я не случайно взялся рассказать о манси...

В конце прошлого века этнограф К. Д. Носилов в

книге «У вогулов» писал о манси: «Откуда он пришел в эту тайгу, какие великие передвижения народов его сдвинули сюда, он не говорит, он забыл даже свое недавнее прошлое; но его типичные черты еще до сих пор напоминают юг, его солнце: кудрявые черные волосы, римский профиль лица, тонкий выдающийся нос, благородное открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий смелый взгляд ясно говорят, что не здесь их родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событиями, передвижениями в Великой Азии народов...

Такие лица скорее напоминают венгерца...»

Этот человек, проживший несколько лет среди таежников, изучал их жизнь, предлагая ряд проектов «спасения инородцев» от вымирания. Он печально заключал: «Манси не пытается уже больше появляться на мировой сцене, а, тихо вымирая, сойдет вовсе с лица нашей планеты...»

А теперь я могу сказать: я — манси, я — жив. Я не захотел, «тихо вымирая», сойти «вовсе с лица планеты». Конечно, народность манси невелика, но я не чувствую малости: я — россиянин, я — советский человек. Думаю, что то же самое чувствуют все советские люди из рода манси и из числа других национальностей.

...С седых веков люди учились преодолевать препятствия, которые их разделяли. Ехали друг к другу на оленях, пробиваясь через великий снег, прокладывали дороги, наводили мосты. Но наиболее трудным было навести мосты между народами:

И если где-то рад мой брат,
Я тоже счастлив, тоже рад...
И если в горе слезы льет,
Я тоже горечью объят.

Сколько же сил требовалось, чтобы создать великую семью народов, которая всего несколько десятилетий назад состояла из племен разноязычных, исповедовавших разную веру. Лучшие умы человечества мечтали объединить народы в такое дружное сообщество. И это стало возможным в нашей стране.

Вот что замечаю я, писатель из малого рода манси, — все чаще и чаще пишу не только о моих сородичах. Думаю и пишу о советском человеке. Что заставляет советского человека идти наперекор трудностям?

Что дает ему титаническую силу? Возросшее самосознание? Стремление испытать предел своих возможностей? Ощущение себя творцом будущего, нового человеческого братства?

Я думаю о чувстве единой семьи... Я сегодня говорил о людях разных национальностей. Это мои знакомые. И когда я общаюсь с ними, когда говорю, думаю об их делах, совсем не чувствую, что мы люди разного происхождения.

Играет большое солнце. Но я помню, что мир разделен не только на континенты. Есть мир социальной справедливости и добра — наш мир, мир наших друзей из братских стран социализма. Но есть мир гонений, холода и отчужденности. Золотым оленем счастья кочует солнце по нашей стране, но где-то в мире льется кровь людей.

Писатель не может оставаться спокойным, не имеет права стоять в стороне от проблем всей Земли, человечества.

Сегодня я думаю и пишу на двух языках. Этими двумя крыльями я научился пользоваться на берегах Невы.

И вот что я заметил: бывая в разных концах земли, я гляжу на мир глазами человека северного сияния. Только взгляд мой устремлен уже с иной высоты — с высоты столицы нашей Родины — Москвы, с высоты Ленинграда, с иного меридиана — Пулковского. Два огня во мне горят, а тепло одно.

Но где бы я ни был, всегда помню того мальчика, который сиротливо стоял когда-то в снежной пустыне и, жадно вглядываясь в бесконечное мироздание, мечтал добыть огонь и принести его людям. Смогу ли я сегодня согреть людей словом?

Содержание

Когда в руках журавль	3
Сначала была сказка	6
Шаги времени	18
От хорошего слова миру светло	30
Время доброго здоровья	43
Первый киномеханик	51
Песня старого ханты	59
С высоты крылатой лодки	73
Строим наш дом	81
Слово рабочего человека	99
Крылатый строитель	103
Человек и природа	113
На солнечных ветрах	118

ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ ШЕСТАЛОВ

Земля Югория

Редактор
А. Г. Перепелицкая

Художник
В. М. Прокофьев

Художественный редактор
Б. Н. Юдкин

Технический редактор
Р. Д. Рашковская

Корректор
А. З. Лазуткина

ИБ № 3282

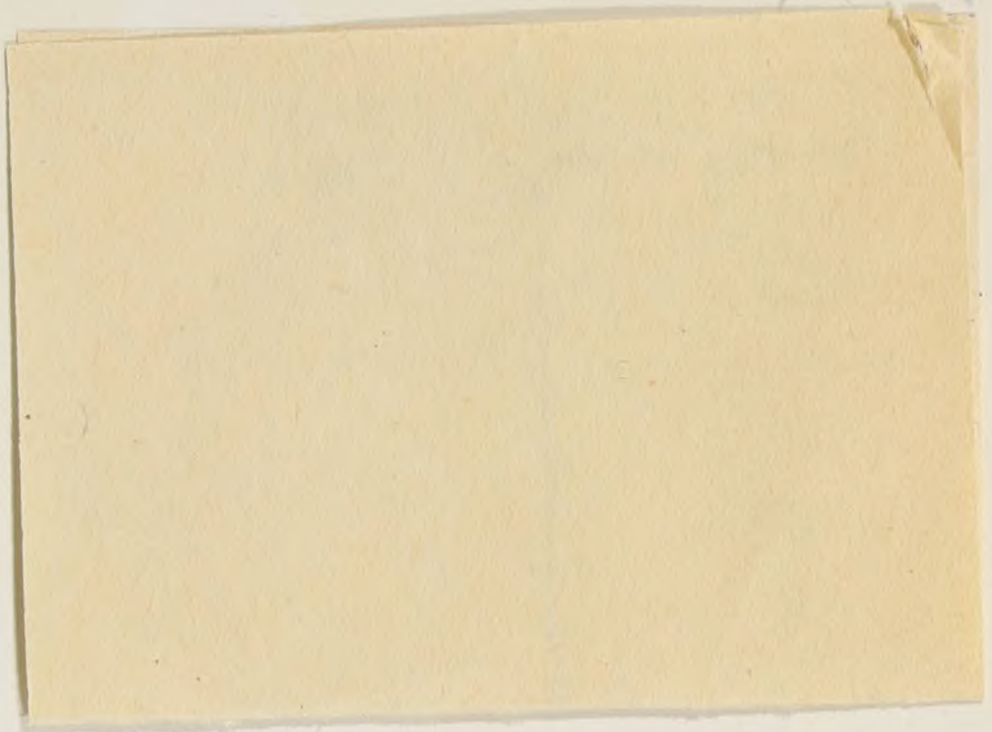
Сдано в набор 04.04.85. Подписано в печать 30.08.85. А11360. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл.
п. л. 6,72, Усл. кр.-отт. 7,04. Уч.-изд. л. 6,96. Тираж 15.000 экз. Заказ № 142. Цена
40 к. Изд. инд. ХД-554.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

X 7

6

32682004
Окружная библиотека

40 к.

Юван Шесталов
Земля Югория

"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"

РНФ

Государственная библиотека Югры